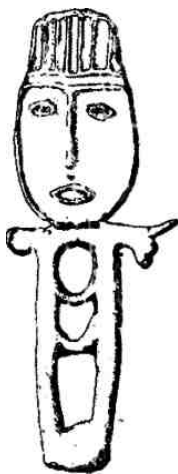

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

№ 2 (30) 2015

Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.

Уважаемые коллеги, читатели!
Поздравляем Вас с Великим праздником Великой Победы!

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Белова Н.А. (отв. секретарь), Буганов А.В., Боруцкая С.Б., Васильев С.В. (гл. редактор), Герасимова М.М., Губогло М.Н., Казьмина О.Е., Каландаров Т.С., Лейбова Н.А., Мартынова М.Ю., Макеева А.И. (отв. секретарь), Халдеева Н.И., Харламова Н.В., Чешко С.В. (гл. редактор).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В.А. (председатель, РФ), Блэйзер М. (США), Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В. (РФ), Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), П.М. Пашалы (Республика Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д. (Республика Сербия), Слезкин Ю. (США), Тумаркин Д.Д. (РФ), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика Узбекистан), Чае-ван Лим (Республика Корея), Чешко С.В. (РФ), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии

Васильев Сергей Владимирович

8 (495) 954 93 63

8 (495) 125 62 52

odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социальной / культурной антропологии

Чешко Сергей Викторович

8 (495) 954-83-29

8 (916) 288-63-04

ieamoscow@mail.ru

Интернет-сайт: www.antromercury.ru

ISSN 2311-0546

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2015

© Журнал «Вестник антропологии», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Физическая (биологическая) антропология

<i>Герасимова М.М.</i> Герасимиды	5
<i>Зубов А.А., Яблонский Л.Т.</i> Проблема расы и расоведение в современной этнополитической ситуации	23
<i>Колбина А.В.</i> Краниологическая характеристика человека из саргаринско-алексеевского погребения	26
<i>Ямпольская Ю.А.</i> Морфофункциональное развитие женщины в школьные годы (вторая половина XX века, Москва)	32

Вопросы религиоведения

<i>Казьмина О.Е.</i> Миссионерство и прозелитизм как категории религиозного дискурса и академического анализа.	48
--	----

Антропологическая мозаика

<i>Кауганов Е.Л.</i> Дебаты Вальзера-Бубиса» о значении Холокоста для национальной идентичности Германии	66
--	----

Полевые материалы

<i>Тумаркин Д.Д.</i> Кондоминиум или пандемониум? Советские этнографы на острове Эфате. Часть 2	73
---	----

Памяти ученого

<i>Хить Г.Л.</i> Воспоминания о М.С. Акимовой	96
---	----

Для студентов и аспирантов

<i>Громов Г.Г.</i> Методика этнографических экспедиций. Часть 2	105
---	-----

A Propos

<i>Чешико С.В.</i> А надо ли переводить сопромат на язык айнов?	136
---	-----

Рецензии

<i>Анчабадзе Ю.Д.</i> Рец. на: <i>Власова И.В.</i> Экспедиционные были. Путевые воспоминания. М.: ИЭА РАН, 2014. – 164 с.	141
---	-----

<i>Губогло М.Н.</i> По поводу <i>Квилинкова Е.Н.</i> Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов. Кишинёв, 2014. – 472 с. Рец. <i>Габдрахманова Г.Ф.</i> // Вести Гагаузии, 2014, 14 ноября. № 84–85.	145
--	-----

<i>Чешико С.В.</i> Рец. на: <i>Губогло М.Н.</i> Энергия доверия. Опыт этносоциологического исследования Референдума в Крыму 16 марта 2014. Кишинев: F.E. – Р. «Tipografia Centrală», 2014. – 222 с.	157
---	-----

Contents	162
----------	-----

Authors	163
---------	-----

Правила оформления статей (авторам)	164
-------------------------------------	-----

ЭТО ВАЖНО!

Несмотря на юный возраст новой версии нашего журнала, уже наблюдаются признаки того, что он уже нашел немалое число заинтересованных читателей и потенциальных авторов. Журнал привлек внимание и зарубежных англоязычных коллег, которые готовы писать в «Вестник антропологии». Естественно, возникает обычная проблема перевода текстов по причине нехватки средств. А если учитывать почти поголовное ныне знание английского языка научными работниками, то, возможно, в переводе и нет особой нужды.

В связи с этими соображениями редколлегия решила принимать к публикации англоязычные тексты. Это касается как оригинальных статей, так и перепечаток из зарубежных изданий (при согласии издателей). Наверное, важнее предельно расширять круг научного общения, чем сохранять привычные издательские нормы.

IMPORTANT!

Considering the young age of the new series of the journal, it comes as a good indicator manifesting that it has already succeeded in reaching a broad audience of both readers and authors. The journal has drawn the attention not only among scholars in Russian-speaking countries but also among researchers elsewhere who are interested in contributing to the *Herald of Anthropology*. Naturally, what arises is a usual problem of translation due to the situation with funding in academia.

However, given the widespread command of English among today's practitioners in social sciences and humanities, the editorial board of the journal has decided to endorse a policy of allowing manuscript submissions both in Russian and in English henceforth. This policy will apply both to the original and reprinted articles (published with the consent of copyright holders). We believe it is the time to expand the scope of scholarly communication and promote dialogue rather than hold to the canons of academic publishing industry.

ФИЗИЧЕСКАЯ (БИОЛОГИЧЕСКАЯ) АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572

© М.М. Герасимова

«ГЕРАСИМИДЫ»

Статья посвящена истории развития Лаборатории пластической реконструкции, основанной в 1950 г. при Институте этнографии АН СССР. Изложены биографии первых сотрудниц Лаборатории и учениц М.М. Герасимовой – Г.В. Лебединской, Н.Н. Мамоновой, Т.С. Сурниной.

Ключевые слова: пластическая реконструкция, антропология, М.М. Герасимов, Г.В. Лебединская, Т.С. Сурнина, Н.Н. Мамонова.

Однажды, несколько лет назад, наш коллега – Тельман Касимович Ходжайов, сказал, что мы, дескать, помним и отмечаем конференциями, заседаниями ученых советов, регулярными чтениями памятные даты, связанные с именами крупных ученых, наших учителей. Но сколько имен забыто или полузабыто, сколько антропологов, особенно женщин, работали много, честно, заинтересованно, не покладая рук, в тяжелейших условиях экспедиций, закладывая фундамент и возводя стены того здания, которое сейчас представляет современная антропология. Эти слова стали инициацией конференции «Посвящается памяти...» и публикации очерков, воспоминаний и анализов работ и проблем, связанных с ушедшими коллегами-антропологами.

Я решила написать об ученицах М.М. Герасимовой, с которыми проработала более 10 лет. «Герасимиды» – так шутливо называли старшие коллеги антропологи сотрудниц Лаборатории пластической реконструкции ИЭ АН СССР. Позволю себе сухую справку. В 1950 г. при ИЭ АН СССР, директором которого был известный археолог и этнограф С.П. Толстов, была создана специальная Лаборатория пластической реконструкции под руководством Михаила Михайловича Герасимова. После долгих лет работы энтузиаста и одиночки – это было признанием метода пластической реконструкции внешности человека по его черепу, огромной удачей ученого, дало возможность развернуть работу в этом направлении. С самого начала сотрудниками Лаборатории стали Таисия Сергеевна Сурнина, Наталья Николаевна Мамонова и Галина Вячеславовна Лебединская. Михаил Михайлович с удивительной теплотой и любовью относился к своим сотрудникам и гордился их успехами и радовался им значительно больше, чем собственным. Образование Лаборатории позволило осуществить ряд методических исследований. Овладевая методом, разработанным М.М. Герасимовым, работая в анатомичке, проводя свои первые контрольные опыты, коллектив Лаборатории, небольшой, но очень дружный, занялся также массовой реставрацией палеоантропологического материала в связи с основной проблематикой Института – вопросами

Герасимова Маргарита Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: gerasimova.margarita@gmail.ru.

расо- и этногенеза древнего и современного населения, стал выполнять скульптурные реконструкции по ископаемым черепам и, по заданию следственных органов, вести работу по опознанию личности неизвестных. «Все это выполняют мои сотрудники: врач-анатом Г.В. Лебединская, биолог Н.Н. Мамонова и антрополог Т.С. Сурнина. Это дает мне право говорить о том, что предлагаемые мной реконструкции и их методика являются областью науки, что процессу восстановления лица по черепу можно обучить, как любому антропологическому приему» – писал М.М. Герасимов в предисловии к монографии «Восстановление лица по черепу» (Герасимов 1955: 19). Сейчас эти слова звучат странно, за прошедшие годы метод стал общедоступным и широко вошел в практику антропологических исследований, криминалистику и музейное дело. Но тогда, «Герасимиды» стояли у истоков научного направления.

Рис. 1. В лаборатории на Пятницкой, 12
(Личный архив автора)

Лаборатория получила свое собственное помещение не сразу, возможно, через два-три года после своего образования и переехала из Института антропологии МГУ, где ютилась на птичьих правах благодаря доброжелательному отношению дирекции института, в подвал на Пятницкой улице в доме 12. Помещение было темное, без дневного света, и сырое. Но радости не было пределов. Были сделаны стеллажи, на которых

разместились работы Герасимова и их собственные первые работы, были заказаны картонные коробки для хранения черепов. Одна крохотная комната без окна, не более 6 квадратных метров, и вторая – не более 18 м, стали сосредоточием интереснейших встреч, разговоров и научных споров, веселых вечеров, где программа состояла не только из застолья, но и капустников и т.д. В Лаборатории собирались такие крупные ученые, друзья и коллеги Михаила Михайловича, как Максим Григорьевич Левин, Георгий Францевич Дебец, Вульф Вениаминович Гинзбург, молодые тогда Валерий Павлович Алексеев, Илья Иосифович Гохман, криминалисты и археологи, иностранные коллеги и просто друзья.

Когда я после окончания кафедры антропологии биолого-почвенного факультета МГУ была принята реставратором в сектор антропологии, Максим Григорьевич, как наш заведующий сектором и как зам. директора Института, территориально устроил меня в Лабораторию отца, где я прошла прекрасную школу не только профессиональную, но и чисто житейскую. За что я очень благодарна своим старшим подругам, Галине Вячеславовне и Таисии Сергеевне. Они приняли меня очень доброжелательно, как равную, и с первых же дней стали Галей и Тасей. С Таисией Сергеевной кроме доброжелательных, товарищеских коллегиальных отношений меня связывала до конца ее жизни и верная и нежная дружба. Позднее, когда Лаборатория переехала в 1960 г. в новое помещение на Ленинский проспект, д. 95, в ней появились две новые сотрудницы – Ираида Васильевна Каширина (муляжист) и Александра Александровна Гончарова (рентгенотехник).

А.А. Гончарова была старше всех, она прошла войну, была женщиной суровой, и я ее страшно боялась: «Риточка, когда у вас убегает воск, то это делается так, Риточка, посуду надо мыть вот так...». Представьте мой ужас, когда я грохнула поднос со всей посудой на пол! Тася мужественно взяла вину на себя!

В Лаборатории по просьбе Дирекции ИЭ я проработала с 1957 г. по 1970 г. вплоть до кончины отца, будучи официально сотрудником Отдела антропологии. С благодарностью вспоминаю эти годы, когда делила с сотрудниками Лаборатории и радость творчества, и тяжесть лабораторного

*Рис. 2. В лаборатории на Ленинском пр., д. 95.
Г.В. Лебединская сидит, Т.С. Сурнина стоит с координатометром (Личный архив автора).*

быта в подвальных помещениях. За это время Лаборатория сменила три подвальных помещения, и во всех них была удивительная атмосфера уюта, дружелюбия и творчества. В то время мы ходили на работу каждый день, и отвоевывали себе право на 7 часовой рабочий день из-за вредности условий работы. Нам даже полагалось бесплатное молоко, но мы этой привилегией не пользовались. Надо сказать, что эти годы были очень трудны для Лаборатории, поскольку подвальные помещения почему-то не раз и не два заливались водами из канализации. Погибли многие архивы М.М. Герасимова, чудом спасенные во время войны в блокадном Ленинграде и в эвакуации, книги, альбомы, фотографии, рисунки черепов и рентгеновские снимки. Но молодость брала свое, все, что можно отмывалось, сушилось, реставрировалось. Именно в это время и была сочинена Галей Лебединской шутивая песенка, обращенная к нашему заведующему сектором антропологии (ныне Центр физической антропологии ИЭА РАН) Максиму Григорьевичу Левину –

– Алло, алло, друзья, какие вести?
Давно у вас я не бывал,
я на Чукотке был в отъезде
и Уэлен я там копал.
– Все хорошо, Максим Григорьевич Левин!
И хороши у нас дела,
ни одного печального сюрприза,
за исключением – пустяка
Вновь затопило наш подвал, и матерьял весь пострадал
Инструментарий заржавел, и аппарат перегорел,
И вновь упали стеллажи, на них стояли муляжи,
Они разбились до тла, за ними рухнула стена,
Весь пол прогнил давным-давно, под ним скопилось «гуано»
А в остальном, Максим Григорьевич Левин,
Все хорошо, все хорошо!

Но мы любили нашу Лабораторию, старались сделать ее уютной и красивой, с радостью шли на работу. На Ленинском проспекте, в полуподвале дома № 95 уже стал

Рис. 3. Празднование Нового 1965 года в лаборатории на Ленинском проспекте (Личный архив автора).

денца *Homo sapiens* в мустьерском слое или, напротив, неандерталоидные черты в его строении в сочетании с верхнепалеолитической индустрией (см. об этом подробнее, Формозов 1958; Герасимов 1954), вызвали огромный интерес научной общественности, и на раскоп приехало, кроме специальной комиссии, много народу, в том числе и Наталья Николаевна Мамонова. Молодость беспощадна. Поскольку Наталья Николаевна была по возрасту где-то посередине между мной и моей матушкой, женщи-

Рис. 4. Н.Н. Мамонова за лепкой (Личный архив автора)

ной очень сдержанной, Наталья Николаевна казалась мне очень шумной, суетливой не по возрасту легкомысленной. Боже мой! Какой молодой она была – ей было всего 32 года! Она организовывала походы на Чуфут-Кале, для пикника мы залезали на какие-то вершины над Бахчисараем, ходили в ханский дворец и пытались подняться на минарет. Вот этот живой неподдельный интерес к жизни, событиям искусства и науки

Первая, с кем я познакомилась из «Герасимид», была Наталья Николаевна Мамонова. Это было на стоянке Староселье, под Бахчисараем. Сенсационная находка мла-

денца *Homo sapiens* в мустьерском слое или, напротив, неандерталоидные черты в его строении в сочетании с верхнепалеолитической индустрией (см. об этом подробнее, Формозов 1958; Герасимов 1954), вызвали огромный интерес научной общественности, и на раскоп приехало, кроме специальной комиссии, много народу, в том числе и Наталья Николаевна Мамонова. Молодость беспощадна. Поскольку Наталья Николаевна была по возрасту где-то посередине между мной и моей матушкой, женщи-

ной очень сдержанной, Наталья Николаевна казалась мне очень шумной, суетливой не по возрасту легкомысленной. Боже мой! Какой молодой она была – ей было всего 32 года! Она организовывала походы на Чуфут-Кале, для пикника мы залезали на какие-то вершины над Бахчисараем, ходили в ханский дворец и пытались подняться на минарет. Вот этот живой неподдельный интерес к жизни, событиям искусства и науки

остался у Натальи Николаевны на всю ее долгую жизнь. Н.Н. Мамонова проработала в Лаборатории со дня основания до 1962 г. Ею также выполнялись работы по реставрации черепов и реконструкции внешнего облика древних и современных людей. Пластическая реконструкция ее не очень увлекала, хотя в Отделе сохранились две очень хорошие работы Натальи Николаевны, но все больше ее захватывали проблемы расо- и этногенеза народов Сибири, романтика

экспедиционной жизни. Обаяние личности А.П. Окладникова, работа в его археологических экспедициях сделали свое дело. Она перешла работать в Отдел антропологии, лабораторию палеоантропологии. Однако до конца жизни Наталья Николаевна высоко ценила годы работы под руководством Михаила Михайловича, справедливо полагая, что именно здесь она получила прекрасную практику реставрационных работ и умение тонкой расовой диагностики.

Именно в экспедиции А.П. Окладникова в 1957 г. я вновь пересеклась с Натальей Николаевной. Как молодой специалист, я была привлечена для сбора палеоантропологического материала в различных отрядах огромной новостроечной экспедиции по подготовке чаши Братского водохранилища. Н.Н. Мамонова собирала материал для своей кандидатской диссертации, посвященной палеоантропологии прибайкальского неолита. Здесь следует заметить, что автор раскопок, А.П. Окладников, и М.М. Герасимов стояли на противоположных позициях по поводу стратиграфической колонки различных этапов (или культур) прибайкальского «неолита», и Наталья Николаевна, молодой еще исследователь, стояла перед сложной задачей выбора концепции, от которого зависела интерпретация полученных краниологических данных. Невзирая на огромную увлеченность личностью Алексея Павловича Окладникова, Наталья Николаевна скорее была склонна принять гипотезу М.М. Герасимова, придав ей, однако, собственный интерпретационный характер. Сбору и реставрации новых палеоантропологических материалов из погребений так называемого Прибайкальского «неолита», идентификации старых коллекций, хранящихся в Иркутском краеведческом музее и изученных в свое время Г.Ф. Дебецем, публикациям изученных серий посвящена большая часть научного творчества Н.Н. Мамоновой (Мамонова 1973, 1979, 1980, 1991, 1994). Огромная увлеченность исследуемым материалом, скрупулезность при изучении сопутствующего каждому погребению археологического контекста характерны для работ Н.Н. Мамоновой. И это не удивительно, поскольку она была ученицей и М.М. Герасимова и А.П. Окладникова, а оба они вышли из школьного кружка «Народоведения» при Иркутском краеведческом музее и оба были учениками Б.Э. Петри.

Вообще, Восточная Сибирь, Забайкалье, Монголия, Байкал – Азия далекая и таинственная до конца дней Натальи Николаевны завлекали, манили, восхищали ее.

Наталья Николаевна родилась в 1921 г. в г. Киеве в семье военнослужащего и медицинской сестры. Отец, Николай Васильевич Мамонов, был в рядах Красной Армии самого начала ее образования, последние

годы жизни, уйдя в отставку, преподавал теоретическую механику в Артиллерийской Академии им. Ф.Э. Дзержинского. Мать, Филомена Болиславовна, была медицинской сестрой, но имея двух дочерей, старшую Наташу, и Ирину – младшую, не

Рис. 5. Н.Н. Мамонова в экспедиции на Ангаре
(Личный архив автора)

работала, была домохозяйкой, что не удивительно, будучи женой военного. Обычная добропорядочная советская семья со своим устоявшимся бытом. Наталья Николаевна с большой теплотой вспоминала свою семью, и, обретая свою семью и свой дом, сама была хлебосольной и доброжелательной хозяйкой.

*Рис. 6. Н.Н. Мамонова в экспедиции в Забайкалье
(Личный архив автора)*

Огромное число коллег, археологов-сибиряков, находили здесь, на улице Фабрициуса и стол, и кров. В 1940 г. Наталья Николаевна окончила полную среднюю школу № 43 в Москве и сразу же поступила на Биолого-почвенный факультет МГУ. Во время войны вместе с Университетом эвакуировалась в г. Свердловск, где продолжала учиться вплоть до

1943 г. В 1943 г. пришлось прервать занятия и перебраться к семье в Самарканд. Там она работала на заводе, а затем в лаборатории электротехники при Артиллерийской Академии и во «Всесоюзной лаборатории ядовитых грибов». Вернувшись в 1945 г. в Москву, в 1946 г. восстановилась в числе студентов биофака и окончила его в 1949 г. Специализировалась в области эмбриологии, дипломную работу выполняла под руководством проф. А.А. Захваткина. Была рекомендована в аспирантуру, сдала экзамены в Институт морфологии животных АН СССР, но в лаборатории эмбриологии не оказалось вакантных мест. В мае 1950 г. Н.Н. Мамонова была зачислена в Лабораторию пластической реконструкции ИЭ АН СССР на должность научно-технического сотрудника. Как и ее коллеги, Г.В. Лебединская, Т.С. Сурнина, она училась реставрировать, описывать, и рисовать черепа, делать первые опыты контрольных реконструкции (криминалистика), а потом и по черепам из древних могильников Прибайкалья и Забайкалья, предмета ее научного увлечения. С 1962 г. Н.Н. Мамонова безраздельно посвятила себя палеоантропологии Восточной Сибири. Вот только краткий перечень ее экспедиционных поездок и командировок: в Бурят-Монголию 1952, 1953, 1954, 1955 гг., многомесячные работы в составе Ангарской экспедиции 1956, 1957, экспедиции Бурятского НИИ, трижды принимала участие в Советско-Монгольской экспедиции, многочисленные командировки в Ленинград, Новосибирск, Томск, Казань. И все это при условии тяжелых жизненных испытаний: смерти матери в 1965 г. и первого мужа, когда она осталась одна с 7-летним сынишкой на руках, смерти отца в 1968 г.

Вспоминая теперь события тех давних лет, к сожалению, должна признать, что «Герасимиды» уже не были близки с Натальей Николаевной, и дружеская поддержка была минимальной. Невзирая на тяготы судьбы, Наталья Николаевна сделала за свою жизнь очень много. Увлеченность наукой была фантастической. Ею был собран и изучен значительный палеоантропологический материал из могильников Забайкалья и Прибайкалья различных исторических периодов, так ею были изучены черепа

из гуннского могильника Черемуховая падь (Мамонова 1974) и средневековые кочевники Забайкалья (Мамонова 1961). Собрана была значительная краниологическая и остеологическая коллекция по современным бурятам, опубликован материал из могильников неолитического времени, скифского и гуннского из Монголии, что особенно ценно, поскольку до этого с территории Монголии материал практически отсутствовал (Мамонова 1978, 1979, 1980). К сожалению, Н.Н. Мамонова так и не защитила свою диссертацию «Древнее население южных районов Восточной Сибири в эпоху неолита и ранней бронзы», хотя работа была утверждена для защиты на соискание ученой степени кандидата наук. Этому воспрепятствовало странное, вне логики, желание вместить в работу все, что автор знал и думал по этому поводу, желание улучшать и улучшать свою работу. Очень и очень жаль.

Значительное место в работах Н.Н. Мамоновой занимают методические исследования. Такая работа, как «Определение длины костей по фрагментам» вошла в практику судебно-медицинской экспертизы. (Мамонова 1968) – написал в характеристике Н.Н. Мамоновой в 1979 г. заведующий отделом антропологии ИЭ АН СССР А.А. Зубов. (Личное дело Н.Н.Мамоновой / Архив ИЭА РАН: 24). Вторая работа такого плана – «Опыт применения таблиц В.В. Бунака при разработке остеометрических материалов» (Мамонова 1986). Она принимала активное участие в разработке программы и методики исследований аномалий черепа совместно с Ю.Г. Рычковым и А.А. Мовсесян (Мовсесян и др. 1975). Эта работа, можно сказать, положила начало вновь вспыхнувшему интересу к изучению дискретно-варьирующих признаков. Безусловно, инициатором изучения этих признаков, в которых он видел истинные фены, был Ю.Г. Рычков. Н.Н. Мамонова и в этом исследовании, т.о. стояла у истоков этого нового направления в отечественной науке. В 1986 г. Наталья Николаевна ушла на пенсию. Значило ли это, что она ушла из науки? Безусловно, нет!

Начиная с 1986 г. Наталья Николаевна предпринимает широкомасштабный сбор материалов, главным образом, из Восточной Сибири, ведет обширную переписку с археологами и получает от них посылки с костным материалом для совместной работы с Л.Д. Сулержицким по радиоуглеродному датированию палеоантропологического материала. В результате 322 радиоуглеродных определения возраста костяков из погребений неолитических, энеолитических и бронзовых культур Восточной Сибири. Эта работа в течение многих лет оставалась единственной в своем роде (Мамонова, Сулержицкий 1986, 1989).

Полный список публикаций Н.Н. Мамоновой опубликован в Вестнике антропологии ИЭА РАН (Пежемский 2002). Он насчитывает 31 работу. По нынешним масштабам, это не так уж и много, но не следует забывать, что в то время, когда начинали работать и работали коллеги, о которых я пишу, никакой вычислительной техники, кроме счетов, логарифмической линейки и «Феликса» не было. Все делалось вручную, вычисление всех параметров серий, средних, ошибок средних, сигм, коэффициентов вариации и т.д., делалось вручную, по формулам, все сравнения, будь то по Пенрозу или Махаланобису!

До конца своей жизни Наталья Николаевна интересовалась делами Отдела антропологии. Она уже не выходила далеко от дома, дорога до Отдела была трудная, долгая, с пересадками. Поэтому все общение было по телефону. Не скрою, мы часто про себя ворчали из-за длинных разговоров, не понимая, как она тосковала по профессиональному общению. Последние годы жизни мы ежегодно собирались у

Натали Николаевны дома, на день ее рождения – 20 июня. Она очень любила этот день, заранее к нему готовилась, на столе всегда были ее фирменные очень вкусные котлеты, молодая картошка, пирог с капустой. Всегда было много цветов. Наталья Николаевна очень любила цветы, у нее всегда весной и летом в доме были букеты черемухи, сирени, тюльпаны. Публика собиралась очень интересная. Прежде всего – старинная подруга, умная, язвительная Марьяна Давыдовна Гвоздовер, не менее острая на язык Светлана Владимировна Ошибкина, Ирина Золотарева и Коля Бадер, иногда Света Студизцкая, Леопольд Дмитриевич Сулержицкий, из молодых – Сергей Васильев (московский), не считая родных. Случались проездом и сибиряки – иркутяне, читинцы. Всегда было шумно, интересно, всем было что рассказать, что вспомнить! Скончалась Наталья Николаевна в возрасте 86 лет.

Галина Вячеславовна Лебединская, была противоположностью экспансивной, экстравертивной Наталье Николаевне. Очень собранная, сдержанная, ответственная. Небольшого роста, изящная, элегантная, да просто красивая женщина. Из всех нас она была наиболее художественно одарена, писала стихи, хорошо лепила, пробовала рисовать. Ей была свойственна эстетизация быта, именно она привнесла в лабораторный быт уют и желание приукрасить наше, в общем-то, убогое местобитание. Полы в лаборатории натирались, лабораторные столы очищались каждый день при разборке от земли и воска, посуда была всегда вымыта. Это был наш дом. Это отношение к своему месту работы сохранилось у меня по сей день, хотя не всегда, увы! удается его реализовать.

Галина Вячеславовна родилась в 1924 г. в Ленинграде в семье научных работников. Ее отец Вячеслав Васильевич Лебединский был талантливым химиком, его основные труды – по комплексным соединениям платины, иридия и др. металлов, за разработку промышленного метода разработки родия, получивший в 1946 г. член-корреспондента АН СССР помещалась академическая поликлиника и небольшой стационар. Мать – Надежда Павловна Анненкова, была кандидатом биологических наук. Происходила она из известной семьи Анненковых, давшей графика, литератора и театрального художника Ю.П. Анненкова. В семье было двое детей Ира и Галя. Старшая дочь, Ирина Вячеславовна (в замужестве Голубева) стала очень крупным гинекологом и эндокринологом, одной из первых у нас в стране делавших операции по изменению пола по медицинским показаниям. Галя была младшей. В 1931 г. она поступила в среднюю школу, в 1936 г. семья переехала в Москву. Жили они на Сretenском бульваре, в известном доме Страхового общества «Россия». Окончила школу в 1941 г. накануне войны. Во время войны в 1941 г. была эвакуирована вместе с семьей в Казань. Вернувшись в Москву в 1942 г. поступила во 2-ой Московский медицинский институт, который окончила в 1947 г. по специальности лечебное дело. 30 июня 1947 г. решением Государственной экзаменационной комиссии ей было присвоена квалификация врача. В сентябре этого же года была зачислена в аспирантуру по кафедре нормальной анатомии. Она проучилась на кафедре в аспирантуре три года, но почему-то диссертацию не защитила. Позднее, когда она поступила на работу в Лабораторию пластической реконструкции, у нас долго стояли заспиртованные и в формалине препараты проводящих путей головного мозга, изготовленные руками Галины Вячеславовны. Руки у нее были замечательные, она очень неплохо рисовала и лепила. Причем, надо отметить, что в своих скульптурных и графических реконструкциях она искала свой стиль, свой почерк.

Когда я попала в Лабораторию, я довольно быстро сошлась с Галей и хочу сказать, что она мне очень помогла в разрешении некоторых достаточно сложных ситуаций в моей жизни. И я ей очень благодарна. И всегда это помню, как бы ни складывались в дальнейшем наши отношения. А отношения наши продолжались на протяжении всей моей работы в Институте вплоть до смерти Галины Вячеславовны.

Жизнь Галины Вячеславовны не была безоблачной, хотя она родилась в благополучной обеспеченной семье, жила в прекрасной отдельной квартире, чего были лишены многие и многие ее сверстники. Довольно рано, в 1950 г. она потеряла мать, через 6 лет умер отец. В 1951 г. она вышла замуж, в 1952 родила дочь Ксению, через пять – Катю. Она была прекрасной матерью, очень собранной, ответственной. К счастью, она могла позволить себе иметь няню для девочек, и работала в полную силу. Из скупых строчек личного дела очень мало можно узнать о личности человека вообще, а личное дело Галины Вячеславовны вообще удивляет своей лапидарностью. Поэтому, я позволю себе обратиться к статье Г.В. Лебединской (*Лебединская* 1998), где она пишет о первых шагах в области реконструкции лица по черепу. Она описывает, как прежде чем попробовать себя в области реконструкции, они (Тася, Галя и Наташа) должны были научиться реставрировать черепа и делать их обводы для графических реконструкций. И хотя эти предварительные этапы достаточно трудоемки, Михаил Михайлович, пишет она, научил любить их. «Перед нами была поставлена задача, не только освоить метод реконструкции, но и продолжить работу, необходимую для дальнейшего его совершенствования, уточнения и объективизации» Этому предшествовал целый ряд проделанных под руководством Михаила Михайловича «контрольных опытов», которые состояли в том, что выполненная реконструкция сопоставлялась с прижизненной или посмертной фотографией умершего. Внимательно обсуждались все ошибки, неточности, выявленные при сравнении, обсуждались коллегиально описания черепов, обводы и воспроизведенные графические контуры лиц. Галина Вячеславовна с грустью пишет, что эта традиция не сохранилась (*Лебединская* 1998). Можно только присоединиться к этим сожалениям.

Первой работой Г.В. Лебединской по усовершенствованию некоторых методических приемов в связи с уточнением существующей зависимости между строением мягких тканей лица и подстилающей костной основы было предложенное М.М. Герасимовым на анатомическом материале уточнение положения внутреннего и наружного углов глаза (*Лебединская* 1957). Так же на анатомическом материале отмечалось специальным составом положение бровей, крыльев носа, филтрума, носогубных складок и т.п., т.е. на черепе возникала своего рода топографическая карта ряда важных морфологических черт лица. В последствие, этот материал весьма пригодился при разработке программы исследований живого населения для получения массового материала для выявления соотношений между морфологическими признаками лица и морфологическими признаками черепа. Ранее полученные данные позволили для этой цели применить пальпаторно-маркировочный метод (*Балуева и др.* 1988), а статистический анализ позволил выявить степень взаимосвязи между изучаемыми признаками и проследить динамику их возрастных изменений (*Балуева, Лебединская* 1991). Считаю необходимым сказать, что коллегиальность так глубоко проникла в менталитет Галины Вячеславовны, что в обеих этих работах, идея которых целиком принадлежит ей, в первой из которых большая часть текста и большая часть реконструкций принадлежит опять-таки ей, как автор она занимает отнюдь не первое место!

Следующими работами в русле усовершенствования метода реконструкции были исследования зависимости строения носа от его костной основы. М.М. Герасимовым были сформулированы принципы построения носа и апробированы на криминалистическом материале, однако материалы, на которых были выведены закономерности между костной основой носа и мягким носом были немногочисленны, некоторые наблюдения требовали подтверждения и М.М. предложил Галине Вячеславовне провести исследование на рентгенографическом материале. Было собрано более 200 рентгенограмм, применение методик контурорентгенографии и рентгенограмметрии позволило подтвердить подмеченные ранее закономерности, а некоторые уточнить. Практически, как пишет Галина Вячеславовна, «...прием, применяемый М.М. Герасимовым, продолжает применяться и нами, поскольку ошибка была незначительной» (Лебединская 1998). Результаты этих исследований получили отражение в нескольких публикациях и диссертационной работе, защищенной буквально накануне смерти М.М. Герасимова (Лебединская 1965, 1965, 1973).

У меня с Галиной Вячеславовной есть небольшая совместная работа, идея пришла в голову мне, но практическое осуществление и изготовление прибора координатометра принадлежит исключительно Г.В. Лебединской (Герасимова, Лебединская 1962). Только отсутствие средств и умения изготавливать чертежи остановило нас для подачи нашего изобретения в патентное бюро.

Несмотря на то, что основное направление в работе лаборатории пластической реконструкции было дальнейшая разработка методики восстановления внешнего облика человека по его костным останкам, Галина Вячеславовна, вспомнив свою специальность, с интересом занялась палеопатологией. Первый ее опыт такого исследования – это описание травм на черепах из Пепкинского кургана – братской могилы абашевцев, погибших в межплеменной схватке. Ею были описаны два случая трепанации и на основании состояния краев произведенных отверстий высказана идея, что трепанация производилась с ритуальными целями. Травматические повреждения на большинстве черепов явились результатом военного столкновения и были в большинстве своем причинены боевыми топорами (Халиков и др. 1966). Второй опыт – это определение травм и костных патологий на костях из раскопок эскимосского могильника Эквен. Эта работа отличалась от предыдущей не просто констатацией патологии или травмы у отдельного индивида, но попыткой дать общую оценку состояния здоровья популяции, оставившей этот могильник. Можно сказать, что именно эти работы лежат у истоков отечественного направления в палеопатологии (Лебединская 1969). Именно не казуальный подход, свойственный замечательному палеопатологу Д. Рохлину, а вероятностно-статистический, свойственный антропологу, характерен для работы Г.В. Лебединской.

После смерти М.М. Герасимова, совместно с которым Г.В. Лебединская проработала 20 лет, она как уже специалист со степенью стала заведующей Лабораторией пластической реконструкции. Она отдавала Лаборатории все силы. Ею было сделано значительное число скульптурных и графических реконструкций. Итогом этой работы явился альбом «Облик далеких предков». Прекрасные скульптурные реконструкции, очень выразительные, показывают, как Галина Вячеславовна искала свой художественный стиль, как в скульптуре, так и в графике. Галина Вячеславовна в последнее время очень увлеклась идеей создания галереи лиц, происходящих из того или иного археологического памятника. Примером тому служат портреты древних эскимосов (Лебединская 2006).

Все годы заведывания Лабораторией Галина Вячеславовна продолжала поиски возможностей изучения взаимосвязи мягких тканей лица и подстилающей их костной основы на массовом материале, позволившем провести статистический анализ. Подробно об этих поисках можно прочесть в ее статье «Школа антропологической реконструкции профессора М.М. Герасимова» (Лебединская 1998). Галина Вячеславовна много и самоотдаваясь работала, вкладывая в работу своей лаборатории всю душу, время, материальные затраты, воспитала плеяду учеников.

Под ее руководством были защищены три кандидатских диссертации. Ее работы экспонируются во многих музеях страны, было несколько персональных выставок в Дарвиновском и Тимирязевском музеях Москвы. Работала Галина Вячеславовна вплоть до того рокового дня, как она сломала шейку бедра. На работу ей уже было не суждено вернуться. Свой уход на пенсию уже в достаточно пожилом возрасте, Галина Вячеславовна восприняла трагически, мы много с ней разговаривали по этому поводу, ее все беспокоило, все огорчало. В голове у нее было много идей, нереализованных планов. До последних дней лаборатория занимала огромное место в ее жизни.

Таисия Сергеевна Сурнина (Маевская) была единственным антропологом среди учениц М.М. Герасимова. Она родилась 1924 г. в Москве, в семье служащих. Отец ее – Сергей Константинович Маевский, был юристом. Мать – Елизавета Ильинична, была медсестрой. Это была интеллигентная, по тем временам обеспеченная семья, сохраняющая устои старомосковского уютного быта и с четкими представлениями о том, что хорошо, а что плохо. Таисия Сергеевна сохраняла этот уклад, ее гостеприимный и хлебосольный дом всегда был открыт для ее друзей и коллег, он собирал за своим столом антропологов разных поколений. Какие замечательные салаты, пироги и заливное подавались в этом уютном доме, как всегда был красиво накрыт стол! Эту традицию хлебосольства сохранила и дочь Таисии Сергеевны, Ксения Владимировна Ронжина, и внучка Ирина Александровна.

Юность Таисии Сергеевны пришлось, как и остальных Герасимид, на тяжелые годы войны, и она совсем еще юной, как тогда было принято, ходила помогать в больницу,

Рис. 7. Г.В. Лебединская
(Личный архив автора)

Рис.8. Т.С. Сурнина
(Личный архив автора)

где лежали несчастные блокадные дети. В 1943 г. в Москве, в разгар войны, Таисия Сергеевна окончила среднюю школу, и год проработала секретарем в той самой Таганской детской больнице. Детские тельца вывезенных из Ленинграда блокадников на много лет оставили в ее душе неизгладимый след. Вопреки желанию матери, которая хотела, чтобы дочь стала врачом, она решила поступить в Финансовый институт, проучилась там семестр и поняла, что это не для нее. Внучка же ее стала преуспевающим экономистом, к вящему удивлению и радости бабушки. В 1944 г. Таисия Сергеевна поступила в МГУ, на биолого-почвенный факультет, который окончила в 1949, специализируясь в области антропологии. Училась она с большим интересом. Надо сказать, что и факультет, и сама кафедра антропологии были в тот период очень сильны своим профессорским составом, не смотря на «лысенковщину». И Яков Яковлевич Рогинский, и Михаил Федорович Нестурх всегда выделяли ее и называли Тасенькой, не говоря уже о возникшей дружбе с Михаилом Исааковичем Урысоном. Тася Маевская оказалась талантливым морфологом, с острым и пытливым взглядом. Следует остановиться на ее студенческой работе, к сожалению утраченной. Она изучала морфологию пяточных костей человеческих эмбрионов при помощи микротомных срезов. Затем эти срезы воспроизводились в определенном масштабе на восковых пластинах. Получалась трехмерная точная модель пяточных костей эмбрионов различных возрастов. Мне неизвестны работы подобного рода.

В Лабораторию пластической реконструкции М.М. Герасимова она поступила в 1950 г., т.е. тоже была у истоков ее деятельности. Она сразу поняла, что это то, что ей интересно и нужно. По ее признанию она ходила на работу, как на праздник. Она, как и Галина Вячеславовна, и Наталья Николаевна, училась делать обводы черепов, на их основе создавать графические реконструкции, что очень трудно для людей, не имеющих таланта к рисованию. Она мне рассказывала со смехом, с каким чувством ужаса она смотрела на свои первые обводы. Она училась реставрировать черепа, и весьма успешно. Именно благодаря реставрационной работе Т.С. Сурниной и Н.Н. Мамоновой в науку вошла серия черепов из неолитического могильника на Ю. Оленьем острове, опубликованная В.П. Якимовым. Да, прошли годы, эта краниологическая серия была подвергнута ревизии, многие измерения было рекомендовано исключить из научного обращения (Гохман, Алексеев 1984), но какова была степень мастерства реставрации, что она у исследователя не вызывала никаких сомнений! Также благодаря ее и Галины Вячеславовны стараниям стали достоянием палеоантропологических исследований черепа из знаменитого неолитического Вольненского могильника и энеолитического Александрийского. Обе они, вместе с И.И. Гохманом, участвовали в сборе материала в экспедиции Д.Я. Телегина, в самом начале своей работы в Лаборатории, а затем и реставрировали черепа и сделали несколько реконструкций. Материалы из Вольненского и Александрийского могильников был обработан и опубликован самой Таисией Сергеевной (Сурнина 1961, 1962). В этих работах помимо проблем сугубо исторического плана, свойственных палеоантропологическим работам, ставились и решались вопросы функциональной морфологии, в частности, обсуждался вопрос о форме суставной ямки для нижней челюсти в зависимости от характера питания, в основном растительной или животной пищей. Г.Ф. Дебеч очень высоко оценивал работу об Александрийском могильнике.

Все немногочисленные печатные работы Таисии Сергеевны несут на себе отпечаток нетривиальности, все они показывают нам незаурядного морфолога, и это при том, что у Таисии Сергеевны была сильнейшая близорукость.

Таисия Сергеевна полностью овладела методом Герасимова, и поскольку она не умела лепить, как скульптор, ее работой при создании портрета «руководил» череп. Я почти всегда узнаю ее работы, как и работы отца, поскольку манера исполнения их наиболее близка к работам Учителя.

Как и остальными сотрудниками, Таисией Сергеевной было проведено несколько удачных контрольных опытов по отождествлению реконструкции с прижизненной или посмертной фотографией. Заслуживает упоминания опыт по отождествлению останков, предположительно принадлежащих советскому разведчику Н.И. Кузнецову (1911–1944), погибшему в г. Ровны в результате взрыва гранаты. Работа была очень сложная, кропотливая, но Таисии Сергеевне удалось найти многие мелкие детали совпадения сильно разрушенного черепа с прижизненной фотографией Кузнецова.

За годы ее работы в Лаборатории по сравнению с Г.В. Лебединской ею было сделано значительно меньше реконструкций, всего 21. Да и проработала она по сравнению со своей коллегой на четверть века меньше.

После смерти своего Учителя, проработав еще около 10 лет, она практически перестала их делать. Можно только вспомнить прекрасную головку девочки из парного погребения на верхнепалеолитической стоянке Сунгирь.

В последние годы она много и интенсивно работала над морфологией нижней челюсти, в частности, как я уже писала, строением головки суставного отростка нижней челюсти и суставной ямки у групп населения с различными режимами питания. Можно сказать, что интерес к зубочелюстной системе человека возник у Т.С. Сурниной в связи с изучением патологических изменений на челюстях древних эскимосов из могильника Эквен (*Сурнина* 1969). В этом же ряду – наблюдения о соотношении альвеолярной и базальной высоты нижней челюсти, ее зависимость от длины корней зубов, о соотношении компакты и диплоэ на нижних челюстях в различных расовых и этнических группах. Для решения этих интереснейших задач, в том числе о распространенности тавродонтизма ею применялись различные методы, от рентгенографического до фотовесометрического, практически впервые применяемого в антропологии. Огромный материал, собранный Т.С. Сурниной по строению полости зубов в различных этно-территориальных группах, в отечественной литературе не имеет аналогов (*Сурнина* 1973). С 1107 нижних моляров, подобранных по принципу временных и расовых различий, были сделаны рентгенограммы, с которых затем получены фотокопии, увеличенные в 4 раза. На полученных репродукциях производились графические построения и измерения. К сожалению, эти работы не были доведены до логического конца, из-за нелепейшей врачебной ошибки, в результате которой Т.С. Сурнина практически лишилась зрения. Лишь частично они были опубликованы. Но материал и разработки его, хранящиеся в Кабинете антропологии Центра физической антропологии, ждут своего исследователя, продолжателя идей Т.С. Сурниной.

Следует отметить, что идея применения ультразвуковой эхолокации при изучении толщины мягких тканей лица, в 1980-х годах вошедшей в практику методик, применяемых в Лаборатории, целиком принадлежит Т.С. Сурниной. Дело в том, что где-то на исходе 1960-х годов указом Минздрава СССР было запрещено использовать рентгенологические исследования в чисто научных целях. Данных, имеющих в распоряжении М.М. Герасимова и полученных на анатомическом материале, было явно недостаточно, да и он в это сравнительно благополучное время был малодоступен. Как изучать толстоты в различных точках лица, как получать массовый

материал для усовершенствования метода? Я это очень хорошо помню, и помню наши споры, сомнения и конкретные предложения о фиксации головы исследуемого в определенном положении, о возможных ошибках и допустимости их. Только в конце 1970-х годов появилась первая публикация о применении ультразвука для означенных целей (*Лебединская и др.* 1979).

Таисия Сергеевна была красивым, очень добрым, сердечным и умным человеком. Она часто и тяжело болела, но она была мужественным человеком и никогда не обременяла своих друзей и коллег своими проблемами. Она ушла из науки в 1980 г. Таисия Сергеевна очень мужественно перенесла свой уход на пенсию, практически накануне защиты своей диссертации. Ей было всего 55 лет, она собиралась защищать свою кандидатскую работу, ее голова была полна идей. Те, кто знал ее, работал с ней, продолжали с ней тесно общаться. Она продолжала руководить работами Ю.П. Дубягина, криминалиста, который когда-то стажировался у нее, овладевая методом пластической реконструкции. Ее интересовали работы Л.Т. Яблонского, ныне доктора исторических наук, заведующего Отделом скифо-сарматской археологии Института археологии РАН, весьма успешного известного археолога и антрополога, которого когда-то она учила технике реставрации черепов, методам пластической реконструкции и краниологических исследований. Безусловно, она курировала мои работы по морфологии нижней челюсти, идея которых была подарена мне ею.

Таисия Сергеевна нежно и трепетно относилась к своим друзьям, но это не значит, что она была снисходительна. Напротив, она была очень взыскательна и к себе, и к своим коллегам. И я повторю то, что я написала 15 лет назад в некрологе: «Я всегда очень боялась из-за каких либо опрометчивых слов или поступков потерять ее доверие и уважение». Тасенька была и остается всегда моей самой любимой и верной подругой. Мне очень недостает ее умных и добрых советов, ее нежности и теплоты.

«Герасимиды» – это определенный этап в жизни Лаборатории, заложение определенных устоев в уклад и этику профессиональной жизни. Мне повезло, что я свою научную жизнь начала именно там. Это было счастливое время! Еще не наступил ни 1969, ни 1970 г., годы тяжелейших утрат и для отечественной антропологии и для Лаборатории пластической антропологии.

В задачу данных заметок не входит мое отношение к тем или иным методам и программам изучения закономерностей, которые были эмпирически выявлены М.М. Герасимовым и блестяще доказаны его работами. Но очень многое, увы! ушло после кончины основателя Лаборатории пластической реконструкции и ухода на пенсию и из жизни ее прежних сотрудников, не говоря уже об изменении самой концепции «восстановления лица по черепу».

Литература

- Алексеев, Гохман* 1984 – *Алексеев В.П., Гохман И.И.* Результаты экспертизы краниометрических показателей антропологических материалов из могильника на Южном Оленьем острове Онежского озера (в связи с их сохранностью и особенностями реставрации) // *Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии.* Л.: Наука, 1984. С. 155–158.
- Балуева и др.* 1988 – *Балуева Т.С., Веселовская Е.В., Лебединская Г.В., Пестряков А.П.* Антропологические типы древнего населения на территории СССР по материалам антропологической реконструкции. М.: Наука, 1988. 208 с.

- Балуева, Лебединская 1991 – Балуева Т.С., Лебединская Г.В. Методика исследований взаимосвязи между морфологическими признаками лица и их костной основы // Антропологическая реконструкция. М.: ИЭА РАН, 1991. С. 5–7.
- Герасимов 1954 – Герасимов М.М. Условия находки костей ребенка в пещере Староселье: извлечение, консервация и реставрация их // Советская этнография, 1954. №1. С. 22–27.
- Герасимов 1955 – Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // ТИЭ, новая серия. Т.28. М.: Изд-во АН СССР. 1955. 585 с.
- Герасимова, Лебединская 1962 – Герасимова М.М., Лебединская Г.В. Прибор кординатометр // Советская этнография, 1962. № 1.
- Герасимова 1999 – Герасимова М.М. Таисия Сергеевна Сурнина (1924–1998) // Вестник антропологии. М.: Старый сад, 1999. С. 226–228.
- Лебединская 1957 – Лебединская Г.В. К вопросу об объективном воспроизведении разреза глаз при реконструкции лица по черепу // КСИЭ. М., 1957. Вып. 27.
- Лебединская 1965 – Лебединская Г.В. О корреляциях между размерами мягких тканей и костной основой носа // Советская этнография, 1965. № 3.
- Лебединская 1969 – Лебединская Г.В. Патологические изменения на скелетах из Эквенского могильника // Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов. М.: Наука, 1969. С. 5–69.
- Лебединская 1973 – Лебединская Г.В. Соотношения между верхним отделом лицевого отдела черепа и покрывающими его тканями // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М.: Наука, 1973. С. 38–56.
- Лебединская 1998 – Лебединская Г.В. Школа антропологической реконструкции профессора М.М.Герасимова // Вестник антропологии. М.: Старый сад, 1998. С. 47–58.
- Лебединская 2006 – Лебединская Г.В. Облик древних предков. Альбом скульптурных и графических реконструкций. М.: Наука, 2006. 244 с.
- Лебединская и др. 1979 – Лебединская Г.В., Сурнина Т.С., Степин В.С., Федосюткин Б.А., Щербин Л.А. Первый опыт применения ультразвука для исследования толщины мягких покровов // Советская этнография, 1979. № 4.
- Мамонова 1961 – Мамонова Н.Н. Кочевники Забайкалья IX–XIII вв. по данным палеоантропологии // ТИЭ, новая серия. Т. LXXI / Антропологический сб. III. М., 1961.
- Мамонова 1968 – Мамонова Н.Н. Определение длины костей по их фрагментам. // Вопросы антропологии, 1968. Вып. 29.
- Мамонова 1973 – Мамонова Н.Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 18–28.
- Мамонова 1974а – Мамонова Н.Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1974.
- Мамонова 1974б – Мамонова Н.Н. К антропологии гуннов Забайкалья (по материалам могильника Черемуховая падь) // Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974.
- Мамонова 1978 – Мамонова Н.Н. Демография Улангомского могильника (саяно-тувинская культура V–III вв. до н.э.) // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 123–135.
- Мамонова 1979 – Мамонова Н.Н. Древнее население Монголии по данным палеоантропологии // Труды III Международного Конгресса монголоведов. Т. 3. Улан-Батор, 1979. С. 204–210.
- Мамонова 1980 – Мамонова Н.Н. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Исследования по палеоантропологии и краииологии СССР / Сборник МАЭ. Т. XXXVI. Л.: Наука, 1980. С. 60–74.
- Мамонова 1986 – Мамонова Н.Н. Опыт применения таблиц В.В. Бунака // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986. С. 21–32.

- Мамонова, Сулержицкий 1986 – Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Приангарья по радиоуглеродным данным // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири. Итоги и перспективы. Тезисы докладов ИРКТМ. Иркутск, 1986.
- Мамонова, Сулержицкий 1989 – Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по С14 погребений Прибайкалья эпохи голоцена // Советская археология, 1989. № 1.
- Мамонова, Базалийский 1991 – Мамонова Н.Н., Базалийский В.И. Могильник Локомотив. Некоторые биологические и демографические особенности населения китойской культуры (по материалам 1980–1984 гг.) // Палеоантропологические исследования на юге Средней Сибири. Новосибирск, 1991. С. 93–109.
- Мовсесян и др. 1975 – Мовсесян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г. Программа и методика исследований аномалий черепа // Вопросы антропологии, 1975. Вып. 51.
- Пежемский 2002 – Пежемский Д.В. Наталья Николаевна Мамонова. Список печатных работ // Вестник антропологии, 2002. С. 12–14.
- Сурнина 1961 – Сурнина Т.С. Палеоантропологический материал из Вольненского неолитического могильника // ТИЭ, новая серия. LXXI / Антропологический сборник III. М., 1961. С. 3–25.
- Сурнина 1962 – Сурнина Т.С. Палеоантропологические материалы из неолитического Александровского могильника // ТИЭ. Новая серия, 1962. Т. 82. С. 144–153.
- Сурнина 1969 – Сурнина Т.С. Состояние зубочелюстной системы древнего населения Чукотки // Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов. М.: Наука, 1969.
- Сурнина 1973 – Сурнина Т.С. Морфология полости коренных зубов современного и ископаемого человека // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М.: Наука, 1973. С. 57–78.
- Халиков и др. 1966 – Халиков А.Х., Лебединская, Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (абашевский человек) // Труды Марийской археологической экспедиции Т. III. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во., 1966. 72 с.
- Формозов 1958 – Формозов А.А. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите / МИА, 1958. № 71. 123 с.

References

- Alekseev V.P., Gokhman I.I. Rezul'taty ekspertizy kranioметрических pokazatelei antropologicheskikh materialov iz mogil'nika na luzhnom Olen'em ostrove Onezhskogo ozera (v svyazi s ikh sokhrannost'yu i osobennostiami restavratsii) // Problemy antropologii drevnego i sovremennogo naseleniia Severa Evrazii. Leningrad.: Nauka, 1984. Pp. 155–158.
- Balueva T.S., Veselovskaia E.V., Lebedinskaia G.V., Pestriakov A.P. Antropologicheskie tipy drevnego naseleniia na territorii SSSR po materialam antropologicheskoi rekonstruktsii. Moscow: Nauka, 1988. 208 pp.
- Balueva T.S., Lebedinskaia G.V. Metodika issledovaniia vzaimosviasi mezhdu morfologicheskimi priznakami litsa i ikh kostnoi osnovy // Antropologicheskaiia rekonstruktsiia. Moscow: IEA RAN, 1991. Pp. 5–7.
- Gerasimov M.M. Usloviia nakhodki kostei rebenka v peshchere Starosel'e: izvlechenie, konservatsiia i restavratsiia ikh // Sovetskaia etnografiia, 1954. № 1. Pp. 22–27.
- Gerasimov M.M. Vosstanovlenie litsa po cherepu (sovremennyy i iskopaemyi chelovek) // TIE, novaia seriia. T.28. Moscow: Izd-vo AN SSSR. 1955. 585 pp.
- Gerasimova M.M., Lebedinskaia G.V. Pribor kordinatometr. // Sovetskaia etnografiia, 1962. Vol. 1.
- Gerasimova M.M. Taisiia Sergeevna Surnina (1924–1998) // Vestnik antropologii. Moscow: Staryi sad, 1999. Pp. 226–228.
- Formozov A.A. Peshchernaiia stoiianka Starosel'e i ee mesto v paleolite / MIA. No 71, 1958. 123 pp.

- Khalikov A.Kh., Lebedinskaia, G.V., Gerasimova M.M.* Pepkinskii kurgan (abashevskii chelovek) // Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii T.III. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izd-vo., 1966. 72 pp.
- Lebedinskaia G.V.* K voprosu ob ob'ektivnom vosproizvedenii razreza glaz pri rekonstruktsii litsa po cherepu // KSIE, Moscow. 1957. Vol. 27.
- Lebedinskaia G.V.* O korreliatsiiakh mezhdu razmerami miagkikh tkanei i kostnoi osnovoi nosa // Sovetskaia etnografiia, 1965. No. 3.
- Lebedinskaia G.V.* Patologicheskie izmeneniia na skeletakh iz Ekvenskogo mogil'nika // Arutiunov S.A., Sergeev D.A. Drevnie kul'tury aziatskikh eskimosov. Moscow: Nauka, 1969. Pp. 5–69.
- Lebedinskaia G.V.* Sootnosheniia mezhdu verkhnim otdelom litseвого otdela cherepa i pokryvaiushchimi ego tkaniami // Antropologicheskaiia rekonstruktsiia i problemy paleoetnografii. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 38–56.
- Lebedinskaia G.V.* Shkola antropologicheskoi rekonstruktsii professora M.M.Gerasimova // Vestnik antropologii. Moscow: Staryi sad, 1998. Pp. 47–58.
- Lebedinskaia G.V.* Oblik drevnikh predkov. Al'bom skul'pturnykh i graficheskikh rekonstruktsii. Moscow: Nauka, 2006. 244 pp.
- Lebedinskaia 1979 – Lebedinskaia G.V., Surnina T.S., Stepin V.S., Fedosiutkin B.A., Shcherbin L.A.* Pervyi opyt primeneniia ul'trazvuka dlia issledovaniia tolshchiny miagkikh pokrovov // Sovetskaia etnografiia, 1979. No. 4.
- Mamonova N.N.* Kochevniki Zabaikal'ia IX–XIII vv. po dannym paleoantropologii // TIE, novaia seriia. Vol. LXXI / Antropologicheskii sb.III. Moscow, 1961.
- Mamonova N.N.* Opredelenie dliny kostei po ikh fragmentam. // Voprosy antropologii. 1968. Vol. 29.
- Mamonova N.N.* K voprosu o drevnem naselenii Priangar'ia po paleoantropologicheskim dannym // Problemy arkheologii Urala i Sibiri. Moscow: Nauka, 1973. Pp.18–28.
- Mamonova N.N.* K voprosu o drevnem naselenii Priangar'ia po paleoantropologicheskim dannym // Problemy arkheologii Urala i Sibiri. Moscow: Nauka, 1974.
- Mamonova N.N.* K antropologii gunnov Zabaikal'ia (po materialam mogil'nika Cheremukhovaia pad') // Rasogeneticheskie protsessy v etnicheskoi istorii. Moscow, 1974.
- Mamonova N.N.* Demografiia Ulangomskogo mogil'nika (saiano-tuvinskaia kul'tura V–III vv. do n.e.) // Arkheologii i etnografiia Mongolii. Novosibirsk. 1978. Pp. 123–135.
- Mamonova N.N.* Drevnee naselenie Mongolii po dannym paleoantropologii // Trudy III Mezhdunarodnogo Kongressa mongolovedov. Vol. 3. Ulan-Bator, 1979. Pp. 204–210.
- Mamonova N.N.* Antropologicheskii tip drevnego naseleniia Zapadnoi Mongolii po dannym paleoantropologii // Issledovaniia po paleoantropologii i kraniologii SSSR. / Sbornik MAE. Vol. XXXVI. Leningrad: Nauka, 1980. Pp. 60–74.
- Mamonova N.N.* Opyt primeneniia tablits V.V. Bunaka // Problemy evoliutsionnoi morfologii cheloveka i ego ras. Moscow, 1986. Pp. 21–32.
- Mamonova N.N., Sulerzhitskii L.D.* Vozrast nekotorykh neoliticheskikh i eneoliticheskikh pogrebenii Priangar'ia po radiouglerodnym dannym // Arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniia v Vostochnoi Sibiri. Itogi i perspektivy. Tezisy dokladov IRKTM. Irkutsk, 1986.
- Mamonova N.N. Sulerzhitskii L.D.* Opyt datirovaniia po S14 pogrebenii Pribaikal'ia epokhi golotsena // Sovetskaia arkheologii, 1989. No 1.
- Mamonova N.N., Bazaliiskii V.I.* Mogil'nik Lokomotiv. Nekotorye biologicheskie i demograficheskie osobennosti naseleniia kitoiskoi kul'tury (po materialam 1980–1984 gg.) // Paleoantropologicheskie issledovaniia na iuge Srednei Sibiri. Novosibirsk, 1991. Pp. 93–109.
- Movsesian A.A., Mamonova N.N., Rychkov Iu.G.* Programma i metodika issledovaniia anomalii cherepa // Voprosy antropologii. Vol. 51. 1975.
- Pezhetskii D.V.* Natal'ia Nikolaevna Mamonova. Spisok pechatnykh rabot // Vestnik antropologii. Moscow: Staryi sad, 2002. Pp.12–14.
- Surnina T.S.* Paleoantropologicheskii material iz Vol'nenskogo neoliticheskogo mogil'nika // TIE, novaia seriia. LXXI / Antropologicheskii sbornik III. Moscow, 1961. Pp.3–25

- Surnina T.S.* Paleoantropologicheskie materialy iz neoliticheskogo Aleksandriiskogo mogil'nika // TIE. Novaia seriia, 1962. Vol. 82. Pp. 144–153.
- Surnina T.S.* Sostoianie zubocheliustnoi sistemy drevnego naseleniia Chukotki // Arutiunov S.A., Sergeev D.A. Drevnie kul'tury aziatskikh eskimosov. Moscow: Nauka, 1969.
- Surnina T.S.* Morfologiia polosti korenykh zubov sovremennogo i iskopaemogo cheloveka// Antropologicheskaiia rekonstruktsiia i problemy paleoetnografii. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 57–78.

M.M. Gerasimova. Gerasimids.

The article is concerned with the history of development of the Laboratory of facial reconstruction established in 1950 at the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR. Biographies of G.V. Lebedinskaya, N.N. Mamonova, T.S. Surnina the first research scientists and followers of M.M. Gerasimov are given.

Key words: *facial reconstruction, physical anthropology, M.M. Gerasimov, G.V. Lebedinskaya, T.S. Surnina, N.N. Mamonova.*

© А.А. Зубов, Л.Т. Яблонский

ПРОБЛЕМА РАСЫ И РАСОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ*

Еще в 30-е годы XX столетия именно советская школа антропологии твердо и навсегда определила острую антирасистскую направленность отечественного расоведения. Homo sapiens является политипическим видом, содержащим несколько подвидов. Внутривидовые подразделения человечества, принято называть расами, в то время как в зоологии в том же значении употребляется обозначение «подвид». В зоологической систематике ставится знак равенства между этими двумя терминами. С биологической точки зрения человеческие расы – это суть подразделения (подвиды) единого вида Homo sapiens, сложившиеся в результате незавершенной подвидовой дифференциации.

Ключевые слова: физическая антропология, терминология, дифференциация Homo sapiens, раса, этнос

Между дифференциацией расовой и языковой не существует причинной связи. Но так как и формирование рас и формирование наций связано с определенной территорией, между теми и другими возникает в порядке совпадения некоторое соответствие.

(Бунак 1938: 44)

Задача расоведения в том и заключается, чтобы выяснить наиболее древние связи человеческих групп, не отраженные в исторических и даже в доисторических памятниках. Антрополог проводит границы расовых ареалов, невзирая на политические и национальные границы, и в пределах одной национальности выделяет несколько соматических элементов, часто одинаковых у разных национальностей.

(Бунак 1938: 44)

В современном американском и, часто, западноевропейском научном и общественном мнении традиционные исследования советской и российской школы расоведения, этнической антропологии и этногенеза объявляются, чуть ли, не расистскими.

В мировой антропологической науке давно наметились контрастные подходы в отношении понятий «раса», «расогенез», «этногенез». Большинство американских и западноевропейских антропологов отрицают реальность существования рас. Во

Зубов Александр Александрович – (1934 – 2013), доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН. Заслуженный деятель науки РФ.

Яблонский Леонид Теодорович – доктор исторических наук, заведующий Отделом скифо-сарматской археологии, Институт археологии РАН. Эл. почта: yablonsky.leonid@yandex.ru.

* Этот доклад был написан для выступления на Конгрессе антропологов и этнологов в Омске, но выступление это не состоялось, а текст его никогда ранее не публиковался.

многим, это реакция на попытки неоправданно вольного установления причинных взаимосвязей между популяцией и этносом, что действительно может быть использовано расистами. Само понятие «этническая антропология» (в прямом переводе его на английский язык «ethnic physical anthropology») несет в себе опасную, с точки зрения западноевропейских и американских специалистов, аберрацию, поскольку содержит в себе элемент зависимости, которая, без специальных и прозрачных объяснений, вполне может быть истолкована как причинная. После падения «железного занавеса», когда Россия и российская наука становятся все более открытыми для зарубежных коллег, российские антропологи рискуют оказаться в изоляции от остального антропологического сообщества. Снижение интереса к этнической и исторической антропологии в нашей стране легко прогнозируется - специалисты понимают опасность такой изоляции и стараются ее избежать, выстраивая свои методики (и не без успеха) с учетом мировой антропологической конъюнктуры. Кроме того, называются очевидные пробелы в системе теоретической подготовки отечественных специалистов – антропологов, археологов и этнологов.

Между тем, еще в 30-е годы XX столетия именно советская школа антропологии твердо и навсегда определила острую антирасистскую направленность отечественного расоведения. *Homo sapiens* является *политипическим видом*, содержащим несколько подвидов. Внутривидовые подразделения человечества, принято называть *расами*, в то время как в зоологии в том же значении употребляется обозначение «*подвид*». В зоологической систематике ставится знак равенства между этими двумя терминами. С биологической точки зрения человеческие расы – это суть подразделения (подвиды) единого вида *Homo sapiens*, сложившиеся в результате незавершенной подвидовой дифференциации.

В работах советских и российских антропологов четко сформулированы отличия рас от подвидов животных. И главное состоит в том, что расы есть результат дифференцированного *социально-исторического* развития групп популяций внутри вида *Homo sapiens*, многогранно отраженный в их физических характеристиках. Отсюда следует, что расы человека, являющиеся по сути своей биологическими категориями, не могут быть познаны в динамике их генезиса и развития без привлечения данных исторических наук. С другой стороны, материалы антропологических исследований являются для исторических наук независимым и ценным источником информации о локальных этногенезах и антропосоциогенезах.

Реальность существования рас у человека подтверждается генетически дискретными характеристиками организма человека, которые объективно фиксируются на различных уровнях исследования - от молекулярного до соматологического.

Тенденциозное, конъюнктурное, не имеющее научных оснований игнорирование существования расовых группировок внутри вида *Homo sapiens* - это страусиная политика, открывающая путь появлению псевдонаучных домыслов, которые действительно носят откровенно или завуалировано расистский характер. На российских антропологов, легла ответственность за сохранение и развитие лучших традиций мирового расоведения. И это обстоятельство требует всемерного и всестороннего укрепления традиционной отечественной антропологической школы.

Если мы хотим удержать высокие позиции отечественной исторической антропологии в мировой науке, нам придется подумать, о замене (без ущерба для собственных идей) некоторых терминов, которые стали одиозными. Следует также избегать

фраз, в контексте которых содержится даже намек на прямые (а не опосредованные географической территорией) взаимосвязи между такими явлениями, как этнос и популяция, этнос и раса, раса и (археологическая) культура.

Литература

Бунак 1938 – Бунак В.В. Раса как историческое понятие // Наука о расах и расизм. М.; Л., 1938.

References

Bunak V.V. Rasa kak istoricheskoe poniatie // Nauka o rasakh i rasizm. Moscow; Leningrad, 1938.

A.A. Zubov, L. T. Yablonsky. The problem of race and racial studies in the modern ethnopolitical situation.

In the 1930s it was exactly a Soviet anthropological school that firmly determined absolutely anti-racist trend of national raciology once for all. Homo sapiens is a polytypic species composed of several subspecies. Intraspecific units of humankind are denominated as races. In zoology studies at the same time the unit «subspecies» employs for the same meaning. In the zoological taxonomy these definitions are the synonyms. From a biological point of view human races are units (subspecies) of one specie Homo sapiens developed as a result of incomplete subspecies differentiation.

Key words: physical anthropology, terminology, differentiation of Homo sapiens, race, ethnos.

КРАНИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА ИЗ САРГАРИНСКО-АЛЕКСЕЕВСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ

Публикация содержит индивидуальные краниологические данные и характеристику черепа из погребения саргаринско-алексеевского времени. Череп обнаруживает сходство с древними европеоидами, обладающими вариантом морфологического типа с долихокранной мозговой коробкой, средне наклонным лбом, средними размерами лицевого отдела, сближающими их с протоевропейским типом.

В 1996 году по черепу из саргаринско-алексеевского погребения Г.В. Лебединской была выполнена скульптурная реконструкция.

Ключевые слова: *эпоха бронзы, Северный Казахстан, могильник Лисаковский, саргаринско-алексеевская культура, краниология.*

Череп был передан в Костанайский областной историко-краеведческий музей автором раскопок могильника Лисаковский Э.Р. Усмановой.

Могильник находится в Северном Казахстане на берегу реки Тобол в окрестностях города Лисаковска. Погребальное поле занимает обширное пространство длиной около трех километров, вытянутое вдоль правой береговой линии реки. Могильник Лисаковский 1 размером 1500×800 м. Одноименное поселение расположено в непосредственной близости от могильника на скальном выходе южного берега. Этот комплекс бытовал в эпоху андроновской культурно-исторической общности. Погребальные комплексы принадлежали в основном «алакульцам» и «федоровцам». В последующие эпохи в курганы андроновцев подхоранивали своих соплеменников кочевые народы.

Исследования поселения и могильника проводились на протяжении почти тридцати лет, начиная с 1986 года. Результаты работ опубликованы в монографии Э.Р. Усмановой «Могильник Лисаковский: факты и параллели».

Антропологические материалы частично были переданы в кабинет антропологии Томского университета в конце 1980-х годов и впоследствии вошли в публикацию «Краниологические материалы эпохи бронзы Казахстана» (Солодовников и др. 2013). Накопившиеся за последующие 10 лет черепа обрели покой в Уфе, а кальцинированные и фрагментарные кости переданы в областной музей г. Костаная.

Вместе с костями посткраниальных скелетов в музей попали два целых черепа без легенды. Впоследствии удалось установить, что по этим черепам были выполнены реконструкции. Черепа идентифицировали и сделали привязку к погребени-

ям. Один череп происходит из кургана кыпчакского времени (X–XIII вв.), второй, о котором пойдет речь, автор раскопок относит к саргаринско-алексеевской культуре (финальная бронза) (Усманова 2005: 133).

Погребение располагалось выше более раннего, федоровского, совершенного по обряду кремации. Сосуд, сопровождающий погребенного, относится к саргаринско-алексеевскому времени. Трупоположение – скорченное, на правом боку с согнутыми в локтях руками. Кости кисти правой руки отсутствуют (рис. 1). Археологическая статья представлена в сборнике «Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты» (Варфоломеев 2013: 263).

Череп принадлежал мужчине зрелого возраста (рис. 2). Мозговая коробка долихокранная, средняя по ширине и высоте (табл. 1). Лоб среднеширокий, несколько наклонный, имеет хорошо выраженное надпереносье. Затылок широкий с хорошо развитым затылочным бугром. Лицо среднее по ширине и высоте, мезогнатное по указателю, умеренно профилированное на верхнем и резко профилированное на нижнем уровне, с узким, сильно выступающим носом. Спинка носа изогнутая, предносовая ямка и передненосовая ость выражены умеренно. Клыковая ямка глубокая. Орбиты средние по ширине, низкие. Нижняя челюсть имеет широкую ветвь со средней угловой шириной. Подбородок среднеширокий, слабо выступающий.

Таким образом, при визуальном определении, саргаринско-алексеевский череп обнаруживает сходство с древними европеоидами, обладающими вариантом морфологического типа с долихокранной мозговой коробкой, средне наклонным лбом, средними размерами лицевого отдела, сближающими их с протоевропейским или северным типом (Гинзбург, Трофимова 1972). Низкие орбиты, значительно выступающий нос «саргаринца» входят в комплекс признаков характеризующих андроновский тип, но ввиду малочисленности материалов эпохи финальной бронзы более углубленный анализ не проводился.

В 1996 году по черепу из саргаринско-алексеевского погребения Г.В. Лебединской была выполнена скульптурная реконструкция (рис. 3).

Рис. 1. Погребение. Полевая фотография.

Рис. 2. Череп из саргаринско-алексеевского погребения.

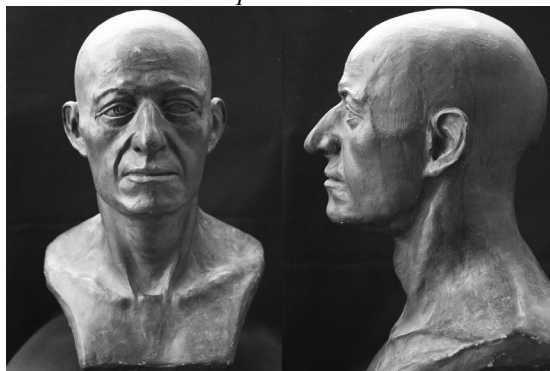

Рис. 3. Пластическая реконструкция по черепу мужчины из саргаринско-алексеевского погребения.

Таблица 1

Индивидуальные измерения черепа из курганного могильника Лисаковский 1

№ № по Мартину	Наименование признаков	Величины
1	Продольный диаметр	194,0
1в.	Продольный диаметр от ofr.	192,5
8	Поперечный диаметр	141,5
8:1	Черепной указатель	72,9
17	Высотный диаметр от ba	135,5
20	Высотный диаметр от ро	119,5
17:1	Высотно-продольный указатель от ba	69,8
17:8	Высотно-поперечный указатель от ba	95,7
20:1	Высотно-продольный указатель от ро	61,5
20:8	Высотно-поперечный указатель от ро	84,4
5	Длина основания черепа	101,0
9	Наименьшая ширина лба	98,0
10	Наибольшая ширина лба	120,0
9:10	Лобный указатель	81,6
9:8	Лобно-поперечный указатель	69,2
11	Ширина основания черепа	125,0
12	Ширина затылка	112,0
29	Лобная хорда	111,0
30	Теменная хорда	124,0
31	Затылочная хорда	102,0
	Высота изгиба затылка	33,1
23a	Горизонтальная окружность через orh	533,0
24	Поперечная дуга ро-b-ро	322,0
25	Сагиттальная дуга	390,0
26	Лобная дуга	126,0
27	Теменная дуга	136,0
28	Затылочная дуга	128,0
26:25	Лобно-сагиттальный указатель	32,3
27:25	Теменно-сагиттальный указатель	34,8
28:25	Затылочно-сагиттальный указатель	32,8
28:27	Затылочно-теменной указатель	94,1
29:26	Указатель изгиба лба	88,0
Sub.NB	Высота продольного изгиба лба	25,5
Sub.NB.:29	Указатель продольного изгиба лба	22,9
7	Длина затылочного отверстия	39,0

Таблица 1 (продолжение)

№ № по Мартину	Наименование признаков	Величины
16	Ширина затылочного отверстия	27,0
16:7	Указатель затылочного отверстия	69,2
45	Скуловой диаметр	137,5
9:45	Лобно-скуловой указатель	71,2
45:8	Поперечный фацио-церебральный указатель	97,1
40	Длина основания лица	100,0
40:5	Указатель выступания лица	99,0
48	Верхняя высота лица	73,0
48:17	Вертикальный фацио-церебральный указатель	53,8
48:45	Верхнелицевой указатель	53,0
47	Полная высота лица	120,0
47:45	Общелицевой указатель	87,2
43	Верхняя ширина лица	107,5
46	Средняя ширина лица	99,0
60	Длина альвеолярной дуги	57,0
61	Ширина альвеолярной дуги	60,0
61:60	Челюстно-альвеолярный указатель	105,2
62	Длина неба	48,0
63	Ширина неба	34,5
63:62	Небный указатель	71,8
55	Высота носа	52,5
54	Ширина носа	23,5
54:55	Носовой указатель	44,7
51	Ширина орбиты от mf. лев.	42,0
51a	Ширина орбиты от d.	40,0
52	Высота орбиты (правой)	31,5
52	Высота орбиты (левой)	31,0
52:51	Указатель орбиты от mf.	75,0
52:51a	Указатель орбиты от d.	78,7
	Бималлярная ширина	100,0
	Высота назиона над бималлярной шириной	18,0
	Зигомаксиллярная ширина	101,0
	Высота субспинале над зигомаксиллярной шир.	28,0
SC	Симотическая ширина	10,0
SS	Симотическая высота	5,0
SS: SC	Симотический указатель	50,0

Таблица 1 (продолжение)

№ № по Мартину	Наименование признаков	Величины
MC	Максиллофронтальная ширина	23,2
MS	Максиллофронтальная высота	8,5
MS: MC	Максиллофронтальный указатель	36,6
DC	Дакриальная ширина	21,0
DS	Дакриальная высота	12,0
DS: DC	Дакриальный указатель	57,1
FC	Глубина клыковой ямки (мм)	7,0
	Высота изгиба скуловой кости (по Ву)	12,0
	Ширина скуловой кости (по Ву)	59,5
	Указатель изгиба скуловой кости	20,1
32	Угол профиля лба от п	80°
	Угол профиля лба от глабеллы	74°
72	Общий лицевой угол	82°
73	Средний лицевой угол	83°
74	Угол альвеолярной части	75°
75	Угол наклона носовых костей	—
75(1)	Угол выступания носа	39°
∠ 77	Назо-малярный угол	140°
∠ Zm	Зиго-максиллярный угол	122°
68(1)	Длина нижней челюсти от мыщелков	112,0
68	Длина нижней челюсти от углов	75,0
70	Высота ветви	63,0
71a	Наименьшая ширина ветви	36,0
65	Мыщелковая ширина	112,0
66	Угловая ширина	92,0
67	Передняя ширина	45,0
69	Высота симфиза	32,0
69(1)	Высота тела	31,0
69(3)	Толщина тела	13,0
	Форма черепа сверху	овоид
	Надпереносье (по Мартину 1-6)	4
	Надбровные дуги (1-3)	2
	Сосцевидный отросток (1-3)	2
	Нижний край грушевидного отверстия	Fossae prenasales
	Передненосовая ость (по Брока 1-5)	2
	Наружный затылочный бугор (по Брока 0-5)	4
	Выступление подбородка (по Брока 0-4)	2

Литература

- Алексеев, Дебец 1964 – Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. Москва: Наука, 1964. 127 с.
- Гинзбург, Трофимова 1972 – Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии // М.: Наука, 1972. С. 93.
- Лебединская 1998 – Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу (методическое руководство). Москва: Старый Сад, 1998. 125 с.
- Лебединская 2006 – Лебединская Г.В. Облик далеких предков: альбом скульптурных и графических реконструкций. М.: Наука, 2006. С. 150
- Усаманова 2013 – Усаманова Э.Р. Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. Сборник статей. Караганда; Лисаковск, 2013. С. 262–263.
- Солодовников и др. 2013 – Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Ломан В.Г. Краниологические материалы эпохи бронзы Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (22). Тюмень, 2013. С. 113–131.
- Усаманова 2005 – Усаманова Э.Р. Могильник Лисаковский 1: факты и параллели. Караганда – Лисаковск, 2005. С. 33–34.

References:

- Alekseev V.P., Debets G.F. Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovani. Moskva: Nauka, 1964. 127 pp.
- Ginzburg V.V., Trofimova T.A. Paleoantropologiya Srednei Azii // M.: Nauka, 1972. Pp. 93.
- Lebedinskaia G.V. Rekonstruktsiia litsa po cherepu (metodicheskoe rukovodstvo). Moscow: Staryi Sad, 1998. 125 pp.
- Lebedinskaia G.V. Oblik dalekikh predkov: al'bom skul'pturnykh i graficheskikh rekonstruktsii. Moscow.: Nauka, 2006. Pp. 150
- Usmanova E.R. Pamiatniki Lisakovskoi okrug: arkheologicheskie siuzhety. Sbornik statei. Karaganda; Lisakovsk. 2013. Pp. 262–263.
- Solodovnikov K.N., Rykun M.P., Loman V.G. Kraniologicheskie materialy epokhi bronzy Kazakhstana // Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. No 3 (22). Tiumen', 2013. Pp. 113–131.
- Usmanova E.R. Mogil'nik Lisakovskii 1: fakty i paralleli. Karaganda – Lisakovsk, 2005. Pp. 33–34.

A.V. Kolbina. Craniological characteristics of a man from Sargary-Alekseyevka grave.

The article contains individual craniological data and characteristic of a skull from Sargary-Alekseyevka grave. The skull bears resemblance to ancient Europeoids with a morphological type characterized by dolichocrania, mid-inclined forehead, middle-sized facial skull which make them close to proto-European type.

In 1996, G.V. Lebedinskaya had made a sculptural reconstruction using the skull from Sargary-Alekseyevka grave.

Key words: *the Bronze era, North Kazakhstan, Lisakovskii grave, Sargary-Alekseevka culture, craniology.*

УДК 572

© Ю.А. Ямпольская

МОРФОФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЖЕНЩИНЫ В ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА, МОСКВА)

Представлены результаты исследований физического развития московских девочек-школьниц 8–17-летнего возраста в 1960–1990-е годы (продольные и поперечные срезы). Рассмотрена динамика возрастных изменений морфофункционального (в том числе репродуктивного) состояния и силовых возможностей женского организма в процессе его созревания. Материал дополнен анализом архивных данных по первородящим женщинам за 1981 и 1990 гг. Результаты указывают на существование ряда негативных тенденций, среди которых ухудшение здоровья, грацилизация телосложения, снижение силовых возможностей, определённая дисгармония в созревании репродуктивной сферы. Архивные данные свидетельствуют об омоложении хронизации патологических процессов с доминированием заболеваний, влияющих на течение беременности, родов и на здоровье детей.

Ключевые слова: девочки-школьницы, массовые и лонгитудинальные наблюдения, физическое развитие, силовые возможности, *menarche*, репродуктивное здоровье.

Введение

Состояние физического развития и репродуктивного здоровья женщины в разные периоды её жизни является предметом непреходящего интереса медико-биологической общественности. Особого внимания заслуживает школьный период, превращающий за ряд лет ребенка-первоклассницу в девушку, вступающую во взрослую жизнь. Роль школы в формировании здоровья женщины, в том числе и репродуктивного, несомненна, и это диктует необходимость постоянного мониторинга морфофункционального развития девочек с первых лет их школьной жизни (Ананьева, Ямпольская 1995; Артюкова 1997; Уварова 2005). Значимыми факторами в этот период становятся условия жизни в семье, режим труда и отдыха, объем школьных и внешкольных нагрузок и т. д. (Громбах 1984; Куинджи, Поленова 1993; Ямпольская 1999). Отдельным аспектом изучения этой проблемы является рассмотрение динамики изменений физического развития и репродуктивного здоровья девочек во временном масштабе (Ямпольская 1997, 2000; Чечулина, Тухватуллина 2005).

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили результаты массовых одномоментных (поперечные срезы 1970-х, 1980-х и 1990-х годов) и индивидуализированных лон-

гитудинальных (продольные срезы 1960–1969 и 1982–1991 гг.) наблюдений за физическим развитием более 10 тыс. московских школьников 8–17-летнего возраста. Определение уровня физического развития, силовых возможностей и полового созревания учащихся проводилось в рамках программы по выявлению хронических заболеваний и функциональных отклонений в состоянии здоровья (*Рапорт* 2004; *Рысева и др.* 1975; *Бережков, Ямпольская* 1980; *Сухарева, Куинджи* 1998).

В настоящей работе в основном рассматриваются данные, касающиеся развития учащихся девочек. В одно и то же время (апрель–май) в первом лонгитудинальном наблюдении 1960–1969 гг. с 1 по 10 класс ежегодно обследовалось 148 чел. во втором наблюдении 1982–1991 гг. 125 чел. (*Ямпольская* 1971, *Ямпольская* 1997; *Ямпольская* 2000). К анализу привлекались также архивные данные по первородящим женщинам, выкопированные из 6,5 тыс. медицинских карт родильных домов города в 1981 и в 1990 гг. Статистическая разработка полученных данных проводилась по компьютерной программе Microsoft Excel XP. Применялись методы вариационной статистики с расчетом средних значений, квадратических отклонений и коэффициентов вариации, корреляционного и регрессионного анализов. Достоверность различий оценивалась по критерию Стьюдента-Фишера (статистически значимыми считались различия при $p < 0,05$). Проводилась индивидуальная оценка весоростовых соотношений по нормативным таблицам (шкалам регрессии массы тела по длине тела), разработанным на московских материалах начала 1990-х годов (*Организация медицинского контроля* 1993); определялся процент распространенности «нормы» физического развития (диапазон значений от $M-1 \sigma_R$ до $M+2 \sigma_R$), и отклонений за счет «избытка» массы тела ($>M+2 \sigma_R$) или «дефицита» массы тела ($<M-1 \sigma_R$).

Результаты исследования

Раздел 1. Изменение антропометрических параметров

Лонгитудинальное наблюдение, проводившееся в динамике с 1960 по 1969 год, показало, что к старшим классам в 25,8% случаев у школьников Москвы формируются нарушения в работе ряда органов и систем организма. При этом почти по всем видам патологии состояние здоровья девочек оказывается значительно хуже, чем здоровье их ровесников мальчиков ($p < 0,05$). Девочки не только чаще болеют острыми респираторными заболеваниями ($p < 0,01$), но и имеют больше нарушений в состоянии нервной, эндокринной, сердечно-сосудистой системы, органов зрения и пищеварения ($p < 0,01$). Неблагоприятная динамика за годы учебы наблюдается и в отношении их физического развития: с 1 по 10 класс доля девочек с «нормой» физического развития падает в среднем на 10% – с 85% до 75% . .

Массовые наблюдения, проведенные в 1972–1974 годы существенных коррективов в характеристику здоровья учащихся не внесли, однако, выявили определенную социальную стратификацию обследуемого контингента, показав, что уровень здоровья школьников из широко распространенных в те годы школ продленного дня, хуже, чем у их ровесников из обычных школ, причем у девочек отклонения в физическом развитии формируются за счет дефицита массы тела (14,6%) чаще, чем за счет её избытка (5%).

Массовые наблюдения, проведенные в следующее десятилетие – в 1980–1982 гг. показали, что с 1970-х по 1980-е годы здоровье школьников продолжает ухудшаться. Среди девочек более чем в 5 раз увеличивается доля лиц с заболеваниями пищеварительной си-

стемы, более чем в 2 раза – нервной, аллергические заболевания стали встречаться в 2,5–3 раза чаще, выросло количество тяжелых нарушений обмена веществ, анемией, миопии.

Лонгитудинальное наблюдение, проведенное по той же программе в тех же школах города с 1982 по 1991 год, позволило рассмотреть полученные результаты на фоне данных 1960–1969-х годов, оценить динамику изменений ведущих параметров физического развития девочек за двадцатилетний отрезок времени на каждом этапе возрастного развития.

Продольный рост, о котором мы судим по длине тела (табл. 1) и её парциальным составляющим: «верхнему отрезку спереди» (высота головы и шеи), длине туловища, длине ноги, за рассматриваемый срок увеличился (рис 1–3). Школьницы 1980-х годов стали выше сверстниц 20-летней давности в основном за счет увеличения «верхнего отрезка спереди» в младших классах и удлинения ноги по всему возрастному ряду ($p < 0,05$). В то же время по массе тела они не отличаются от ровесниц 1960-х годов (табл. 2, рис. 4).

Таблица 1

**Рост тела в длину у школьниц Москвы от 8 до 17 лет в разные годы
(лонгитудинальные наблюдения, см)**

Возраст в годах	Год наблюдения; численность	$M \pm m$	$\sigma \pm m$	$V \pm m$
8	1960; 148 чел.	125,7 $\pm$ 0,4	5,4 $\pm$ 0,3	4,3 $\pm$ 0,2
	1982; 125 чел	127,8 $\pm$ 0,5	5,7 $\pm$ 0,4	4,5 $\pm$ 0,3
9	1961; 148 чел.	130,6 $\pm$ 0,5	5,8 $\pm$ 0,3	4,5 $\pm$ 0,3
	1983; 125 чел.	132,8 $\pm$ 0,6	6,1 $\pm$ 0,4	4,6 $\pm$ 0,3
10	1962; 148 чел.	136,5 $\pm$ 0,5	6,5 $\pm$ 0,4	4,7 $\pm$ 0,3
	1984; 125 чел	137,6 $\pm$ 0,6	6,4 $\pm$ 0,4	4,6 $\pm$ 0,3
11	1963; 148 чел.	142,9 $\pm$ 0,6	7,1 $\pm$ 0,4	5,0 $\pm$ 0,3
	1985; 125 чел	144,1 $\pm$ 0,5	7,2 $\pm$ 0,5	5,0 $\pm$ 0,3
12	1964; 148 чел.	147,2 $\pm$ 0,6	7,2 $\pm$ 0,4	4,8 $\pm$ 0,3
	1986; 125 чел	150,2 $\pm$ 0,6	7,5 $\pm$ 0,5	5,0 $\pm$ 0,3
13	1965; 148 чел.	154,8 $\pm$ 0,5	6,5 $\pm$ 0,4	4,2 $\pm$ 0,2
	1987; 125 чел	156,4 $\pm$ 0,6	6,8 $\pm$ 0,4	4,3 $\pm$ 0,3
14	1966; 148 чел.	158,0 $\pm$ 0,5	6,1 $\pm$ 0,3	3,8 $\pm$ 0,2
	1988; 125 чел	160,0 $\pm$ 0,5	5,9 $\pm$ 0,4	3,7 $\pm$ 0,2
15	1967; 148 чел.	159,7 $\pm$ 0,5	5,7 $\pm$ 0,3	3,6 $\pm$ 0,2
	1989; 1295чел	162,0 $\pm$ 0,5	5,7 $\pm$ 0,4	3,5 $\pm$ 0,2
16	1968; 148 чел.	160,2 $\pm$ 0,5	5,8 $\pm$ 0,3	3,6 $\pm$ 0,2
	1990; 129 5ел	163,1 $\pm$ 0,5	5,7 $\pm$ 0,4	3,5 $\pm$ 0,2
17	1969; 148 чел.	160,8 $\pm$ 0,5	5,7 $\pm$ 0,3	3,5 $\pm$ 0,2
	1991; 125 чел	163,4 $\pm$ 0,5	5,7 $\pm$ 0,4	3,5 $\pm$ 0,2

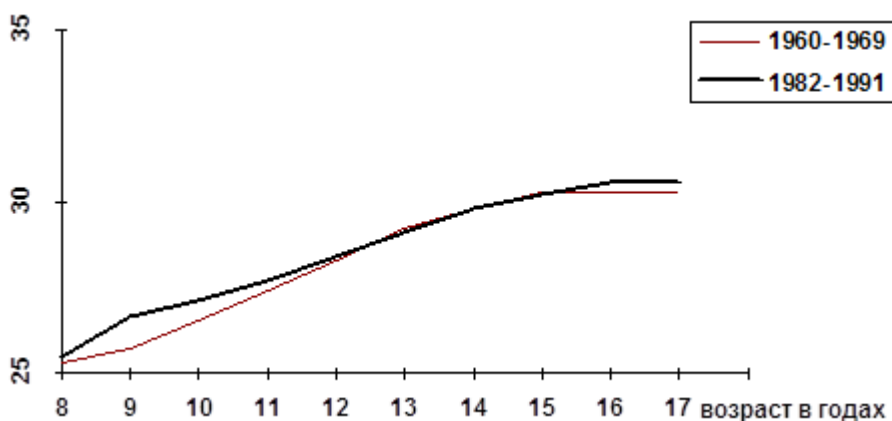

Рис. 1. «Верхний отрезок спереди» у московских девочек в разные годы (лонгитудинальные наблюдения, см).

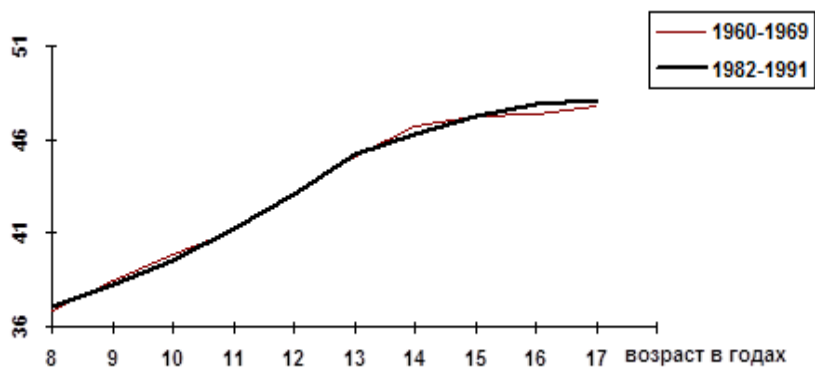

Рис. 2. Длина туловища у московских девочек в разные годы (лонгитудинальные наблюдения, см).

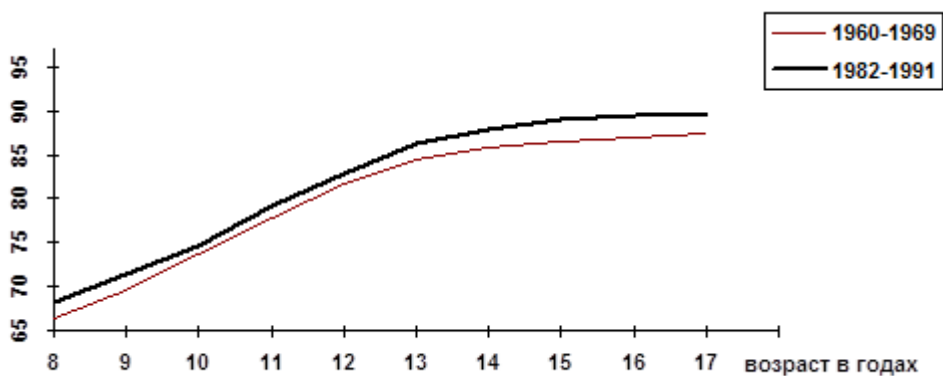

Рис. 3. Длина ноги у московских девочек в разные годы (лонгитудинальные наблюдения, см).

Таблица 2

**Изменение массы тела школьников Москвы от 8 до 17 лет в разные годы
(лонгитудинальные наблюдения, кг)**

Возраст в годах	Год наблюдения; численность	$M \pm m$	$\sigma \pm m$	$V \pm m$
8	1960; 148 чел.	25,5 $\pm$ 0,3	4,2 $\pm$ 0,2	16,7 $\pm$ 0,1
	1982; 125 чел.	26,2 $\pm$ 0,4	4,6 $\pm$ 0,3	17,7 $\pm$ 1,2
9	1961; 148 чел.	29,2 $\pm$ 0,4	5,0 $\pm$ 0,3	17,0 $\pm$ 1,0
	1983; 125 чел.	29,5 $\pm$ 0,5	5,3 $\pm$ 0,3	18,1 $\pm$ 1,2
10	1962; 148 чел.	32,6 $\pm$ 0,5	6,1 $\pm$ 0,4	18,7 $\pm$ 1,1
	1984; 125 чел.	32,5 $\pm$ 0,6	6,3 $\pm$ 0,4	19,4 $\pm$ 2,3
11	1963; 148 чел.	36,4 $\pm$ 0,6	6,9 $\pm$ 0,4	19,0 $\pm$ 1,1
	1985; 125 чел.	36,7 $\pm$ 0,6	7,3 $\pm$ 0,5	19,9 $\pm$ 1,3
12	1964; 148 чел.	41,3 $\pm$ 0,6	7,2 $\pm$ 0,4	17,5 $\pm$ 1,0
	1986; 125 чел.	41,9 $\pm$ 0,7	8,2 $\pm$ 0,5	19,6 $\pm$ 1,3
13	1965; 148 чел.	46,8 $\pm$ 0,7	8,0 $\pm$ 0,5	17,0 $\pm$ 1,0
	1987; 125 чел.	47,2 $\pm$ 0,8	8,6 $\pm$ 0,5	18,3 $\pm$ 1,2
14	1966; 148 чел.	50,6 $\pm$ 0,6	7,4 $\pm$ 0,4	14,7 $\pm$ 0,8
	1988; 125 чел.	52,2 $\pm$ 0,8	8,7 $\pm$ 0,5	16,7 $\pm$ 1,1
15	1967; 148 чел.	54,1 $\pm$ 0,6	7,2 $\pm$ 0,4	13,3 $\pm$ 0,8
	1989; 125 чел.	54,8 $\pm$ 0,8	8,4 $\pm$ 0,5	15,3 $\pm$ 1,0
16	1968; 148 чел.	56,3 $\pm$ 0,6	7,5 $\pm$ 0,4	13,3 $\pm$ 0,8
	1990; 125 чел.	56,9 $\pm$ 0,7	7,9 $\pm$ 0,5	4,0 $\pm$ 0,9
17	1969; 148 чел.	58,1 $\pm$ 0,6	7,4 $\pm$ 0,4	12,7 $\pm$ 0,7
	1991; 125 чел.	57,6 $\pm$ 0,7	8,2 $\pm$ 0,5	14,3 $\pm$ 0,9

Отмеченные сдвиги в весоростовых соотношениях привели к тому, что произошла явная грацилизация телосложения девочек, среди которых почти в 3 раза увеличилась доля лиц, имеющих относительный дефицит массы тела – с 4,6% до 12,7%, и в 2 раза снизилась доля лиц с ее избытком – с 9,1% до 4,5%.

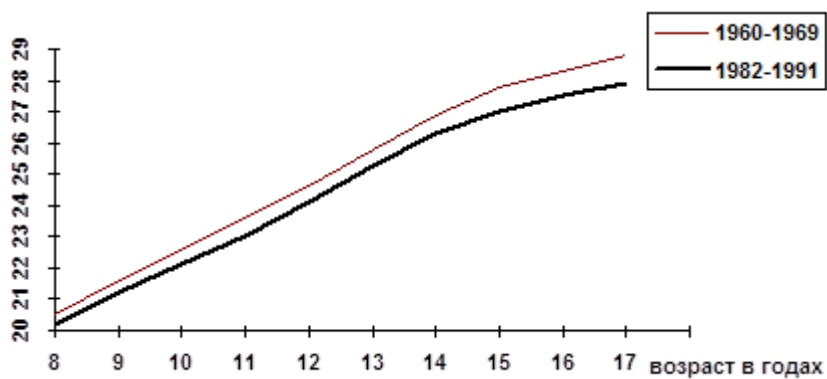

Рис. 4. Тазовый диаметр у московских девочек в разные годы (лонгитудинальные наблюдения, см).

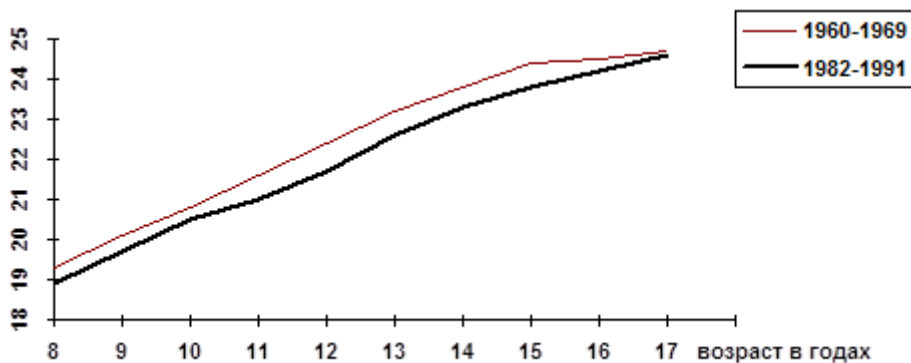

Рис. 5. Поперечный диаметр грудной клетки у московских девочек в разные годы (лонгитудинальные наблюдения, см).

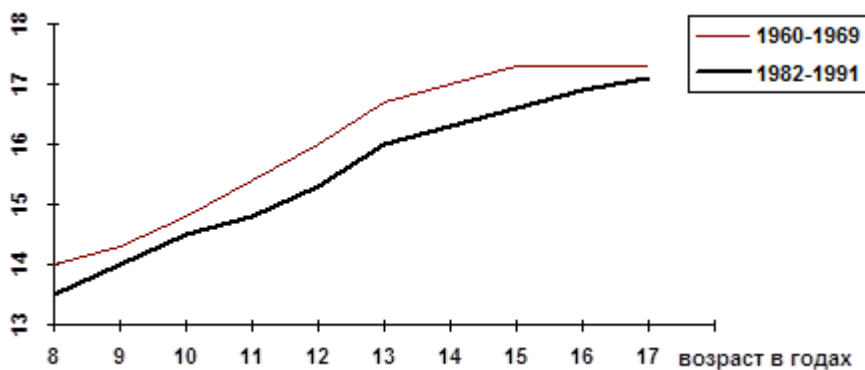

Рис. 6. Сагиттальный диаметр грудной клетки у московских девочек в разные годы (лонгитудинальные наблюдения, см).

Таблица 3

**Изменение обхвата груди школьниц Москвы от 8 до 17 лет в разные годы
(лонгитудинальные наблюдения, см.)**

Возраст в годах	Год наблюдения; численность	M $\pm$ m	s $\pm$ m	V $\pm$ m
8	1960; 148 чел.	60,5 $\pm$ 0,3	3,8 $\pm$ 0,2	6,2 $\pm$ 0,4
	1982; 125 чел.	58,4 $\pm$ 0,3	3,8 $\pm$ 0,2	6,5 $\pm$ 0,4
9	1961; 148 чел.	62,7 $\pm$ 0,3	4,4 $\pm$ 0,2	7,1 $\pm$ 0,4
	1983; 125 чел.	61,5 $\pm$ 0,3	3,8 $\pm$ 0,2	6,2 $\pm$ 0,4
10	1962; 148 чел.	64,3 $\pm$ 0,4	4,9 $\pm$ 0,3	7,7 $\pm$ 0,4
	1984; 125 чел.	63,4 $\pm$ 0,4	4,2 $\pm$ 0,3	6,6 $\pm$ 0,4
11	1963; 148 чел.	67,8 $\pm$ 0,4	5,1 $\pm$ 0,3	7,6 $\pm$ 0,4
	1985; 125 чел.	64,6 $\pm$ 0,5	5,3 $\pm$ 0,3	8,2 $\pm$ 0,5
12	1964; 148 чел.	70,8 $\pm$ 0,4	5,1 $\pm$ 0,3	7,3 $\pm$ 0,4
	1986; 125 чел.	68,8 $\pm$ 0,5	5,4 $\pm$ 0,3	7,8 $\pm$ 0,5
13	1965; 148 чел.	75,0 $\pm$ 0,4	5,0 $\pm$ 0,3	6,0 $\pm$ 0,3
	1987; 125 чел.	73,7 $\pm$ 0,5	5,7 $\pm$ 0,4	7,7 $\pm$ 0,5
14	1966; 148 чел.	76,7 $\pm$ 0,4	4,4 $\pm$ 0,3	5,8 $\pm$ 0,3
	1988; 125 чел.	76,4 $\pm$ 0,5	5,6 $\pm$ 0,3	7,4 $\pm$ 0,5
15	1967; 148 чел.	78,4 $\pm$ 0,3	4,1 $\pm$ 0,3	5,2 $\pm$ 0,3
	1989; 125 чел.	79,2 $\pm$ 0,5	5,1 $\pm$ 0,3	6,5 $\pm$ 0,4
16	1968; 148 чел.	79,5 $\pm$ 0,4	4,4 $\pm$ 0,3	5,5 $\pm$ 0,3
	1990; 125 чел.	80,0 $\pm$ 0,4	4,8 $\pm$ 0,3	6,0 $\pm$ 0,4
17	1969; 148 чел.	80,8 $\pm$ 0,3	3,9 $\pm$ 0,2	4,8 $\pm$ 0,3
	1991; 125 чел.	81,0 $\pm$ 0,5	5,2 $\pm$ 0,3	6,4 $\pm$ 0,4

Определенная грациализация телосложения прослеживается и при сравнении данных по обхвату груди (табл. 3), которые всегда в «пользу» 1960-х годов (хотя различия статистически значимы только в 8–9 и 11–12 лет, $p < 0,05$), и особенно по поперечному и сагиттальному диаметрам грудной клетки. Поперечный диаметр грудной клетки (рис. 4) в 1980-е годы у девочек 12–15-летнего возраста достоверно меньше, чем был в 1960-е годы ($p < 0,05$), а в сагиттальном диаметре (рис. 5) эта тенденция проходит по всему возрастному ряду ($p < 0,05$), свидетельствуя о явном уплощении грудной клетки в передне-заднем направлении.

Массовых одномоментных наблюдений, проведенные в 1992–1997 годы и 1998–2005 годы, обнаружили продолжающуюся грацилизацию девочек и в последующие

годы. Эта тенденция, в наибольшей степени проявляющаяся в 15–17-летнем возрасте, по всей видимости, свидетельствует об изменениях в формировании дефинитивных размеров тела современной женщины.

Раздел 2. Изменение силовых показателей

Обнаруженные изменения в физическом развитии московских школьников во времени предполагают появление определенных сдвигов и в функциональных возможностях их организма, о которых мы можем судить по изменению силовых показателей (силе сжатия кисти).

Динамика силовых показателей у школьников разных десятилетия рассмотрена на соответствующих материалах, полученных методом кистевой динамометрии. По данным лонгитудинальных наблюдений 1960–1969 и 1982–1991 годов (табл. 4) установлено, что изменения в силе сжатия кисти у московских школьников в диапазоне от 8-и до 17-и лет в разных возрастных группах носят разный характер. Школьницы младших классов в 1980-е годы, при испытании на кистевом динамометре показывают результат лучший ($p < 0,05$ – $0,01$), чем их ровесницы 1960-х годов.

В старших классах наблюдается обратная картина, также статистически достоверная ($p < 0,05$), причем, ухудшение силовых возможностей начинается с наступлением пубертатного периода – с 11–12 лет, а затем прогрессирует настолько, что достигнув 17-летнего возраста девочки на 21% (на 7 кг) отстают от своих ровесниц 20-летней давности.

Анализ численно насыщенных материалов, полученных при массовых наблюдениях 1970-х годов, 1980-х годов, 1990-х годов и 2000–2005 годов (Ямпольская 2007) показал дальнейшее реальное ($p < 0,01$) снижение силовых показателей у московских школьниц. И, если в 1970-е годы сила сжатия кисти 12-летних девочек составляла 23,3 кг, то у их ровесниц в 1980-е годы – 20,4 кг, а в 1990–2000-е годы 18,6–17,8 кг. Обращает на себя внимание и то, что в последнем случае даже с 15 до 17-летнего возраста сила сжатия кисти уменьшается в среднем на 1,5 кг (на 7,6%) .

Установлено также, что снижению силовых возможностей современных школьников на всем протяжении рассматриваемого периода сопутствует сужение границ дисперсионного разброса, что свидетельствует об уменьшении размаха индивидуальных вариантов. Обнаруженное сочетание указывает на серьезное ухудшение функциональных возможностей растущего женского организма даже в самые последние годы.

О том, что современная молодежь становится слабее, что ее представители быстро устают, хуже бегают, прыгают известно из многих публикаций. Снижение силовых возможностей обычно связывают с отсутствием интереса к активным занятиям физкультурой и спортом. Однако неуклонность этого снижения и уменьшение дисперсионного разброса вариантов позволяют говорить о более серьезных причинах «ослабления» молодого поколения, среди которых не последнюю роль играет, разумеется, общее состояние окружающей среды.

Таблица 4

Изменения силы сжатия кисти девочек Москвы от 8 до 17 лет в лет в разные десятилетия (лонгитудинальные наблюдения, кг)

Возраст в годах	Год наблюдения; численность	$M \pm m$	$\sigma \pm m$	$V \pm m$
8	1960; 148 чел.	10,4 $\pm$ 0,2	2,7 $\pm$ 0,2	26,3 $\pm$ 1,5
	1982; 125 чел.	13,3 $\pm$ 0,2	2,6 $\pm$ 0,2	19,4 $\pm$ 1,3
9	1961; 148 чел.	13,2 $\pm$ 0,2	2,7 $\pm$ 0,2	20,6 $\pm$ 1,2
	1983; 125 чел.	15,8 $\pm$ 0,3	2,8 $\pm$ 0,2	18,0 $\pm$ 1,2
10	1962; 148 чел.	13,9 $\pm$ 0,2	2,8 $\pm$ 0,2	20,0 $\pm$ 1,2
	1984; 125 чел.	17,3 $\pm$ 0,3	2,6 $\pm$ 0,2	15,2 $\pm$ 1,0
11	1963; 148 чел.	17,0 $\pm$ 0,3	3,3 $\pm$ 0,2	19,5 $\pm$ 1,2
	1985; 125 чел.	18,1 $\pm$ 0,3	3,4 $\pm$ 0,2	18,8 $\pm$ 1,2
12	1964; 148 чел.	21,2 $\pm$ 0,3	3,6 $\pm$ 0,2	16,8 $\pm$ 1,0
	1986; 125 чел.	20,4 $\pm$ 0,4	4,1 $\pm$ 0,3	19,9 $\pm$ 1,3
13	1965; 148 чел.	25,9 $\pm$ 0,4	5,2 $\pm$ 0,3	20,0 $\pm$ 1,2
	1987; 125 чел.	23,3 $\pm$ 0,4	4,3 $\pm$ 0,3	18,3 $\pm$ 1,2
14	1966; 148 чел.	29,4 $\pm$ 0,5	5,6 $\pm$ 0,3	19,2 $\pm$ 1,1
	1988; 125 чел.	24,8 $\pm$ 0,4	3,9 $\pm$ 0,3	15,8 $\pm$ 1,0
15	1967; 148 чел.	31,4 $\pm$ 0,3	5,4 $\pm$ 0,3	17,2 $\pm$ 1,0
	1989; 125 чел.	22,9 $\pm$ 0,4	4,2 $\pm$ 0,3	18,3 $\pm$ 1,2
16	1968; 148 чел.	32,8 $\pm$ 0,5	5,6 $\pm$ 0,3	17,0 $\pm$ 1,0
	1990; 125 чел.	24,2 $\pm$ 0,4	4,6 $\pm$ 0,3	18,9 $\pm$ 1,2
17	1969; 148 чел.	33,3 $\pm$ 0,5	5,6 $\pm$ 0,3	16,8 $\pm$ 1,0
	1991; 125 чел.	26,2 $\pm$ 0,3	3,7 $\pm$ 0,2	14,3 $\pm$ 0,9

Раздел 3. Изменение репродуктивного развития

Характеристика физического развития подрастающей женщины невозможна без рассмотрения сдвигов в формировании репродуктивной сферы её организма, достаточно надежным показателем, которой является возраст, в котором появляются первые регулы (menarche).

Общая картина изменений menarche во времени представлена материалом, полученным при динамическом опросе 1064 московских девочек с 12- до 16-летнего возраста в 1960-е, 1970-е, 1980-е, 1990-е годы, а также архивными данными² 6,5 тыс. медицинских карт московских роддомов за 1981 и за 1990 годы. Картина свидетельствует о постоянном (если не считать военных лет) снижении сроков появления первых регул

² Календарные значения menarche 1910–1964 гг. из архивных материалов, полученные при опросе рожениц методом «status quo», для сравнения с фактическими, полученными при опросе школьников о точной дате появления первых регул в 1965–1995 годах, согласно методическим правилам увеличены на 5 месяцев.

у жительниц города с середины 1930-х до середины 1970-х годов (рис. 7). В 1935 году возраст появления первых регул равнялся 14,8 г., к 1965-му снизился до 13,9 г., и достигнув в 1975 году самой низкой точки в 12,6 г., снова начал увеличиваться.

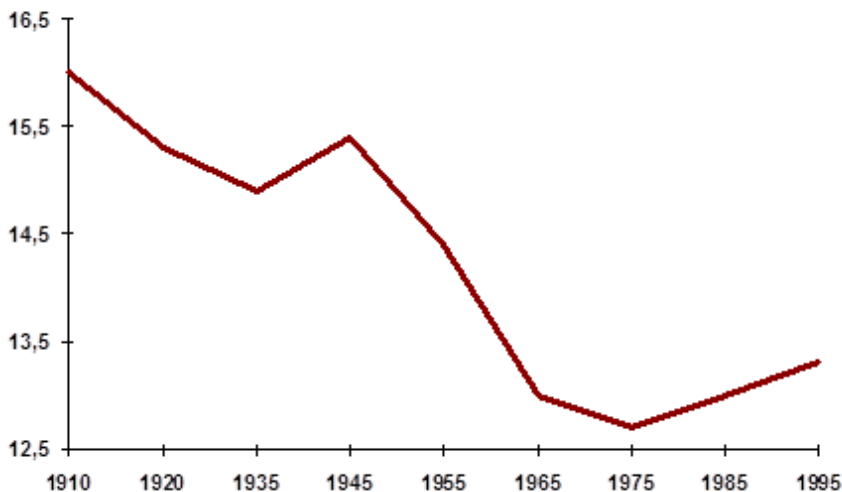

Рис. 7. Динамика менархе женщин Москвы на протяжении XX века (в годах).

Изменения сроков полового созревания девочек Москвы во второй половине XX века (1960–1990-е годы) более подробно помогают рассмотреть суммированные данные уже упомянутых опросов школьниц, которые позволили достоверно (с учетом конкретной даты события) установить, что самый ранний менархе в 12 лет 6 мес. диагностировался в 1971–1975 гг., а к началу 2000-х годов составил уже 13 лет 3 мес. (табл. 5).

Внутригрупповое перераспределение сроков наступления менархе у московских девочек от десятилетия к десятилетию в высокой степени достоверно ($p < 0,01$). У основной массы девочек первые регулы появлялись в 13-летнем возрасте, т.е. в диапазоне от 12 л. 6 мес. – 13 л. 5 мес. Однако более детальное рассмотрение перераспределения данных этого диапазона в масштабе времени позволило установить, что в материалах последних трех опросов наблюдается сдвиг вершины кривой распределения менархе в сторону определенного «постарения» примерно на 5 мес. (в 1960-е и 1970-е годы пик менархе приходился на 12 л. 6 мес. – 12 л. 11 мес., в 1980-е и 1990-е годы сместился на 13 л. – 13 л. 5 мес. Причем «постарению» менархе в материалах последних трех опросов сопутствует увеличение дисперсионного разброса его вариантов, указывающего, по всей видимости, на влияние стратификации населения, обусловленной переменами, произошедшими в стране в последние годы.

Данные официальной статистики в известной степени подтверждают это предположение, свидетельствуя, что политические и социально-экономические перемены, произошедшие в России в конце прошлого – начале нового века, существенным образом отразились на характере развития многих демографических процессов в стране (Игнатьева, Каграманов 1997).

Таблица 5

**Изменение менархе девочек Москвы за последние 40 лет
(данные опроса)**

Серия	Число детей	Годы наблюдения	Годы рождения	$M \pm m$	$\sigma \pm m$	$V \pm m$
I	211	1964–1968	1951/1952	$13,03 \pm 0,07$	$1,12 \pm 0,05$	$8,58 \pm 0,41$
II	330	1971–1975	1958/1959	$12,60 \pm 0,05$	$0,92 \pm 0,04$	$7,30 \pm 0,40$
III	195	1981–1985	1968/1969	$13,09 \pm 0,09$	$1,25 \pm 0,06$	$9,55 \pm 0,48$
IV	125	1986–1990	1973/1974	$13,01 \pm 0,11$	$1,24 \pm 0,08$	$9,53 \pm 0,60$
V	203	1996–2001	1983/1984	$13,25 \pm 0,08$	$1,35 \pm 0,07$	$10,19 \pm 0,51$

Как известно, между процессами роста и наступлением половой зрелости наблюдается достаточно тесная связь. Такая связь рассмотрена нами на материалах лонгитудинального наблюдения 1960–1969 годов: ретроспективный анализ корреляционной зависимости между менархе и размерными признаками показывает, что чем крупнее девочки в 8–9 лет, тем раньше они вступают в пубертатный период. Возрастание связи большинства антропометрических признаков с наступлением половой зрелости обнаруживается в возрасте 11–12 лет, и в наибольшей степени для массы тела и тазового диаметра ($r=0,55-0,58$), т.е. для параметров, традиционно связанных с формированием репродуктивной сферы женского организма.

Имея данные, полученные через 20 лет при идентичном наблюдении, мы обнаружили определённые изменения в корреляционной зависимости между массой тела и «постаревшим» примерно на полгода возрастом появления первых регул (рис. 8).

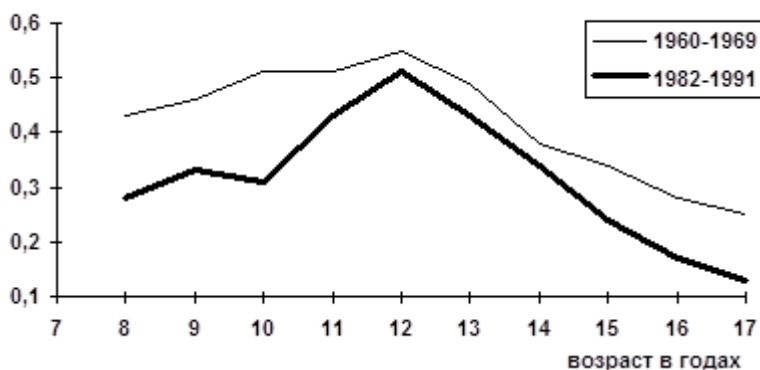

Рис. 8. Связь менархе с массой тела девочек разных десятилетий в возрастном аспекте (лонгитудинальные наблюдения, r).

Можно видеть, что хотя характер этой зависимости и остался прежним — с пиком в 12 лет, однако, теснота ее в большинстве случаев уменьшилась. Так, если в 1960-е годы в этом возрасте корреляция между массой тела и менархе составляла $r=0,55$, то в 1980-е она снизилась до $r=0,49$.

Обращает на себя внимание то, что у младших школьниц связь массы тела с будущим половым созреванием изменилась в еще большей степени: у 8-9-летних 1980-х годов она в 1,5 раза слабее ($r=0,28-0,33$), чем была у их ровесниц 1960-х ($r=0,43-0,47$).

Подобное снижение тесноты связи между менархе и параметрами тела девочек прослеживается для всех без исключения размерных признаков и может указывать на определенные изменения в формировании женского организма, результатом которых, по всей видимости, является недостижение к моменту появления менструаций необходимого уровня соматического развития. Это снижение не может не отразиться на состоянии женского организма и возможно свидетельствует об определенной дисгармонии в созревании репродуктивной сферы современной женщины и ее детородной функции в будущем.

Более точный ответ на вопрос о причинах обнаруженного факта и его интерпретации могут дать, разумеется, только целенаправленные исследования, однако, он настораживает, так как согласно данным прогнозирования невынашивания плода при первой беременности (Михальченко 1993) из 16,8% факторов риска больше половины (10,6%) определяются формированием репродуктивного здоровья именно в детском и подростковом возрасте

Раздел 4. Изменение репродуктивного потенциала молодых первородящих

Пролонгировать информацию о состоянии здоровья московских девочек к моменту окончания школы на будущее, сопоставить ее с данными по молодым первородящим москвичкам 1960 и 1970 годов рождения и их детям позволило специальное рассмотрение архивных материалов 1981 и 1990 годов (Ямпольская 2014). Анализ динамики состояния здоровья первородящих женщин, течения беременности, родов и здоровья новорожденных в интервале указанных 10 лет выявляет ряд негативных тенденций, особого внимания среди которых заслуживает рост хронической патологии у 18-19-летних. И если в 1981 году у первородящих этой группы хроническая патология составляла 22,2%, то в 1990 выросла до 38,2%. Установлено также явное омоложение заболеваний, влияющих на течение беременности и родов, на здоровье новорожденных. Так, число заболеваний половой сферы за рассматриваемый период выросло в 2 раза (особенно у 15-19-летних), почек – в 2,5 раза (особенно у 15-24-летних), распространенность прогрессирующей миопии и миопии высокой степени увеличилась почти в 2 раза.

Первое место в ранговом распределении стабильно удерживают гинекологические заболевания. Причем данная патология чаще стала выявляться у молодых первородящих, в том числе и у несовершеннолетних: в 1990 г. – у 15-17-летних в 10 случаях на 100 обследованных, у 18-19-летних в 13,4 случаях, у 20-24-летних в 21,1 случае (в 1981 г. распространенность таких заболеваний у несовершеннолетних вообще не регистрировалась, а в остальных возрастных группах не превышала 10,2 на 100).

Корреляционный анализ показал также, что хронические заболевания половой сферы матери обнаруживают высокую степень связи с отклонениями в развитии новорожденного ($r = 0,48-0,51$). Характер обнаруженных изменений в диапазоне 1981–1990 годов с большой долей вероятности позволил прогнозировать также нарастание в популяции доли лиц с тяжелыми поражениями нервной системы и психическими расстройствами, врожденными пороками развития, т.е. увеличение контингента инвалидов с детства, что, к сожалению, в последующие годы подтверждается (Минздрав РФ «Служба охраны здоровья матери и ребёнка» 2001–2004).

Полученные результаты позволяют заключить, что в популяции создается почти замкнутый цикл: «больная школьница–больная первородящая— больной плод–больной ребенок–больной подросток–больные родители» и с каждым 20-летием этот цикл становится все более выраженным. По данным официальной статистики (Игнатьева, Каграманов 1997) рождались больными или заболели в неонатальном периоде развития: в 1985 году–каждый 11 ребенок, в 1990–каждый 7-8, а в 1994–1995 гг. – уже каждый 4-5, и только за период с 1997 по 2004 доля таких детей увеличилась более, чем на 30%.

Заключение и выводы

На основе многолетних лонгитудинальных и массовых наблюдений за физическим развитием девочек-школьниц Москвы от 8- до 17-летнего возраста выявлена динамика изменений их морфофункционального развития за период 1960–1990 годы

1. Сравнение результатов лонгитудинальных наблюдений 1960–1969 гг. и 1982–1991 гг. показало, что в рассматриваемом диапазоне времени (1960–1980-е годы) во всех возрастах констатируется увеличение длины тела примерно на 1,5-2 см, и от младших возрастов к старшим различия усиливаются. Наряду с этим уменьшаются размеры ширины таза, поперечного и сагиттального диаметров грудной клетки при неменяющихся значениях массы тела. С начала 1990-х годов, как свидетельствуют материалы массовых наблюдений, увеличения продольного роста уже не наблюдается, а по широтным размерам и массе тела девочки значительно отстают от ровесниц прошлых десятилетий.

2. Функциональные характеристики растущего организма женщины выявляют значительное, особенно бурное в последние годы, снижение силовых возможностей, наибольший эффект которого констатируется в 13–15-летнем возрасте. Снижению силовых возможностей в этих возрастах сопутствует сужение дисперсионного разброса вариантов, что не может не расцениваться как явление негативное, связанное как с изменением образа жизни и приоритетами подрастающего поколения, так и с состоянием популяции в целом.

3. Материалы динамического опроса юных москвичек с 12 до 16-летнего возраста с 1964 по 1968, с 1971 по 1975, с 1981 по 1985 и с 1986 по 1990 годы выявляют тенденцию изменения сроков полового созревания во времени: от 1960-х к 1970-м ускорение наступления *menarche*, а с 1970-х годов его замедление. При сравнении результатов лонгитудинальных наблюдений разных десятилетий обнаружено снижение тесноты связи между *menarche* и массой тела, что может, очевидно, расцениваться как «ослабление» биологических связей между развитием и созреванием женского организма и свидетельствовать об определенной дисгармонии в формировании его репродуктивных возможностей.

4. Архивные материалы, полученные путем выкопировки данных московских родильных домов в 1981 и в 1990 годы позволяют оценить изменения, касающиеся репродуктивного потенциала молодых первородящих в рассматриваемом диапазоне времени. Полученные результаты указывают на существование ряда негативных тенденций, среди которых особого внимания заслуживает рост хронической патологии у 18–19-летних с доминированием заболеваний мочеполовой системы, непосредственно влияющих на течение беременности, родов и здоровье детей.

Источники и литература

- Ананьева, Ямпольская 1995 – Ананьева Н.Н. Ямпольская Ю.А. О необходимости особого контроля за здоровьем и физическим развитием современных девочек-школьниц // Школа здоровья, 1995. № 4. Т. 2. С. 44–53.
- Артюкова 1997 – Артюкова О.В., Коколина В.Ф. Гипоталамический синдром пубертатного периода // Вестник Российской ассоциации акушеров-гинекологов, 1997. №2. С. 45–438.
- Бережков 1980 – Бережков Л.Ф., Ямпольская Ю.А. Некоторые методические вопросы оценки состояния здоровья детей школьного возраста // Актуальные вопросы состояния здоровья детей. М., 1980. С. 8–27.
- Громбах 1984 – Громбах С.М. Социально-гигиенический аспект оценки состояния здоровья детей и подростков // Вестник АМН СССР, 1984. № 4. С. 75–80.
- Игнатьева 1997 – Игнатьева Р.К., Каграманов В.И. Динамика процессов воспроизводства населения Российской Федерации в современных условиях (статистический бюллетень). М., 1997. 85 с.
- Куинджи 1993 – Куинджи Н.Н., Поленова М.А. Влияние школьного периода жизни на формирование и реализацию репродуктивной функции женщины // Гигиена и санитария. 1993. № 10. С. 46–49.
- Минздрав РФ 2001 – Минздрав РФ Служба охраны здоровья матери и ребенка РАМН. 2001.
- Минздрав РФ 2002 – Минздрав РФ Служба охраны здоровья матери и ребенка РАМН. 2002.
- Минздрав РФ 2003 – Минздрав РФ Служба охраны здоровья матери и ребенка РАМН. 2003.
- Минздрав РФ 2004 – Минздрав РФ Служба охраны здоровья матери и ребенка РАМН. 2004.
- Михальченко 1993 – Михальченко А.А. Прогнозирование невынашивания беременности в детском и подростковом возрасте. Автореф. дисс. канд. мед. наук. Минск, 1993. 32 с.
- Организация медицинского контроля 1993 – Организация медицинского контроля за развитием и здоровьем дошкольников и школьников на основе массовых скрининг-тестов и их оздоровление в условиях детского сада, школы. М.: Промедэк, 1993. 163 с.
- Рапопорт 2004 – Рапопорт И.К. Методические подходы к оценке динамики заболеваемости школьников по результатам медицинских осмотров // Мат. пленума Научного Совета по гигиене окружающей среды «Современные проблемы медицины окружающей среды». М., 2004. С. 216–218.
- Рысева и др. 1975 – Рысева Е.С. Бережков Л.Ф., Нусбаум Д.Г., Ямпольская Ю.А. и др. Результаты массового комплексного исследования состояния здоровья школьников с 1 по 10 классы с учетом возрастнo-половых различий // Состояние здоровья детей дошкольного и школьного возраста. М., 1975. С. 14–85.
- Сухарева, Куинджи 1998 – Сухарева Л.М., Куинджи Н.Н. Особенности формирования репродуктивного потенциала у современных школьниц // Российский педиатрический журнал, 1998. № 1. С. 14–18.
- Уварова 2005 – Уварова Е.В. Современные проблемы репродуктивного здоровья девочек // Репродуктивное здоровье девочек-подростков, 2005. №1. С. 6–10.
- Чечулина, Тухватуллина 2005 – Чечулина О.В. Тухватуллина Л.М. Оценка репродуктивного потенциала девочек-подростков в Республике Татарстан // Репродуктивное здоровье детей и подростков, 2005. №3. С. 6–11.
- Ямпольская 1971 – Ямпольская Ю.А. Характер морфологического развития девочек с разными сроками полового созревания (динамические наблюдения): Автореф. дисс. канд. биол. наук. М., 1971. 20 с.
- Ямпольская 1997 – Ямпольская Ю.А. Динамика уровня полового созревания девочек Москвы в последние десятилетия // Гигиена и санитария, 1997. №3. С. 29–30.

- Ямпольская* 1999 – *Ямпольская Ю.А.* Девочка – женщина – новорожденный: здоровье и физическое развитие в современный период // Мужчина и женщина: меняющиеся роли и образы (Мат. III международной конференции по гендерным исследованиям). М.:РАН, 1999. Т. 2. С.44–58.
- Ямпольская* 2000 – *Ямпольская Ю.А.* Физическое развитие школьников-жителей крупного мегаполиса в последние десятилетия: состояние, тенденции, прогноз, методика оценки. Дисс. докт. биол. наук в виде научного доклада. М., 2000. 76 с.
- Ямпольская* 2007 – *Ямпольская Ю.А.* Физическое развитие и функциональные возможности подростков 15-17 лет, обучающихся в школе и в профессиональном училище // Педиатрия. Журнал им. Г.Н.Сперанского, 2007. №5. С.69–72.
- Ямпольская* 2014 – *Ямпольская Ю.А.* Физическое развитие и формирование репродуктивного здоровья женщины в школьные годы // Сб.Мат. Всероссийской научной Интернет-конференции с международным участием «Репродуктивная медицина: новые тенденции и неразрешенные вопросы» (23 июня 2014) / Сервис виртуальных конференций Pax Grid. Казань, 2014. С.72–85.

References

- Anan'eva N.N. Iampol'skaia Ju.A.* O neobkhodimosti osobogo kontroliia za zdorov'em i fizicheskim razvitiem sovremennykh devochek-shkol'nits // Shkola zdorov'ia, 1995. No. 4. vol.2. Pp.44–53.
- Artiukova O.V., Kokolina V.F.* Gipotalamicheskii sindrom pubertatnogo perioda // Vestnik Rossiiskoi assotsiatsii akusherov-ginekologov, 1997. No. 2. Pp.45–438.
- Berezhkov L.F., Iampol'skaia Ju.A.* Nekotorye metodicheskie voprosy otsenki sostoiianiia zdorov'ia detei shkol'nogo vozrasta // Aktual'nye voprosy sostoiianiia zdorov'ia detei. Moscow. 1980. Pp. 8–27.
- Grombakh S.M.* Sotsial'no-gigienicheskii aspekt otsenki sostoiianiia zdorov'ia detei i podrostkov // Vestnik AMN SSSR, 1984. No. 4. Pp. 75–80.
- Ignat'eva R.K., Kagramanov V.I.* Dinamika protsessov vosproizvodstva naseleniia Rossiiskoi Federatsii v sovremennykh usloviakh (statisticheskii biulleten'). Moscow, 1997. 85 pp.
- Kuindzhi N.N., Kuindzhi M.A.* Vliianie shkol'nogo perioda zhizni na formirovanie i realizatsiiu reproduktivnoi funktsii zhenshchiny // Gigiena i sanitariia. 1993. No. 10. Pp.46–49.
- Minzdrav RF Sluzhba okhrany zdorov'ia materi i rebenka RAMN.* 2001.
- Minzdrav RF Sluzhba okhrany zdorov'ia materi i rebenka RAMN.* 2002.
- Minzdrav RF Sluzhba okhrany zdorov'ia materi i rebenka RAMN.* 2003.
- Minzdrav RF Sluzhba okhrany zdorov'ia materi i rebenka RAMN.* 2004.
- Mikhal'chenko A.A.* Prognozirovanie nevnashivaniia beremennosti v detskom i podrostkovom vozraste. Avtoref. diss. kand. med. nauk. Minsk, 1993. 32 pp.
- Organizatsiia meditsinskogo kontroliia za razvitiem i zdorov'em doshkol'nikov i shkol'nikov na osnove massovykh skринing-testov i ikh ozdorovlenie v usloviakh detskogo sada, shkoly.* Moscow: Promedek, 1993. 163 pp.
- Rapopot I.K.* Metodicheskie podkhody k otsenke dinamiki zaboлеваemosti shkol'nikov po rezul'tatam meditsinskikh osmotrov // Mat. plenuma Nauchnogo Soveta po gigiene okruzhaiushchei sredy "Sovremennye problemy meditsiny okruzhaiushchei sredy". Moscow, 2004. Pp. 216–218.
- Ryseva E.S. Berezhkov L.F., Nusbaum D.G., Iampol'skaia Ju.A. i dr.* Rezul'taty massovogo kompleksnogo issledovaniia sostoiianiia zdorov'ia shkol'nikov s 1 po 10 klassy s uchetom vozrastno-polovykh razlichii // Sostoiianie zdorov'ia detei doshkol'nogo i shkol'nogo vozrasta. Moscow, 1975. Pp. 14–85.

- Sukhareva L.M., Kuindzhi N.N. Osobennosti formirovaniia reproduktivnogo potentsiala u sovremennykh shkol'nits // Rossiiskii pediatricheskii zhurnal, 1998. No. 1. Pp. 14–18.
- Uvarova E.V. Sovremennye problemy reproduktivnogo zdorov'ia devochek // Reproaktivnoe zdorov'e devochek-podrostkov, 2005. No. 1. Pp. 6–10.
- Chechulina O.V. Tukhvatullina L.M. Otsenka reproduktivnogo potentsiala devochek-podrostkov v Respublike Tatarstan // Reproaktivnoe zdorov'e detei i podrostkov, 2005. No. 3. Pp. 6–11.
- Iampol'skaia Iu.A. Kharakter morfologicheskogo razvitiia devochek s raznymi srokami polovogo sozrevaniia (dinamicheskie nabludeniia): Avtoref. diss. kand. biol. nauk. Moscow, 1971. 20 Pp.
- Iampol'skaia Iu.A. Dinamika urovnia polovogo sozrevaniia devochek Moskvy v poslednie desiatiletii // Gigiena i sanitariia, 1997. No 3. Pp. 29–30.
- Iampol'skaia Iu.A. Devochka – zhenshchina – novorozhdennyi: zdorov'e i fizicheskoe razvitie v sovremennyi period // Muzhchina i zhenshchina: meniaiushchiesia roli i obrazy (Mat. III mezhdunarodnoi konferentsii po gendernym issledovaniiam). Moscow: RAN, 1999. Vol. 2. Pp. 4–58.
- Iampol'skaia Iu.A. Fizicheskoe razvitie shkol'nikov-zhitelei krupnogo megapolisa v poslednie desiatiletii: sostoianie, tendentsii, prognoz, metodika otsenki. Diss. dokt. biol. nauk v vide nauchnogo doklada. Moscow, 2000. 76 pp.
- Iampol'skaia Iu.A. Fizicheskoe razvitie i funktsional'nye vozmozhnosti podrostkov 15-17 let, obuchaiushchikhsia v shkole i v professional'nom uchilishche // Pediatriia. Zhurnal im. G.N. Speranskogo, 2007. No 5. Pp. 69–72.

Yu.A. Yampolskaya. Morphofunctional development of a woman during school years (second half of the XX century, Moscow).

The results of study on physical development of Moscow school girls aged 8–17 in 1960–1990th (longitudinal and cross-sectional data) are introduced. The dynamics of age changes of morphofunctional (including reproductive) status and force abilities of the female organism through the process of its maturation are reviewed. Data is supplied with the analysis of archive data on first delivering women in 1981 and 1990. The results point to the number of negative tendencies, among them the decrease of health, the gracilization of body built, the decrease of force abilities, the specific disharmony in maturation of reproductive sphere. Archive data witness to the rejuvenation of chronic pathological processes with the domination of diseases, influencing the course of pregnancy, delivery and the child health.

Key words: *school girls, mass and longitudinal studies, physical development, force abilities, menarche, reproductive health.*

ВОПРОСЫ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

УДК 266

© О.Е. Казьмина

МИССИОНЕРСТВО И ПРОЗЕЛИТИЗМ КАК КАТЕГОРИИ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА И АКАДЕМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье анализируются понятия «миссионерство» и «прозелитизм» и взгляд церквей на границу между ними. На протяжении XX в. христианские организации не раз обсуждали тему совместного свидетельства в ситуации, когда христианство разделено на разные церкви, и необходимости избегать при этом проявлений прозелитизма. В России эта тема стала актуальной в 1990-е годы и заострила вопросы о пределах допустимого в проповеднической деятельности, об отношении в обществе к смене человеком своей религиозной или конфессиональной принадлежности, об иерархии и взаимосвязи коллективных культурных идентичностей.

Ключевые слова: Миссионерство, прозелитизм, христианство, Россия, смена конфессиональной принадлежности, межконфессиональный диалог, идентичность.

Некоторые узкоспециализированные понятия и термины, важные для своей области, иногда вдруг врываются в более широкий общественный, политический и академический дискурс, и проблема, стоящая за этими обозначениями, становится (или кажется) важной для существенной части общества. В России в 1990-е годы так произошло с понятием «прозелитизм», до этого практически неизвестным неспециалистам. Появление этого термина в широком российском дискурсе заострило вопросы, которые и прежде неоднократно поднимались в межконфессиональном диалоге и по которым церкви пытаются если и не найти окончательные решения, то хотя бы прийти к примиряющему консенсусу. Эти вопросы касаются пределов допустимого в проповеднической деятельности, отношения в обществе к смене человеком своей религиозной или конфессиональной принадлежности, границы между понятиями «миссионерство» и «прозелитизм», степени значимости и коннотации самих этих понятий.

Оба эти понятия, и «миссионерство» (от лат. *missio*—посылка, поручение), и «прозелитизм» (от греч. *προσῆλυτος*—обращенный, нашедший свое место), имеют отношение к деятельности, связанной с распространением религиозного учения, и к переходу человека из одной веры в другую. Разграничение между ними, равно как и закрепление положительной коннотации за понятием «миссионерство», подчеркивающим процесс несения Благой вести, и отрицательной за понятием «прозелитизм», подчеркиваю-

щим нацеленность на результат, достигаемый недопустимыми методами, происходит в XX в. в рамках межрелигиозного и межконфессионального диалога.

Спустя полтора десятка лет после широкого распространения понятие «прозелитизм» опять практически покинуло российский общественный и общерелигиозный дискурс, что демонстрирует его контекстуальность и ситуативность. Одновременно это ставит вопрос о том, что это за контекст и что за ситуации, когда тема прозелитизма оказывается болезненной и эмоционально окрашенной.

На протяжении второй половины XX века христианские организации не раз обсуждали тему совместного свидетельства о Христе в ситуации, когда христианство утратило богозаповеданное единство и разделено на разные церкви, и пытались ответить на вопрос, как в такой ситуации избежать проявлений прозелитизма. Один из подобных документов – «Совместное свидетельство и прозелитизм» – был принят в 1970 г. (*Common Witness* 1971). Этот документ был рекомендован к публикации Совместной рабочей группой Римско-Католической Церкви (РКЦ) и Всемирного Совета Церквей (ВСЦ), в состав которого входит и Русская Православная Церковь (РПЦ), а разработан специальной Совместной теологической комиссией на ее двух первых заседаниях в 1968 г. Примечательно, что одно из этих заседаний проходило в Загорске (ныне Сергиев Посад), хотя в СССР в то время не было места ни миссионерству, ни прозелитизму, и поднимаемые на заседании вопросы тогда не были предметом непосредственной озабоченности РПЦ.

«Христиане не могут оставаться разделенными в своем свидетельстве», – говорится в «Совместном свидетельстве и прозелитизме» (*Common Witness* 1971: 12). Однако эта задача, понятная в теории, оказывается совсем не простой на практике. Одновременно в документе звучало предупреждение, что из отношений между разными христианскими организациями должен быть полностью исключен дух конкуренции, и христианские общины не должны искать более привилегированного положения или более сильной позиции с целью привлечения новых членов из другой христианской общины (*Common Witness* 1971: 18). В этом документе прозелитизм определяется весьма расплывчато как «непозволительное отношение и поведение в практике христианского свидетельства» (*Common Witness* 1971: 11). Далее, правда, несколько уточняется, что прозелитизм включает все, что нарушает право человека, христианина или нехристианина, быть свободным от внешнего принуждения в религиозных вопросах и что в провозглашении Благой вести не соответствует данной Богом свободе человека служить Ему верой и правдой (*Common Witness* 1971: 11). В документе также подчеркивается необходимость уважать право другого на религиозную свободу и не компрометировать прогресс в экуменическом движении (*Common Witness* 1971: 15).

В то же время документ призывал христиан, принадлежащих к разным церквям, объединять усилия во многих областях социального служения, например, в защите прав человека и религиозной свободы, борьбе за экономическую, общественную и расовую справедливость, поддержание мира, противодействие алкоголизму, проституции, распространению наркотической зависимости, оказание содействия медицине и образованию, помощи жертвам стихийных бедствий и пр. (*Common Witness* 1971: 12).

В церковной жизни приветствовались совместные богослужения, когда церкви молятся друг за друга (*Common Witness* 1971: 13). Одновременно в документе сохранилось и предупреждение о том, что церкви должны осознавать не только свою общность в понимании Евангелия, но и свои различия (*Common Witness* 1971: 13).

Все христианские церкви верят, что Иисусом Христом была основана одна единая церковь, которая получила Евангелие, обращенное ко всем людям. В то же время многие церкви зачастую только себя считают истинными носительницами учения Христова. В документе совершенно справедливо утверждается, что «такое разделение церквей сильно уменьшает возможности совместного свидетельства» (*Common Witness* 1971: 13). Следует добавить, что подобные представления церквей делают весьма вероятной озабоченность по поводу прозелитизма со стороны одной церкви, когда другая церковь ведет миссионерскую деятельность среди ее последователей.

На рубеже 1980–1990-х годов религия стала восстанавливать позиции в российском обществе. Одной из характерных черт религиозной ситуации начала 1990-х годов было резкое увеличение религиозного многообразия. Этому способствовали как настроения в обществе, открывавшегося тогда всему новому, так и правовой фон. Закон «О свободе вероисповеданий» (*Закон Российской* 1990), принятый в 1990 г., давал практически неограниченную религиозную свободу. Среди прочего он предоставлял возможность открыто исповедовать религиозные верования, распространять религиозные идеи и менять религиозную принадлежность. Также, хотя в России не было традиции рассматривать религию как личное дело человека (в дореволюционный период религия была частью государственной идеологии, в советский период она рассматривалась как враждебная идеология, но по-прежнему никак не личное дело человека), философия этого закона базировалась на идеях индивидуального религиозного выбора, государственного нейтралитета по отношению ко всем религиозным организациям и так называемой приватизации религии (термин, широко распространенный в западной историографии и означающий представление о религии как о личном деле человека). Такая философия закона снижала связь конфессии и этничности (которая исторически была сильной в России) и ставила все религиозные организации в равные позиции. В результате в начале 1990-х годов наблюдался мощный приток в Россию различных новых для нее конфессий, и интенсивная миссионерская деятельность многих западных христианских организаций. Среди прочих «новинок» 1990-х годов появилась проблема прозелитизма.

Поскольку традиционно в России большинство населения исповедовало православие или идентифицировало себя с ним, правда, в советский период многие отошли от религии, один из главных вызовов, вставших в начале 1990-х годов перед РПЦ, был связан с рехристианизацией традиционно православного населения. Однако в осуществлении этой задачи РПЦ оказалась не единственным действовавшим лицом. В России в это время действовали многие западные евангелические протестантские организации, активизировались и католики (РКЦ). Новый вызов заключался в том, чтобы найти верный баланс между свободой исповедовать и проповедовать и воздержанием от навязывания верований и религиозных практик. Эта ситуация в 1990-е годы стала новой для России, оторванной на несколько десятилетий от миссионерства, но она не была принципиально новой, и с ней сталкивались во многих странах и ранее. Тем не менее, разные религиозные организации по-прежнему имели несовпадающие представления о рамках и границах евангелизации и миссионерской деятельности.

В начале 1990-х годов РПЦ была обеспокоена появлением в России многих новых религиозных организаций и возникновением условий для соперничества и конкуренции. Нет сомнений, что РПЦ не ожидала подобного соперничества: иерархи Церкви принимали непосредственное и активное участие в разработке либераль-

ного закона 1990 г. «О свободе вероисповеданий» и не пытались привнести в закон какие-либо ограничения. Возникшее в начале 1990-х годов соперничество в деле рехристианизации населения РПЦ сочла неправомерным и несправедливым и вынесла на повестку дня проблему прозелитизма. При первом соприкосновении с конкурентами РПЦ заняла оборонительную позицию. Вообще, как свидетельствуют дискуссии и документы предшествовавших десятилетий, признание самого факта соперничества и конкуренции вызывало озабоченность в межхристианском диалоге.

Защищаясь от прозелитизма в 1990-е годы, РПЦ сначала обратилась к экуменическим чувствам христианских конфессий, подчеркивая, что экуменизм и прозелитизм несовместимы, поскольку конкуренция подрывает экуменический диалог, так как означает отсутствие уважения к нормам другой церкви (*Кирилл, митрополит* 1999: 36).

Действительно, экуменические организации не могли проигнорировать обсуждение прозелитизма в его противопоставлении миссионерству. Миссионерство присуще самой природе Церкви и всегда составляло главнейшую обязанность христиан, поскольку это исполнение заповеди Господа Его ученикам: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча соблюдать их все, что Я повелел вам» (*Мф.* 28: 19–20). В ситуации, когда христианская церковь разделена, но одновременно существует экуменическое движение, неизбежно встает вопрос о том, кого в наше время можно считать допустимыми объектами миссионерской деятельности христианских религиозных организаций: всех, атеистов и агностиков, нехристиан, всех номинальных христиан или номинальных христиан той же конфессиональной традиции, что и миссионеры. Другая важная, но чрезвычайно сложная задача – где и как провести границу между допустимой миссионерской деятельностью и недопустимым прозелитизмом.

Озабоченность по поводу совместимости миссионерской активности с духом экуменизма, проявленная в 1990-е годы РПЦ, выражалась не впервые. В частности, она содержалась в цитировавшемся в начале статьи документе 1970 г. «Совместное свидетельство и прозелитизм». Там говорилось: «Миссионерское действие должно проводиться в экуменическом духе, предполагающем приоритетность несения Евангелия нехристианам. Миссионерское старание одной церкви на территории или в среде, где другая церковь уже работает, зависит от честного ответа на вопрос: Каково качество христианского послания, провозглашенного уже действующей церковью, и в каком духе оно провозглашено и живет? Здесь в высшей степени желательна откровенная дискуссия между вовлеченными церквями с целью достижения ясного понимания миссионерских и экуменических убеждений друг друга и с надеждой, что это поможет определить возможности сотрудничества, совместного свидетельства, братской помощи или полного прекращения участия» (*Common Witness* 1971: 17–18).

Как раз такой откровенной дискуссии и не получилось в начале 1990-х годов. Экуменический диалог не был особенно плодотворным в тот период. РПЦ стала противостоять деятельности западных христианских организаций, и в церкви нарастали изоляционистские тенденции. Тем не менее, и тогда делались попытки обсуждения прозелитизма путем межконфессионального диалога. В 1992 г. Совместная рабочая группа между ВСЦ (куда, как уже отмечалось, входит и РПЦ) и РКЦ пришла к тревожному выводу, что прозелитизм стал реальностью, которая заставляет церкви искать решение, и начала работу над выработкой нового документа о прозелитизме. В результате в 1995 г. после многочисленных консультаций и дискуссий появился

документ «Вызов прозелитизма и призыв к совместному свидетельству» (*The Challenge* 1996: 212–221). Документ призывал к диалогу с теми религиозными организациями, которые обвинялись в прозелитизме для того, чтобы ликвидировать недоверие, подозрение, непонимание и способствовать более тесному сотрудничеству в деле евангелизации (*The Challenge* 1996: 212). Еще одной целью этого документа было избежать соперничества в миссии (*The Challenge* 1996: 213). В этом документе прозелитизм понимался как «сознательные усилия с намерением заполучить членов другой церкви» (*The Challenge* 1996: 213). Фактически в документе косвенно признавалось, что объектами христианского миссионерства не могут быть члены другой христианской церкви.

Дебаты о прозелитизме в 1990-е годы осложнялись тем, что РПЦ и ее конкуренты использовали разные критерии для разграничения приемлемой миссионерской деятельности и неприемлемого прозелитизма. По мнению евангелических протестантов, любой человек, являющийся лишь «номинальным» христианином, даже если этот человек был ранее крещен, может рассматриваться в качестве законного объекта евангелизации в любом регионе мира независимо от того, действует ли там другая христианская церковь. И такой регион будет считаться «законным миссионерским полем» (*Witte* 1999: 21). Католики, определяя рамки миссионерской деятельности, делали упор на представление о вселенском характере своей церкви.

РПЦ подчеркивала, что она согласна с тем, что каждый верующий должен достичь личного контакта с Богом (на чем настаивали евангелические протестанты). Но при этом она указывала, что этот контакт развивается и упрочивается через таинства, церковные службы и т.п. Вместе с тем, РПЦ напоминала, что большинство жителей России, которую она считает своей канонической территорией, находятся под ее духовным окормлением, поскольку они или, по крайней мере, их родители были крещены в Православной Церкви. Таким образом, с точки зрения РПЦ, Россия не может быть открытым полем для миссионерской деятельности других деноминаций. Как разъяснял Патриарх Московский и всея Руси Алексей II на Архиерейском Соборе 1997 г., РПЦ рассматривает любую миссионерскую деятельность деструктивной, если она направлена на лиц, крещенных в православии или связанных с православием исторически (*Доклад Святейшего* 1997а). Такую позицию Церковь базировала на словах Апостола Павла: «Я старался благовествовать не там, где уже было известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании» (*Римлянам* 15: 20). Таким образом, то, что евангелические протестанты рассматривали как законную и даже полезную миссионерскую деятельность, в глазах РПЦ представлялось недопустимым прозелитизмом.

Впрочем, подобные разногласия по поводу пределов допустимого и недопустимого случались и прежде. На такие коллизии обращалось внимание еще в «Совместном свидетельстве и прозелитизме». Там, в частности, говорилось, что трения между церквями бывает трудно преодолеть, поскольку то, что делается одной церковью с позиций ее теологических и экклезиологических убеждений, порой воспринимается другой как имплицитный прозелитизм (*Common Witness* 1971: 18). Именно так и случилось в России в 1990-е годы. В том же самом документе предлагалось избегать подобных трений путем непосредственного диалога между вовлеченными церквями и уважительно относиться к праву членов этих церквей на свободный религиозный выбор. На практике это оказалось очень сложной задачей. Межхристианский диа-

лог в России в 1990-е годы был весьма ограниченным. В принятом как раз в этот период «Вызове прозелитизма и призыве к совместному свидетельству» церквям напоминалось, что для эффективной миссионерской работы необходимо осознавать, что различия между церквями – это реальность, и корни этой реальности уходят в теологические традиции и разные географические, исторические и культурные контексты (*The Challenge* 1996: 214).

В обоснование своей позиции по прозелитизму постоянным аргументом РПЦ было положение о канонической территории. Оно базируется как на теологических основаниях православного учения, так и на тесной связи между религиозной принадлежностью и гражданской и этнической идентичностью. Как отмечал Патриарх (тогда еще митрополит) Кирилл, «Каноническое предание неразделенной Церкви сформулировало очень важный принцип: в одном городе – один епископ, то есть в одном городе, или говоря шире, в одном месте – одна Церковь» (*Православие и инославие* 2001).

В 1990-е годы, настаивая на недопустимости миссионерского соревнования в России, РПЦ обращалась не только к теологическим аргументам, но и к этническим чувствам своих реальных или потенциальных последователей. В отличие от начала 1990-х годов, когда люди были готовы к экспериментам и открыты восприятию всего нового, во второй половине 1990-х годов озабоченность РПЦ большинством населения была встречена более благосклонно. К середине 1990-х годов произошли существенные изменения в менталитете значительной части населения России, и эйфория по поводу западных ценностей, характерная для начала 1990-х годов, заметно убавилась (*Филатов* 2002: 471–472). В религиозной сфере это проявилось в большем интересе к православию и другим традиционным конфессиям. Также исторически типичная для России взаимосвязь этнической и религиозной идентичностей, несколько ослабевшая в начале 1990-х годов, вновь усилилась. Это означало, что связывая себя с РПЦ (или с какой-то из других традиционных для страны конфессий), люди часто выражали не только (или не столько) свое религиозное мировоззрение, сколько этническое и гражданское самосознание.

К середине 1990-х годов позиция РПЦ становится более активной: Церковь противопоставляет свою миссионерскую деятельность тому, что она считает инославным прозелитизмом. Архиерейский Собор 1994 г. принял определение «О православной миссии в современном мире». Вскоре после этого был создан Миссионерский отдел Московского Патриархата, поставивший цель оторванному от культурной среды прозелитизму противопоставить миссию, связанную с культурой и традициями народов, среди которых велась и ведется проповедь (*Иоанн (Попов)* 1996: 71). В 1995 г. была принята «Концепция возрождения миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» (*Концепция возрождения* 1999: 11–16). В документе подчеркивалось, что миссия присуща самой природе Церкви и всегда составляла главнейшую обязанность церковных людей (*Концепция возрождения* 1999: 11–12). В этой Концепции Церковь сформулировала формы и методы своей миссионерской деятельности в условиях вызовов современного общества. Инославный прозелитизм перечислялся среди таких вызовов. С 1996 г. с целью координации и интенсификации миссионерской деятельности РПЦ стала регулярно проводить Всеправославные миссионерские съезды.

В конце 1990-х годов изменились и юридические основания для ведения миссионерства. Принятый в 1997 г. Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (*Российская Федерация* 1997) подчеркивал тесную связь между

религиозной жизнью и историей и традиционной культурой страны, усиливал позиции религиозных организаций, издавна существовавших в России, и ограничивал возможности для зарубежных миссий.

Из-за тесной связи между религиозной и этнической идентичностями РПЦ в конце 1990-х годов предпочитала сотрудничать с «традиционными религиями» страны (именно в тот период так стали обозначать православие, ислам, буддизм и иудаизм). Что же касается отношений РПЦ с западными христианскими деноминациями, то они в конце 1990-х годов – начале 2000-х годов зачастую были довольно сложными. Основное препятствие для их улучшений РПЦ видела в проблеме прозелитизма. Однако даже в тот период РПЦ не прекратила свое участие в экуменическом межхристианском диалоге. И даже для 1990-х годов, омраченных озабоченностью по поводу прозелитизма, было характерно не только соперничество на миссионерском поле, но и сотрудничество. Так, экуменически настроенные христианские организации оказывали финансовую помощь приходам, монастырям, школам и издательствам РПЦ (Федоров 1999: 387–388).

Во второй половине 1990-х годов такие миссионерские мероприятия, как массовые протестантские богослужения на стадионах и в концертных залах, ушли в прошлое. Протестантская миссионерская активность стала менее интенсивной и больше концентрировалась на местном уровне. Существенно изменилась и география иностранного миссионерства в России. Если в начале 1990-х годов многие миссии были сосредоточены в крупнейших городах России, то во второй половине 1990-х годов явно обозначилась новая тенденция: посылать миссионеров в отдаленные районы с более слабой инфраструктурой РПЦ (Доклад Святейшего 1997: 61). К этому времени протестантские миссионеры достигли наибольших успехов в Сибири и на Дальнем Востоке. В общественном дискурсе, отражавшем межконфессиональные отношения конца 1990-х годов, термин «прозелитизм» стал особенно часто связываться с дебатами между РПЦ и РКЦ по поводу деятельности католиков в России. Конфессии, сильно различающиеся своими учениями, оказались более изолированными друг от друга в сферах своей деятельности, в то время как достаточно близкие (православие и католицизм) оказались в большем соперничестве. Номинальному православному (т.е. человеку невоцерковленному, но ассоциирующему себя с православием) легче обратиться в католицизм, чем в деноминацию, более далекую по вероучению, тем более что мотивы обращения в католицизм у номинальных православных часто были скорее общественного и культурного свойства, чем религиозного и теологического. Это может служить объяснением самого факта озабоченности со стороны РПЦ в ситуации, когда доля последователей этих двух церквей в России просто несопоставима: 60–80% православных и приблизительно 1% католиков. Отношение между РПЦ и РКЦ несли и груз проблем и противоречий из прошлого.

В спорах о миссионерстве и прозелитизме РПЦ, как и прежде, опиралась на тезис о канонической территории, а также на представление, что католицизм в России – это религия лишь определенных этнических групп.

Католическая сторона в этих дебатах обращалась к идее универсализма, обосновывая таким образом католическое присутствие и католическую миссионерскую работу повсеместно в мире (Католичество в России 2003). Католическая церковь подчеркивала, что она против прозелитизма, понимаемого как переманивание верующих из одной деноминации в другую с использованием недостойных средств, но в то же время напоминала, что в соответствии с миссионерской природой Христианской церк-

ви каждый христианин должен быть миссионером. Православный верующий должен нести православное свидетельство, а католик – католическое (Католичество в России 2003). РПЦ усматривала в таких заявлениях попытки обоснования католической миссионерской деятельности на территории России и расценивала это как прозелитизм. Что же касается католического свидетельства в России, то мнение РПЦ было следующим: «Римско-Католическая Церковь, как и другие Церкви, призвана благовествовать о Христе, однако ее миссия должна быть направлена на тех, кто в силу своих национально-культурных корней принадлежит к традиционно католической пастве, а не на людей, имеющих православные корни и тем более крещенных в Православной Церкви» (*Доклад Святейшего* 1997: 59). Здесь мы опять сталкиваемся с отсутствием у церквей единого мнения о рамках миссионерской деятельности и, в частности, о том, кто может рассматриваться законным объектом евангелизации.

В конце 1990 годов – начале 2000-х годов и РПЦ, и РКЦ неоднократно заявляли, что они стремятся к христианскому единству и осуждают прозелитизм, понимаемый как давление на совесть. В то же время проблема прозелитизма оставалась камнем преткновения в их отношениях и, как и раньше, усугублялась различным пониманием рамок допустимой миссионерской деятельности и неодинаковым толкованием термина «прозелитизм». На рубеже XX и XXI веков напряжение в отношениях между двумя церквями усилилось и достигло пика в 2002 г., когда РКЦ реорганизовала свою структуру на территории России, создав четыре епархии, которые были объединены в церковную провинцию. РПЦ обратила внимание на то, что никогда ранее на территории России не существовало католической провинции и интерпретировала эту реорганизацию как форму прозелитизма. На протяжении последующих лет обеспокоенность по поводу прозелитизма оставалась главным препятствием для потепления отношений между РПЦ и РКЦ (Подробнее об этом см.: Казьмина 2009: 230–245).

Однако с 2006 г. меняется риторика выступлений, смещаются акценты, и отношения между РПЦ и РКЦ начинают улучшаться. Церкви теперь стараются подчеркивать общность позиций по социальным проблемам, вопросам морали и делу миротворчества, а не обсуждать разногласия, связанные с прозелитизмом.

Одновременно возрастает миссионерская активность РПЦ. В 2007 г. Священный Синод РПЦ принял «Концепцию миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» (*Концепция миссионерской* 2007). В июне 2008 г. этот документ был одобрен Архиерейским Собором РПЦ, в Определении которого указывалось, что главным объектом миссии РПЦ считаются люди, которые принадлежат к православию по крещению, по семейной или национальной традиции, но нуждаются в просвещении, воцерковлении и возгревании духовной жизни (Определение Освященного 2008). В документе также подчеркивалось, что Церковь делает различие между миссионерской деятельностью и прозелитизмом, который в Концепции 2007 г. определяется следующим образом: «Под прозелитизмом принято подразумевать любую прямую или косвенную попытку воздействовать на религиозность человека другого вероисповедания с целью склонения к вероотступничеству через какую-либо “приманку”, путем обмана или утаивания правды, использование неопытности и незнания личности, нужды и т.п. Прозелитизм отличается от миссионерства нарушением духовно-нравственных законов и норм, в том числе свободы человеческой воли» (Определение Освященного 2008). Таким образом, подчеркивается, что в случае прозелитизма смена религиозной принадлежности происходит не в результате свободного выбора, а путем неких ухищрений.

Определение прозелитизма, данное РПЦ в Концепции, в целом близко к определениям этого феномена, которые давались другими христианскими деноминациями. В большинстве дефиниций подчеркивается, что одно из главных различий между миссионерством и прозелитизмом заключается в том, что миссионерство основывается на убеждении, а прозелитизм обычно не обходится без психологического давления (Földesi 1999: 151). ВСЦ еще в 1961 г. определил прозелитизм как деятельность, искажающую христианское свидетельство и использующую в скрытой или явной форме обман, подкуп, чрезмерное давление или унижение с целью обращения в свою конфессию (Koshy 1992: 79). В 1980 г. в документе «Совместное свидетельство», изданном Совместной рабочей группой РКЦ и ВСЦ, прозелитизм также квалифицируется как «недостойный способ свидетельства» (Common Witness 1980: 24). Там подчеркивается, что прозелитизм нарушает «право человека, христианина или нехристианина, быть свободным от любого типа физического принуждения, морального стеснения или психологического давления, которые могут лишить человека или общину свободы суждения и ответственного выбора» (Common Witness 1980: 24–25). Таким образом, во всех этих определениях говорится о недопустимых методах обращения, которые превращают миссионерство в прозелитизм, но ничего не говорится о том, кого можно считать законным объектом миссионерства той или иной церкви. На деле же обвинения в прозелитизме часто возникают именно тогда, когда церковь стремится оградить свою реальную или номинальную паству от миссионерства другой церкви.

Как заявлялось еще в «Совместном свидетельстве и прозелитизме», свидетельство, в отличие от прозелитизма, «уважает свободную волю и достоинство тех, к кому оно обращается вне зависимости от того, хотят ли они принять или отвергнуть веру» (Common Witness 1971: 16). Любая эксплуатация нужды или слабости или недостаточного образования тех, кому свидетельство дается с целью склонения их к принятию христианства, считается неприемлемой (Common Witness 1971: 16). Документ «Вызов прозелитизма и призыв к совместному свидетельству» предупреждает, что прозелитическая деятельность может быть очевидной или неявной. Миссионеры могут иметь благие намерения, но не учитывать реалии других церквей, и тогда их деятельность превращается в предосудительный прозелитизм. В документе говорится о недопустимости несправедливых или непочтительных высказываний об учении и практике другой церкви, сравнения двух христианских деноминаций с подчеркиванием достижений и идеалов одной и слабостей и проблем другой, любого вида физического насилия, морального принуждения и психологического давления, использования политической, общественной или экономической власти как средства для приобретения новых членов своей церкви, явного или скрытого предложения образования, медицинской помощи или материальных ресурсов с намерением обращения в свою веру, манипуляций и эксплуатации нужды человека, слабости или недостатка образованности особенно в ситуациях беды, неуважения свободы и достоинства человека (The Challenge 1996: 216).

И православные, и католические, и протестантские теологи разделяют взгляд на прозелитизм как на евангелизацию, при которой используются недостойные и недопустимые методы по отношению к тем, среди которых ведется проповедь, и не уважается свобода человека (Karkainen 2000: 283). В то же время, православные теологи воспринимают католические и протестантские заявления о праве каждой

церкви на евангелизацию как оправдание соревновательной деятельности, которая нарушает христианский идеал единой Церкви (*Vassiliadis* 1998: 45). Взамен предлагается представление о евхаристическом сообществе, в котором право на публичную проповедь уравнивалось бы правом на ограждение своей веры от чужой проповеди (*Prodromou* 2008: 275).

К середине 2000-х годов, когда РПЦ активизировала диалог с западными христианскими деноминациями и участвовала в совместных с католиками и протестантами действиях по отстаиванию христианских ценностей в секуляризованном мире, стало более активным и ее участие в межконфессиональном диалоге по вопросам миссионерской деятельности. В 2006 г. РКЦ и ВСЦ начали совместный проект по выработке единого кодекса поведения в противоречивой сфере обращения из одной конфессии в другую (*Vatican and WCC* 2010), в 2007 г. к ним присоединился и Всемирный евангелический альянс. В рамках этого проекта было проведено несколько межконфессиональных консультаций и конференций, результатом которых стала разработка кодекса поведения при обращении в свою веру, а в 2011 г. был принят документ «Христианское свидетельство в многорелигиозном мире» (*WEA, WCC* 2011).

Другой характерной особенностью современной ситуации стало то, что в межхристианских отношениях, в которых участвует и РПЦ, первостепенное внимание обращается не на расхождения по проблеме прозелитизма, а на общность позиций в деле миротворчества, разрешения социальных проблем, солидарность в отстаивании традиционных христианских ценностей, сохранении христианской морали и духовности. Таким образом, РПЦ отказалась от былого изоляционизма и стала подчеркивать необходимость совместных действий с католиками и частью протестантов (как правило, речь идет о протестантских организациях, стоящих на довольно консервативных позициях).

В 2009 г. во время визита архиепископа (ныне митрополита) Илариона (Алфеева), председателя Отдела внешнецерковных связей Московского Патриархата, в Рим и его встречи с папой Римским Бенедиктом XVI тема прозелитизма не поднималась. Напротив, обсуждались важность несения христианского свидетельства, защиты традиционных ценностей в секуляризованном мире, совместных действия в области культуры и образования.

В докладе на Архиерейском совещании 2010 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, анализируя современное состояние православно-католических отношений также не упомянул проблему прозелитизма. Наоборот, он отметил, что в диалоге между РПЦ и РКЦ наметился целый ряд позитивных тенденций, и подчеркнул, что взгляды двух церквей по многим вопросам, таким, в частности, как секуляризация, глобализация, нормы морали, совпадают (*Доклад Святейшего* 2010).

Примечательно, что в этот же период РПЦ активизировала свою миссионерскую деятельность за рубежом (в том числе и в странах с преобладанием католического населения, как, например, Филиппины) и открыла новые приходы в ряде неправославных стран.

Одновременно РПЦ стала давать более сдержанные оценки миссионерской деятельности западных христиан в России, которая велась в 1990-е годы. Если раньше обычно протестанты вообще назывались среди соперников в миссионерстве, теперь обозначения стали более дифференцированными. Подчеркивается, что в агрессивном прозелитизме участвовали в основном наиболее фундаменталистские, неохаризматические и псевдо-протестантские организации. Признается также, что даже в 1990-е

годы Русская Православная Церковь поддерживала конструктивные отношения с рядом протестантских организаций в ВСЦ. Как сказал в 2010 г. в одном интервью заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата игумен Филипп (Рябых), в 1990-е годы РПЦ осуществляла совместные социальные программы с протестантскими организациями в ВСЦ, а направлявшаяся в Россию гуманитарная помощь этих организаций шла через РПЦ (*Ответы заместителя* 2010).

Из проделанного анализа видно, что позиции РПЦ касательно угрозы прозелитизма с течением времени существенно менялись, а сама тема прозелитизма уходила на задний план по мере упрочения положения РПЦ и ее активизации в деле миссионерства. Можно сделать вывод, что в России проблема прозелитизма была связана с переходным периодом и с новизной сложившейся в 1990-е годы религиозной ситуации. В начале 1990-х годов РПЦ заняла оборонительную позицию и старалась убедить своих соперников воздержаться от прозелитизма. Позже она приступила к разработке конструктивных механизмов своей собственной миссионерской деятельности, чтобы таким образом противостоять активности других религиозных организаций.

Когда РПЦ упрочила свои позиции и сама включилась в миссионерскую деятельность, в том числе за рубежом, изменилась и оценка потенциальной угрозы «чужого миссионерства», и проблема прозелитизма отступила на второй план. Тем не менее, российский пример совершенно явно демонстрирует, что произошло смягчение позиций сторон, изменение общего контекста, а вовсе не принципиальное решение проблемы прозелитизма. Эта проблема, очевидно, является неизбежным спутником миссионерской активности, которая в зависимости от общей ситуации то уходит в тень, то ярко сияет в отсветах пламени, разгорающегося временами на миссионерском поле. Эта проблема похожа на перманентное зло, которого церквям и верующим надо стремиться избегать. В относительно недавнем интервью аргентинскому еженедельнику «Viva» папа Римский Франциск выделил десять пунктов рецепта счастья, и одним из этих пунктов было: «Не заниматься прозелитизмом. Уважать верования других» (*In Recent Interview* 2014: 26).

В 1990-е годы проблема прозелитизма была болезненной не только в России, но и во многих странах Восточной Европы, где исторически доминирующие церкви защищались от очень активной деятельности новых для их стран религиозных организаций (См., например: *Papanikolaou* 2012: 49-51). Обвинения в прозелитизме слышатся и в других регионах, прежде всего там, где религия тесно связана с традиционной культурой. На миссионерском собрании одной американской евангелической организации мне довелось слышать рассказ миссионеров, работавших в Таиланде. Они, в частности, говорили, что, поскольку в Таиланде буддизм не просто доминирующая религия, а часть традиционной культуры в более широком смысле, христианским миссионерам надо быть очень деликатными и осторожными в своей работе, дабы не быть обвиненными в прозелитизме. Проблема прозелитизма требует поддержания постоянного и непредвзятого межконфессионального и межрелигиозного диалога, поскольку граница между миссионерством и прозелитизмом очень тонкая, трудноуловимая и обычно весьма контекстуальная.

Нужно также отметить, что не только межконфессиональный диалог, но и академический дискурс на тему миссионерства и прозелитизма осложнялся отсутствием единого общепринятого определения прозелитизма и четкого разграничения между понятиями «миссионерство» и «прозелитизм». Определения прозелитизма очень часто строятся

через оппозицию миссионерству, например, как «несправедливое миссионерство», «явление, противоположное миссии» (Цертицкая 2006: 41) или «агрессивные методы обращения в веру» (Raiser 1997: 8). Делались также попытки увязать определения миссии и прозелитизма соответственно с объединением и разделением (Иоанн (Попов) 1999: 55).

Неопределенность термина «прозелитизм» оставляет возможность для весьма широких трактовок этого явления в разных культурных и исторических контекстах. В России на споры о рамках миссионерской деятельности, евангелизации и прозелитизма влияли также исторически существующая тесная связь между этнической, гражданской и религиозной идентичностями, представление о традиционных конфессиях и восприятие религии прежде всего как части культурного наследия, а не только (или не столько) как личного дела. Однако несмотря на отсутствие общепринятого определения прозелитизма, можно все же выделить несколько подходов. Рассмотрим это на отдельных примерах.

Так, Тэд Станке отмечает, что прозелитизм – это «экспрессивное действие, предпринимаемое с целью попытки изменить религиозные верования, религиозную принадлежность и идентичность другого» (Stankhe 1999: 256). Он поясняет, что его определение подчеркивает намеренность действия и стремится избежать негативной коннотации (Stankhe 1999: 255). Вместе с тем он признает, что чрезвычайно трудно «найти правильный баланс между свободой прозелитизировать и множественными правами, обязанностями и интересами религиозных групп, отдельных людей и государства, которые могут входить в конфликт с этой свободой» (Stankhe 1999: 252).

Йохан ван дер Вайвер фактически вторит, указывая, что «право вести миссионерскую деятельность – возможно, самый противоречивый компонент религиозной свободы» (Van der Vyver 1999: 128). Фактически исследователи сходятся в том, что трудно определить рамки, за которыми начинается недопустимое.

Делались попытки провести границу между миссионерством и прозелитизмом с помощью инструментов международного права. Например, Натан Лернер настаивает на том, что «прозелитизм, использующий материальные приманки – деньги, подарки или привилегии – должен рассматриваться как форма принуждения и соответственно ограничиваться законом» (Lerner 2000: 117). Он также указывает, что непозволительный прозелитизм включает в себя такую миссионерскую деятельность, которая связана с наличием принуждения, материальных приманок и/или нарушением права на личную жизнь и может включать запугивание, подкуп, а в некоторых случаях даже насилие и психологическое воздействие (Lerner 1998: 483–551). По его мнению, незаконность прозелитизма вытекает из тех методов, которые используются при евангелизации. Кстати, Европейский суд по правам человека и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе проводят различие между правомерным и неправомерным прозелитизмом и поддерживают налагаемые государствами ограничения неправомерного прозелитизма (Prodromou 2008: 274).

Анализ литературы по теме приводит также к заключению, что проблема прозелитизма связана с разграничением зон ответственности. Это дополнительно свидетельствует о том, насколько трудно провести границу между приемлемой миссионерской деятельностью и неприемлемым прозелитизмом и подчеркивает необходимость межконфессионального диалога. Абсолютного критерия, который бы отличал миссионерство от прозелитизма, нет. Сесил Робек совершенно справедливо отмечает: «... то, что для одной группы евангелизация, для другой группы прозелитизм» (Robeck 1996: 2).

По его мнению, различие между двумя концептами будет зависеть от того, является данная группа субъектом или объектом подобной деятельности (Robeck 1996: 2).

Неопределенность и противоречивость самого термина «прозелитизм» ведет к разным интерпретациям феномена, стоящего за этим термином, и делает эти интерпретации ситуационными и контекстуальными. Проблема прозелитизма ставит вопросы об иерархии и взаимосвязи разных типов идентичности: гражданской идентичности, этнической идентичности, религиозных форм коллективной идентичности и индивидуальной религиозной идентичности. Эта проблема также поднимает вопросы о допустимых рамках и государственном регулировании религиозной деятельности, а соответственно, и о национальных религиозных законодательствах и их соответствии международным принципам в области религиозных прав человека и религиозной свободы. Возникает и другой непростой вопрос: включает ли принцип религиозной свободы не только право человека менять свою религиозную принадлежность, но и его право на ограждение от попыток воздействия на его религиозную принадлежность. Это также вопрос о том, каким образом религиозные организации, имеющие разные представления о миссионерской активности, должны обсуждать допустимые параметры миссионерской и катехизаторской деятельности.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что степень остроты проблемы прозелитизма не одинакова в разных регионах, разных культурных средах и в разные периоды. Обычно острые дебаты по поводу прозелитизма возникают в обществах, находящихся в состоянии перехода, когда происходит трансформация идентичностей, когда идут существенные изменения в религиозной сфере и когда местные религиозные организации не чувствуют себя в безопасности. Обычно эта проблема бывает более чувствительной в странах, где гражданская, этническая и религиозная идентичности тесно переплетены и где существует сильное представление о «национальной», «этнической», «традиционной» или «исторической» церкви или религии, если даже такая религиозная организация не имеет официального статуса государственной церкви. Также эта проблема более чувствительна в обществах, где коллективные культурные права представляются более значимыми, чем индивидуальные религиозные права, в обществах, где традиционно религия рассматривается скорее как неотъемлемая часть культуры и исторического наследия, чем как личное дело человека.

Литература

- Доклад Святейшего* 1997 – Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви. 18 февраля 1997 года. Ч. 11. Межконфессиональные и межрелигиозные отношения. Участие в деятельности международных христианских организаций // Журнал Московской Патриархии, 1997. № 3. С. 12–82.
- Доклад Святейшего* 1997а – Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Архиерейскому Собору в Москве. 18-23 февраля 1997 // Интернет ресурс: http://www.sedmitza.ru/index.html?sid=50&did=40&p_comment=&call_action=print1.
- Доклад Святейшего* 2010 – Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском совещании 2 февраля 2010 года // Интернет ресурс: <http://www.patriarchia.ru/db/text/106151.html>.
- Закон Российской* 1990 – Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики «О свободе вероисповеданий». Ведомости Съезда Народных Депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 25 октября 1990 г. № 21.

- Иоанн (Попов)* 1996 – *Иоанн (Попов)*, епископ Белгородский и Старооскольский, председатель Миссионерского отдела при Священном Синоде Русской Православной Церкви. Миссия Церкви в православном понимании: экклезиологические и канонические обоснования // Журнал Московской Патриархии, 1996. № 1. С. 70–77.
- Иоанн (Попов)* 1999 – *Иоанн (Попов)*, архиепископ. Взаимоотношения в миссии и искаженное понимание миссии Церкви как фактор конфронтации в обществе // Православная миссия сегодня: Сборник текстов по курсу «Миссиология» / сост. прот. Владимир Федоров. СПб.: Апостольский город, 1999. С. 51–56.
- Казьмина* 2009 – *Казьмина О.Е.* Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России: этноконфессиональная составляющая проблемы. М.: Изд-во Московского университета, 2009.
- Католичество в России* 2003 – Католичество в России. Субкультура или контркультура? Круглый стол в редакции Интернет-портала «Религия и СМИ». 23 декабря 2003 г. // Интернет ресурс: <http://www.religare.ru/analitics7799.html>.
- Кирилл, митрополит* 1999 – *Кирилл, митрополит* Смоленский и Калининградский. Благовестие и культура. Доклад на Всемирной миссионерской конференции (Сальвадор, Бразилия, 24 ноября – 3 декабря 1996 г.). Печатается по изд.: Церковь и время. 1998. № 1 (4). С. 15–34 // Православная миссия сегодня. Сб. текстов по курсу «Миссиология» / Сост. прот. Владимир Федоров. СПб.: Апостольский город, 1999. С. 23–39.
- Концепция возрождения* 1999 – Концепция возрождения миссионерской деятельности Русской Православной Церкви // Православная миссия сегодня. Сборник текстов по курсу «Миссиология» / сост. прот. Владимир Федоров. СПб.: Апостольский город, 1999. С. 11–16.
- Концепция миссионерской* 2007 – Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви // Интернет ресурс: <http://www.patriarchia.ru/db/text/220902.html>.
- Определение Освященного* 2008 – Определение Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви» // Интернет ресурс: <http://www.mospat.ru/center.php?page=41632&newwin=1&prn=1>.
- Ответы заместителя* 2010 – Ответы заместителя председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата игумен Филипп (Рябых) на вопросы корреспондента агентства «Благовест-инфо» 26 июня 2010 г. // Интернет ресурс: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1187607.html>.
- Православие и инославие* 2001 – Православие и инославие – продолжающийся диалог. Ответы председателя Отдела внешних церковных связей митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на вопросы участников Интернет-конференции портала «Лютеранство в России» // Интернет ресурс: www.mospat.ru/text/publications/id/7575/html.
- Российская Федерация* 1997 – Российская Федерация. Федеральный Закон о свободе совести и о религиозных объединениях от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ. Принят Государственной Думой 19 сентября 1997 года. Одобрен Советом Федерации 24 сентября 1997 года. Подписан Президентом РФ 26 сентября 1997 г. Вступил в силу 1 октября 1997 г. // Российская газета. 1997, 1 окт.
- Федоров* 1999 – *Федоров Владимир (протоиерей)*. Православная миссиология на пороге третьего тысячелетия // Православная миссия сегодня. Сборник текстов по курсу «Миссиология» / Сост. прот. Владимир Федоров. СПб.: Апостольский город, 1999. С. 211–216.
- Филатов* 2002 – *Филатов С.Б.* Послесловие. Религия в постсоветской России // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России. М.; СПб.: Летний сад, 2002. С. 470–484.
- Церпицкая* 2006 – *Церпицкая О.Л.* Взаимодействие Русской Православной Церкви и российского государства в мировом сообществе. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006.

- The Challenge* 1996 – The Challenge of Proselytism and the Calling to Common Witness. A Study Document of the Joint Working Group // *The Ecumenical Review*, 1996. Vol. 48. Issue 2. Pp. 212–221.
- Common Witness* 1971 – Common Witness and Proselytism. A Study Document // *The Ecumenical Review*, 1971. Vol. 23. Issue 1. Pp. 11–21.
- Common Witness 1980 – Common Witness. A Study Document of the Joint Working Group of the Roman Catholic Church and the World Council of Churches. Geneva: World Council of Churches, 1980.
- Földesi* 1996 – *Földesi Tamas*. The Main Problems of Religious Freedom in Eastern Europe // *Religious Human Rights in Global Perspective. Legal Perspectives* / Ed. by J.D. van der Vyver and J. Witte, Jr. The Hague, Boston, L.: Martinus Nijhoff Publishers, 1996. Pp. 243–262.
- In Recent Interview* 2014 – In Recent Interview, Pope Francis Reveals Top 10 Secrets to Happiness // *The Georgia Bulletin*. The Newspaper of the Catholic Archdiocese of Atlanta. 2014. Aug. 7.
- Karkkainen* 2000 – *Karkkainen, Veli-Matti*. Proselytism and Church Relations: Theological Issues Facing Older and Younger Churches // *The Ecumenical Review* Vol. 52. July 2000. Pp. 279–285.
- Koshy* 1992 – *Koshy Nina*. Religions Freedom in a Changing World. Geneva: WCC Publications, 1992.
- Lerner* 2008 – *Lerner Natan*. Proselytism, Change of Religion and International Human Rights // *Emory International Law Review*. 1998. Vol. 12. P. 483–551. Цит. по: Prodromou, Elizabeth H. International Religious Freedom and the Challenge of Proselytism // *Thinking Through Faith: New Perspectives from Orthodox Christian Scholars*. Edited by Aristotle Papanikolaou, Elizabeth H. Prodromou. Crestwood (NY), 2008.
- Lerner* 2000 – *Lerner Natan*. Religion, Beliefs, and International Human Rights. Maryknoll, NY: Orbis Books, 2000.
- Papanikolaou* 2012 – *Papanikolaou Aristotle*. The Mystical as Political. Democracy and Non-Radical Orthodoxy. Notre Dame (Indiana, USA): University of Notre Dame Press, 2012.
- Prodromou* 2008 – *Prodromou Elizabeth. H.* International Religious Freedom and the Challenge of Proselytism // *Thinking Through Faith: New Perspectives from Orthodox Christian Scholars*. Edited by Aristotle Papanikolaou, Elizabeth H. Prodromou. Crestwood (NY), 2008. Pp. 274–291.
- Raiser* 1997 – *Raiser, Konrad*. To be the Church. Challenges and Hopes for a New Millennium. Geneva: WCC Publications, 1997.
- Robeck* 1996 – *Robeck, Cecil M., Jr.* Mission and the Issue of Proselytism // *International Bulletin of Missionary Research*. 1996. No 20. Pp. 2–8.
- Stankhe* 1999 – *Stankhe, Tad*. Proselytism and the Freedom to Change Religion in International Human Rights Law // *Brigham Young University Law Review*. 1999. Pp. 251–350.
- Van der Vyver* 2000 – *Van der Vyver, Johan D.* Religious Freedom in African Constitutions // *Proselytization and Communal Self-Determination in Africa*. Edited by Abdullahi An-Na'im. Maryknoll, NY: Orbis Books, 1999. Pp. 109–143.
- Vassiliadis* 1998 – *Vassiliadis, Petros*. Mission and Proselytism: An Orthodox Understanding // *Eucharist and Witness: Orthodox Perspectives on the Unity and Mission of the Church*. Geneva, 1998. Pp. 43–55.
- Vatican and WCC* 2010 – Vatican and WCC to Pursue Common Code of Conduct on Religious Conversion // Internet resource: <http://www2.wcc-coe.org/pressreleases.nsf/index/pr-06-12.html>.
- WEA, WCC* 2011 – WEA, WCC and Vatican Launch Historic Joint Document on Ethics of Christian Mission // Internet resource: <http://www.worldea.org/index.php/news/3578>.
- Witte* 1999 – *Witte John, Jr.* Introduction // *Proselytism and Orthodoxy in Russia. The New War for Souls*. Edited by John Witte, Jr. and Michael Bourdeaux. Maryknoll (NY): Orbis Books, 1999. Pp. 1–27.

References

- Doklad Sviateishego Patriarkha Moskovskogo i vseia Rusi Aleksii II na Arkhiereiskom Sobore Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 18 fevralia 1997 goda. Chast' 11. Mezkhkonnessional'nye i mezhreligioznye otnosheniia. Uchastie v deiatel'nosti mezhdunarodnykh khristianskikh organizatsii // Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii. 1997. No. 3. Pp. 1282.
- Doklad Sviateishego Patriarkha Moskovskogo i vseia Rusi Arkhiereiskomu Soboru v Moskve. 18-23 fevralia 1997 // Internet resurs: http://www.sedmitza.ru/index.html?sid=50&did=40&p_comment=&call_action=print1.
- Doklad Sviateishego Patriarkha Kirilla na Arkhiereiskom soveshchani 2 fevralia 2010 goda // Internet resurs: <http://www.patriarchia.ru/db/text/106151.html>.
- Zakon Rossiiskoi Sovetskoi Federativnoi Sotsialisticheskoi Respubliki "O svobode veroispovedanii". Vedomosti S"ezda Narodnykh Deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR. 25 oktiabria 1990 g. No. 21.
- Ioann (Popov)*, episkop Belgorodskii i Starooskol'skii, predsedatel' Missionerskogo otdela pri Sviashchennom Sinode Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. Missiia Tserkvi v pravoslavnom ponimanii: ekkleziologicheskie i kanonicheskie obosnovaniia // Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii, 1996. No. 1. Pp. 70–77.
- Ioann (Popov)*, arkhiepiskop. Vzaimootnosheniia v missii i iskazhennoe ponimanie missii Tserkvi kak faktor konfrontatsii v obshchestve // Pravoslavnaia missiia segodnia: Sbornik tekstov po kursu "Missiologiia" / Sost. prot. Vladimir Fedorov. Saint Petersburg: Apostol'skii gorod, 1999. Pp. 51–56.
- Kaz'mina O.E.* Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i novaia religioznaia situatsiia v Rossii: etnokonnessional'naia sostavliaiushchaia problema. Moscow: Izd-vo Moskovskogo univer-siteta, 2009.
- Katolichestvo v Rossii. Subkul'tura ili kontrkul'tura? Kruglyi stol v redaktsii Internet-portala "Religiia i SMI". 23 dekabria 2003 g. // Internet resurs: <http://www.religare.ru/analitics7799.html>.
- Kirill, mitropolit* Smolenskii i Kaliningradskii. Blagovestie i kul'tura. Doklad na Vsemirnoi missionerskoi konferentsii (Sal'vador, Braziliia, 24 noiabria – 3 dekabria 1996 year) (pechataetsia po izd.: Tserkov' i vremia. 1998. No. 1 (4). Pp. 15–34) // Pravoslavnaia missiia segodnia. Sb. tekstov po kursu "Missiologiia" / Sost. prot. Vladimir Fedorov. Saint Petersburg: Apostol'skii gorod, 1999. Pp. 23–39.
- Kontseptsiiia vozrozhdeniia missionerskoi deiatel'nosti Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi // Pravoslavnaia missiia segodnia. Sbornik tekstov po kursu "Missiologiia" / Sost. prot. Vladimir Fedorov. Saint Petersburg: Apostol'skii gorod, 1999. Pp. 11–16.
- Kontseptsiiia missionerskoi deiatel'nosti Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi // Internet resurs: <http://www.patriarchia.ru/db/text/220902.html>.
- Opredelenie Osviashchennogo Arkhiereiskogo Sobora Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi "O voprosakh vnutrennei zhizni i vneshnei deiatel'nosti Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi" // Internet resurs: <http://www.mospat.ru/center.php?page=41632&newwin=1&prn=1>.
- Otveti zamestitelia predsedatel'ia Otdela vneshnikh tserkovnykh sviazei Moskovskogo Patriarkhata igumen Filipp (Riabykh) na voprosy korrespondenta agentstva "Blagovest-info" 26 iunია 2010 g. // Internet resurs: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1187607.html>.
- Pravoslavie i inoslavie – prodolzhaishchiisja dialog. Otveti predsedatel'ia Otdela vneshnikh tserkovnykh sviazei mitropolita Smolenskogo i Kaliningradskogo Kirilla na voprosy uchastnikov Internet-konferentsii portala "Liuteranstvo v Rossii" // Internet resurs: : www.mospat.ru/text/publications/id/7575/html.
- Rossiiskaia Federatsiia. Federal'nyi Zakon o svobode sovesti i o religioznykh ob"edineniiakh ot 26 sentiabria 1997 year. No. 125-FZ. Priniat Gosudarstvennoi Dumoi 19 sentiabria 1997 year. Odobren Sovetom Federatsii 24 sentiabria 1997 year. Podpisan Prezidentom RF 26 sentiabria 1997 year Vstupil v silu 1 oktiabria 1997 year // Rossiiskaia gazeta, 1997.1 okt.

- Fedorov Vladimir (protoierei)*. Pravoslavnaia missiologiia na poroge tret'ego tysiacheletiiia // Pravoslavnaia missiia segodnia. Sbornik tekstov po kursu "Missiologiia" / Sost. prot. Vladimir Fedorov. Saint Petersburg: Apostol'skii gorod, 1999. Pp. 211–216.
- Filatov S.B.* Posleslovie. Religiiia v postsovetsoi Rossii // Religiiia i obshchestvo: Ocherki religioznoi zhizni sovremennoi Rossii. Moscow; Saint Petersburg: Letnii sad, 2002. Pp. 470–484.
- Tserpitskaia O.L.* Vzaimodeistvie Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi i rossiiskogo gosudarstva v mirovom soobshchestve Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006.
- The Challenge of Proselytism and the Calling to Common Witness. A Study Document of the Joint Working Group // The Ecumenical Review. 1996. Vol. 48. Issue 2. P. 212–221.
- Common Witness and Proselytism. A Study Document // The Ecumenical Review. 1971. Vol. 23. Issue 1. Pp. 11–21.
- Common Witness. A Study Document of the Joint Working Group of the Roman Catholic Church and the World Council of Churches. Geneva: World Council of Churches, 1980.
- Földesi 1996 – Földesi Tamas*. The Main Problems of Religious Freedom in Eastern Europe // Religious Human Rights in Global Perspective. Legal Perspectives / Ed. by J.D. van der Vyver and J. Witte, Jr. The Hague, Boston, L.: Martinus Nijhoff Publishers, 1996. Pp. 243–262.
- In Recent Interview 2014* – In Recent Interview, Pope Francis Reveals Top 10 Secrets to Happiness // The Georgia Bulletin. The Newspaper of the Catholic Archdiocese of Atlanta. 2014. Aug. 7.
- Karkkainen, Veli-Matti*. Proselytism and Church Relations: Theological Issues Facing Older and Younger Churches // The Ecumenical Review Vol. 52. July 2000. Pp. 279–285.
- Koshy, Nina*. Religions Freedom in a Changing World. Geneva: WCC Publications, 1992.
- Lerner, Natan*. Proselytism, Change of Religion and International Human Rights // Emory International Law Review. 1998. Vol. 12. P. 483–551. Цит. по: Prodromou, Elizabeth H. International Religious Freedom and the Challenge of Proselytism // Thinking Through Faith: New Perspectives from Orthodox Christian Scholars. Edited by Aristotle Papanikolaou, Elizabeth H. Prodromou. Crestwood (NY), 2008.
- Lerner, Natan*. Religion, Beliefs, and International Human Rights. Maryknoll, NY: Orbis Books, 2000.
- Papanikolaou, Aristotle*. The Mystical as Political. Democracy and Non-Radical Orthodoxy. Notre Dame (Indiana, USA): University of Notre Dame Press, 2012.
- Prodromou Elizabeth .H.* International Religious Freedom and the Challenge of Proselytism // Thinking Through Faith: New Perspectives from Orthodox Christian Scholars. Edited by Aristotle Papanikolaou, Elizabeth H. Prodromou. Crestwood (NY), 2008. Pp. 274–291.
- Raiser, Konrad*. To be the Church. Challenges and Hopes for a New Millennium. Geneva: WCC Publications, 1997.
- Robeck, Cecil M., Jr*. Mission and the Issue of Proselytism // International Bulletin of Missionary Research. 1996. No 20. Pp. 2–8.
- Stankhe, Tad*. Proselytism and the Freedom to Change Religion in International Human Rights Law // Brigham Young University Law Review. 1999. Pp. 251–350.
- Van der Vyver, Johan D.* Religious Freedom in African Constitutions // Proselytization and Communal Self-Determination in Africa. Edited by Abdullahi An-Na'im. Maryknoll, NY: Orbis Books, 1999. Pp. 109–143.
- Vassiliadis, Petros*. Mission and Proselytism: An Orthodox Understanding // Eucharist and Witness: Orthodox Perspectives on the Unity and Mission of the Church. Geneva, 1998. Pp. 43–55.
- Vatican and WCC to Pursue Common Code of Conduct on Religious Conversion // Internet resource: <http://www2.wcc-coe.org/pressreleases.nsf/index/pr-06-12.html>.
- WEA, WCC and Vatican Launch Historic Joint Document on Ethics of Christian Mission // Internet resource: <http://www.worlddea.org/index.php/news/3578>.
- Witte John, Jr*. Introduction // Proselytism and Orthodoxy in Russia. The New War for Souls. Edited by John Witte, Jr. and Michael Bourdeaux. Maryknoll (NY): Orbis Books, 1999. Pp. 1–27.

O.Ye. Kazmina The missionary and proselytism as the categories of religious discourse and academic analysis.

The article provides the analysis of the notions «missionary» and «proselytism» and of the views of the churches on the border between these notions. More than once during the second part of the 20th century Christian organizations negotiated the issue of the common witness in the situation when Christianity is divided and the necessity to avoid the evidence of proselytism in it. In Russia this topic became relevant in 1990s, and it sharpened the questions about the limits of admissible in missionary, about the attitudes in the society towards the change by a person of his/her religious or denominational affiliation, about the hierarchy and interconnection of collective cultural identities.

Key Words: *Missionary, proselytism, Christianity, Russia, conversion, interfaith dialogue, identity.*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

УДК 94(47)

© Е.Л. Кауганов

ДЕБАТЫ ВАЛЬЗЕРА-БУБИСА О ЗНАЧЕНИИ ХОЛОКОСТА
ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГЕРМАНИИ

Предметом статьи является анализ одной из ключевых дискуссий 1990-х годов о немецкой культуре памяти и национальной идентичности – «дебатов Вальзера-Бубиса». Автор рассматривает предпосылки дебатов, осуществляет их хронологическую и содержательную реконструкцию, освещает позиции ее основных участников. Изучается рецепция дебатов в немецком обществе, оценивается их влияние на рефлексию национальной идентичности послевоенной Германии.

Ключевые слова: Германия, национальная идентичность, культура памяти, Холокост

Сегодня в Германии, как и в Европе в целом, наблюдается оживление правоэкстремистской идеологии, все большее число людей проявляет симпатии к националистическим партиям и движениям, интегральным элементом которых зачастую выступает исторический ревизионизм и оправдание фашистских режимов. Угроза усиления правоэкстремизма тем более велика, что Евросоюз все чаще сталкивается с серьезными внутренними проблемами, в частности, в отношении своей иммиграционной политики и концепции мультикультурализма. В связи с этим, для анализа и прогнозирования расистских, ксенофобских и националистических тенденций возникает необходимость понимания специфики правоэкстремистской идеологии и природы тех фобий, на которые она опирается. Следует заметить, что пример Германии обладает в данном случае особой наглядностью, учитывая тяжелейшее историческое наследие, доставшееся немцам от нацизма и катастрофической по своим последствиям войны.

Не будет преувеличением сказать, что проблема оценки нацистского прошлого была актуальной для Германии на всех этапах ее послевоенной истории и остается таковой до сих пор. Рефлексия преступного прошлого, отраженная в многочисленных дебатах и дискуссиях, достигла в Германии своего апогея в 1990-е годы. Этот период характеризовался существенным повышением роли общественных и государственных актов поминовения жертв нацистской диктатуры 1933–1945 гг. Общественная репрезентация памяти о нацистском прошлом, ее актуализация и интенсификация стали главной темой дебатов, стоявших особняком в Германии 1990-х годов и напрямую связанных с рефлексией послевоенной немецкой национальной идентичности – так называемых «дебатов Вальзера-Бубиса» 1998 г. Впрочем, спор, спровоцированный немецким писателем и драматургом Мартином Вальзером, имел

в качестве своей предпосылки не только общую названную тенденцию, но и более конкретный повод, а именно проект памятника жертвам Холокоста в Берлине. Прежде чем речь пойдет о «дебатах Вальзера-Бубиса», следует подробнее остановиться на истории создания данного мемориала.

Идея памятника жертвам Холокоста восходит к 1988–1989 гг. 30 августа 1989 года немецкая журналистка еврейского происхождения Леа Рош выступила в прессе с предложением о создании в центре Берлина монументального памятника еврейским жертвам нацизма. Идея была поддержана немецким историком, профессором Штутгартского университета Эберхардом Йеккелем. Рош и Йеккель обратились к общественности, сенату Берлина, правительствам земель и к федеральному правительству. Проект получил поддержку бывшего канцлера ФРГ Вилли Брандта, писателя Гюнтера Грасса и писательницы Кристи Вольф (*Kattago* 2001: 141–142). В ноябре 1992 года правительство Берлина заявило о готовности взять на себя половину затрат на строительство памятника, другая половина средств должна была поступать от частных спонсоров. В июне 1999 года Бундестаг большинством голосов принял решение о строительстве памятника, который представляет собой поле площадью около 19 тысяч квадратных километров из более чем 2700 серых плит. Памятник расположен в самом сердце Берлина, в непосредственной близости от Бранденбургских ворот, что должно символически подчеркивать центральное значение Холокоста для коллективной памяти немцев. Строительные работы начались в 2000 г., и пять лет спустя, 10 мая 2005 года, мемориал памяти убитым евреям Европы был, наконец, открыт.

Несмотря на широкую общественную поддержку проекта, некоторые немецкие интеллектуалы отнеслись к идее памятника критически. Наиболее значительным и авторитетным из критиков памятника стал крупнейший немецкий писатель и драматург Мартин Вальзер. В своей речи по случаю присуждения ему Премии мира немецких книготорговцев 11 октября 1998 года во франкфуртской Паульскирхе Вальзер высказался о памятнике убитым евреям Европы как о «монументализации позора» и «кошмаре величиной с футбольное поле». Память немцев об Освенциме была охарактеризована Вальзером как «моральная дубина» и «длительная демонстрация немецкого позора» (*Walser* 1998). Речь писателя, встреченная овациями примерно тысячи присутствовавших слушателей, спровоцировала в ФРГ громкий скандал. Занимавший в то время пост главы Центрального совета евреев ФРГ Игнац Бубис отреагировал на речь Вальзера обвинением в «духовном поджигательстве». Разгоревшиеся вскоре после речи Вальзера дебаты стали главной темой в немецких СМИ в течение всего 1998 г. Спор вызвал большой резонанс в обществе, побудив к активному участию в дебатах не только представителей интеллектуальной элиты ФРГ, но и многих крупных политиков, в том числе президента ФРГ Романа Херцога, его предшественника Рихарда фон Вайцзеккера и израильского посла в Германии Ави Примора.

Объясняя свою позицию, Вальзер сказал, что «каждому известно наше историческое бремя, наш неизбежный позор, не проходит ни дня, чтобы нам о нем не рассказывали» (*Ibid*). «Ни на каком другом языке нельзя было бы так говорить о народе, о населении, об обществе. Так можно говорить только о немцах» (*Ibid*), – сетовал писатель. По словам Вальзера, те, кто занимается в ФРГ «морализаторством о Холокосте», испытывают чувство превосходства по отношению к своим согражданам, и эта «морализирующая память» используется некоторыми лицами или группами людей для того, чтобы «унизить немцев или провести какие-либо политические решения» (*Ibid*).

Вальзер продолжил: «Если СМИ ежедневно указывают мне на это прошлое, я замечаю, что нечто во мне противится этой длительной демонстрации нашего позора. Вместо того чтобы быть благодарным за эту непрестанную демонстрацию нашего позора, я начинаю намеренно отводить взгляд. Я мог бы понять, почему в это десятилетие прошлое демонстрируется как никогда прежде. Когда я замечаю, что во мне нечто противится, я пытаюсь проверить мотивы этого упрека в нашем позоре, и я почти рад, когда, как мне кажется, я выясняю, что чаще всего мотивом является не память <...>, но инструментализация нашего позора для текущих целей» (Ibid).

Примером такой инструментализации в недавнем прошлом была, по словам Вальзера, защита идеи разделенной Германии: «Разделение Германии <...> оправдывалось задающими тон интеллектуалами как заслуженное наказание за Освенцим» (Ibid). Таким образом, ответственность за немецкий «негативный национализм», по Вальзеру, несут «интеллектуалы и СМИ» (Ibid). Общественная память, акцентированная на Холокосте, по словам писателя, являлась искусственной и надуманной: «Освенцим не подходит для того, чтобы быть программой, основанной на угрозе, средством запугивания в любой момент, или моральной дубиной, или только обязательным уроком» (Ibid).

В целом, Вальзер попытался донести до своих слушателей и в принципе до всех немцев идею о том, что память о Холокосте должна стать частным делом конкретных людей, и что под «длительной демонстрацией немецкого позора» следует подвести «финальную черту». Кредо писателя заключалось в том, что память о Холокосте должна окончательно перейти в частную сферу, и от публичных ритуалов воспоминания о нацистском прошлом Германии следует отказаться.

Характерно, что в речи Вальзера не было проявлено ни малейшей чувствительности к нацистскому прошлому, никакого критического анализа немецкой истории и никакой эмпатии к жертвам нацизма. Вместо этого Вальзер жестко осудил «порицание Холокостом» в ФРГ как направленное против всего немецкого народа. Очевидно, что за репликами Вальзера стояло недвусмысленное стремление к «нормализации» немецкой национальной идентичности и исторического самосознания посредством избавления от коллективной памяти о преступлениях нацизма. Как отмечает исследователь дебатов Т. Йеккер, тезисы Вальзера, в сущности, представляли собой «объявление войны самокритичному подходу к немецкому прошлому» (Jaecker 2003). Реакция несогласных с данной позицией не заставила себя ждать.

9 ноября 1998 года Игнац Бубис, выступая в синагоге еврейской общины Берлина в шестидесятую годовщину антиеврейских погромов 1938 г., сказал, что речь Вальзера представляет собой попытку «вытеснить историю и упразднить память», а сам писатель дал возможность неонацистам, антисемитам и ревизионистам опереться на его авторитет (Bubis 1998). Особенно Бубиса возмутило то, что Вальзер говорил о «позоре немцев», но при этом не сказал ни слова о преступлениях нацистского режима (Ibid). По словам Бубиса, Вальзер выступил за «культуру игнорирования и мысленного дистанцирования», которая была характерна для немцев при нацизме. Формулировку Вальзера об «инструментализации Освенцима в политических целях» Бубис расценил как правоэкстремистскую по своему смыслу: «Такие люди, как председатель Немецкого народного союза¹ Герхард Фрай <...> выражаются таким же образом. Это духовное поджигательство» (Ibid). Критикуя метафору Вальзера «Освенцим – моральная дубина», Бубис сказал, что «из Освенцима можно, нужно и необходимо учиться морали» (Ibid).

Что касается слов Вальзера о том, что памятник представляет собой «монументализацию позора», то Холокост, по словам Бубиса, был монументален по своим масштабам, и не становится им только благодаря памятнику (Ibid). Бубис также остро отреагировал на требование Вальзера о праве немецкого общества на «нормальность». Эта «нормальность» сопряжена не с чем иным, как с вытеснением памяти о Холокосте и опасностью оживления антисемитских и расистских настроений (Ibid). В заключение своей речи Бубис процитировал фрагмент из Талмуда: «Тайна спасения – в памяти», и еще раз подчеркнул важность непреходящей памяти о прошлом. Последними словами речи Бубиса были: «Мы несем перед жертвами ответственность не забывать их! Тот, кто забывает этих жертв, убивает их еще раз!» (Ibid).

В ответ на речь Бубиса Вальзер возразил, что тот его неверно понял. Вскоре позиции писателя были поддержаны мэром Гамбурга Клаусом фон Донаньи. В статье в «Frankfurter Allgemeine Zeitung» Донаньи писал, что речь Вальзера представляет собой «жалобу невинного с личной точки зрения немца, который ощущает себя в историческом заточении за преступления предшествующих поколений, которые он не совершал, но за которые он должен себя чувствовать ответственным» (Dohnanyi 1998). Далее Донаньи выдвинул бестактный аргумент в защиту Вальзера: Бубис не мог понять речь немецкого писателя, так как тот обращался к немцам, а не к немецким евреям (Ibid). Стремясь оправдать позиции Вальзера, Донаньи писал: «Еврейским гражданам Германии тоже стоило бы спросить самих себя, поступили ли бы они более храбро, чем большинство немцев, если бы после 1933 г. в концлагеря депортировали только гомосексуалистов, цыган и людей с ограниченными способностями» (Ibid). Важно отметить, что в контексте «дебатов Вальзера-Бубиса» позиция и участие Донаньи имели особое значение: большую роль в данном случае играло то обстоятельство, что политик был сыном известного борца антигитлеровского Сопротивления Ганса фон Донаньи, казненного нацистами в 1944 г.

Аргумент Вальзера о необходимости переместить акцент с общественной памяти о Холокосте на личную нашел, хотя и с определенными оговорками, поддержку среди некоторых участников дебатов в СМИ. Так, журналист Штефан Райнеке писал в газете «Der Freitag»: «Действительно, немецкая индустрия памяти вызывает дискомфорт. В нашей стране давно считается хорошим тоном показывать владение корректными формулами памяти о нацистских преступлениях <...>. Тем самым участие в общественном ритуале становится позой. Это следует подвергнуть критике» (Reinecke 1998). В свою очередь, член Центрального совета евреев Германии Саломон Корн, напротив, усмотрел в упреке «инструментализации Холокоста» угрозу того, что он сам может «легко стать инструментом избавления от истории» (Korn 1998). «Действительная или мнимая инструментализация не может быть поводом для обоснования избавления от нацистского прошлого» (Ibid), – заключал Корн. Критически оценил позиции Вальзера известный немецкий правозащитник, лютеранский богослов Фридрих Шорлеммер. В своей статье в «Frankfurter Allgemeine Zeitung» 18 октября 1998 года Шорлеммер писал, что Вальзер пытается расправиться с «воображаемыми» врагами. «Мы не должны перекладывать на выживших евреев обязанность выразить протест против подобных фраз» (Schorlemmer 1998), – призывал пастор. Жестко осудил речь и поведение Вальзера видный немецкий историк Ганс-Ульрих Велер, охарактеризовав их как «бездумный ресентимент» и «замаскированное объявление войны самокритичному воспоминанию о прошлом» (Wehler 1998).

14 декабря 1998 года в диалоге с Бубисом, опубликованном в «Frankfurter Allgemeine Zeitung» Вальзер заявил, что получил «тысячу писем» от своих читателей со словами поддержки (Bubis et al. 1998). Во многих письмах якобы говорилось, что немцы чувствуют себя «обвиняемыми» в собственной стране, и что официальная власть не заботится об их оправдании. Как и в своей скандальной речи, в диалоге с Бубисом Вальзер не проявил никакой эмпатии и чувства такта к евреям как жертвам нацизма. Вальзер по-прежнему отстаивал свою исходную позицию: Холокост не должен быть темой масс-медиа, память о нацистском прошлом должна быть частным делом отдельно взятого человека (Ibid). Примечательна была реплика Вальзера по поводу нацистской антисемитской политики, которой он надменно обратился к Бубису, почти вся семья которого погибла в нацистских концлагерях: «Я должен Вам сказать, что я изучал эту проблему, когда Вы занимались совершенно другими проблемами. Вы обратились к этим проблемам позже, чем я» (Ibid). Затрагивая другую тему – расистских выходов в восточногерманском городе Росток в августе 1992 года², свидетельствовавших о том, что нацистская идеология до сих находит среди немцев приверженцев, – Вальзер сказал, что просто «не верит» в то, что было изложено в прессе, не желая уступать оппоненту и стремясь доказать «нормальность» современных немцев (Ibid). В этих и других репликах Вальзер настойчиво позиционировал немцев как «жертв культа Освенцима» и пытался оспорить, во-первых, необходимость памяти о нацизме, и, во-вторых, угрозу расизма и экстремизма в современной Германии.

К декабрю 1998 года «дебаты Вальзера-Бубиса» в целом подошли к концу. Главные оппоненты спора – Мартин Вальзер и Игнац Бубис – так и не сумели прийти к примирению, оставшись на своих прежних позициях. Оценивая дебаты ретроспективно, можно сказать, что среди подавляющего большинства участников консенсусом являлось убеждение, что Холокост должен и впредь оставаться общественной темой в Германии. Так, журналист газеты «Zeitung zum Sonntag» Андреас Эбель писал: «Если из Франкфуртской речи Вальзера следует, что Освенцим не должен быть общественной темой, тогда Вальзера следовало бы защитить от самого себя» (Ebel 1998). В свою очередь, «Frankfurter Allgemeine Zeitung» писала 15 декабря 1998 года: «Вальзер заносчив, упрям, бесстыден, труслив, невыносим, хладнокровен, бессовестен и бездуховен» (Schepers 2005: 64). Газета «Die Woche» также выступила против Вальзера 18 декабря 1998 года: «... и все-таки он поджигатель» (Ibid). Своеобразным резюме мнений большинства участников спора стало письмо читателя «Frankfurter Allgemeine Zeitung», в котором автор писал: «То, что «публичные акты совести» рассматриваются как сомнительные, и вопрос о вине переводится в личную сферу, является неверным выводом. Без постоянного общественного осознания чудовищного прошлого едва ли возможно его преодоление» (Ibid). В свою очередь, журналист «Die Zeit» Роберт Лейхт также подчеркивал необходимость коллективной ответственности немцев за свое прошлое (Leicht 1998).

Ретроспективно конфликт Мартина Вальзера и Игнаца Бубиса может быть назван одной из фундаментальных – наряду с дебатами о выставке «Преступления Вермахта» и «спором Гольдхагена»³ – дискуссий о немецком прошлом, прошедших в ФРГ в 1990-е годы. Глубокое значение дебатов заключалось в том, что они показали, что в Германии по-прежнему наблюдается динамичный плюрализм мнений и подходов к осмыслению нацистского прошлого и немецкой национальной идентичности. М. Вальзер, стремившийся говорить от лица всех немцев, отчетливо дал понять, что

не желает принимать еврейскую перспективу в понимании немецкой истории. Для писателя немцы являлись главными жертвами, которым навязывается «нечистая совесть», тогда как немецкий народ стремится к «нормальности» и освобождению от оков нацистского прошлого. Исходя из этого, Вальзер провозглашал необходимость «подведения финальной черты» под прошлым. При этом писатель настойчиво игнорировал тот факт, что отсутствие общественной памяти о Холокосте способно сыграть на руку правоэкстремистским группам и создать почву для исторического ревизионизма, что в итоге и произошло, когда цитаты Вальзера были впоследствии использованы неонацистскими немецкими газетами «National-Zeitung» и «Junge Freiheit». По оценке эксперта Дуйсбургского института лингвистических и социальных исследований Альфреда Шоберта, «Вальзер дал толчок к оживлению в общественном дискурсе антисемитских тенденций и предоставил им шанс проникнуть в сердце общества. Некоторые авторы, <...> ссылаясь на слова, фразы и аргументы Вальзера, воспроизводили общие места традиционного антисемитизма» (Schobert 1999: 27).

Обобщая, можно сказать, что значение «дебатов Вальзера-Бубиса» для Германии было двояко: во-первых, они в очередной раз продемонстрировали высокую релевантность в общественном дискурсе темы ответственности за прошлое спустя 53 года после завершения Второй мировой войны, и, во-вторых, стали проверкой немецкого консенсуса, сформированного в отношении нацистского прошлого до 1990 г., маркировав существенную маргинализацию немецкой «перспективы жертвы» и нарратива «подведения черты» под прошлым. В целом, «дебаты Вальзера-Бубиса» обозначили необходимость дальнейшего развития официальной культуры памяти как залога национальной идентичности послевоенной Германии.

Примечания

- ¹ Крайне правая партия в Германии, основана 5 марта 1987 г.
- ² 22–24 августа 1992 г. немецкие неонацисты организовали нападение на вьетнамских иммигрантов в пригороде Росток Лихтенхагене. Примерно 500 неонацистов штурмовали блочный многоэтажный дом, в котором проживали около 150 вьетнамцев, закидывая общежитие камнями и емкостями с зажигательной смесью.
- ³ Выставке «Война на уничтожение. Преступления Вермахта 1941–1944 гг.», экспонирующейся в ФРГ с 1995 г., на базе документальных свидетельств удалось полностью развеять расхожий послевоенный миф о «чистом», «незапятнанном» нацистскими преступлениями Вермахте. Аналогичным образом, опубликованное в 1996 г. исследование американского историка Д. Гольдхагена «Добровольные исполнители Гитлера. Обычные немцы и Холокост» подвергло радикальному пересмотру роль среднестатистических немцев в осуществлении нацистских злодеяний. Общественные дискуссии по поводу выставки о Вермахте и книги Гольдхагена стали одними из наиболее продолжительных и напряженных за всю историю ФРГ.

Литература (references)

- Bubis et al. 1998 – Bubis Ignatz, Korn Salomon, Schirrmacher Frank, Walser Martin. Wir brauchen eine neue Sprache für die Erinnerung // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 14.12.1998.
- Bubis 1998 – Bubis Ignatz. Wer von der Schande spricht. Eine Rede zum 9. November // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 10.11.1998.
- Dohnanyi 1998 – Dohnanyi Klaus. Eine Friedensrede // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 14.11.1998.
- Ebel 1998 – Ebel Martin. Unser Auschwitz // Zeitung zum Sonntag, 18.10.1998.
- Geschichte 2015 – Geschichte des Denkmals für die ermordeten Juden Europas // Stiftung Denkmal für die ermordeten Juden Europas // Internet resource: www.stiftung-denkmal.de.

- Jaeger* 2003 – *Jaeger* Tobias. Die Walser-Bubis-Debatte: Erinnern oder Vergessen? // haGalil, 24.10.2003 // Internet resource: www.hagalil.com.
- Kattago* 2001 – *Kattago* Siobhan. Ambiguous Memory. The Nazi Past and German National Identity. Westport: Praeger, 2001.
- Korn* 1998 – *Korn* Salomon. Es ist Zeit. Die andere Seite des Walser-Bubis-Streits // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 01.12.1998.
- Leicht* 1998 – *Leicht* Robert. Warum Walser irrt. Auch die Nachgeborenen haften für das Erbe von Auschwitz // Die Zeit, 03.12.1998.
- Reinecke* 1998 – *Reinecke* Stefan. Unbehagen. Gedenkkultur – Martin Walser und die Politik: eine Missverständniss // Der Freitag, 23.10.1998.
- Schepers* 2005 – *Schepers* Norbert. Einen Nerv getroffen. Debatten zum Umgang mit der NS-Vergangenheit in den neunziger Jahren in Deutschland. Berlin: Dietz Verlag, 2005.
- Schobert* 1999 – *Schobert* Alfred. Keine Mißverständnisse // Konkret, 1999. No. 2. Pp. 27.
- Schorlemmer* 1998 – *Schorlemmer* Friedrich. Leute über die man spricht // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 18.10.1998.
- Walser* 1998 – *Walser* Martin. Die Banalität des Guten. Erfahrungen beim Verfassen einer Sonntagsrede aus Anlass der Verleihung des Friedenspreises der Deutschen Buchhandels // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 12.10.1998.
- Wehler* 1998 – *Wehler* Hans-Ulrich. Kritisches Goldrähmchen // Berliner Zeitung, 12.12.1998.

E.L. Kaganov The «Walser-Bubis Debate» about the significance of Holocaust for the Germany national identity.

The subject of the article is analysis of one of the key discussions of the 1990s about German culture of memory and national identity – «the Walser-Bubis Debate». The author considers the background of the debates, carries out its chronological and substantial reconstruction, shows the positions of its main participants. The author examines the reception of the debate in German society, evaluates its impact on the reflection of post-war Germany's national identity.

Key words: Germany, national identity, culture of memory, Holocaust.

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

УДК 394.9, 392.72

© Д.Д. Тумаркин

КОНДОМИНИУМ ИЛИ ПАНДЕМОНИУМ? СОВЕТСКИЕ ЭТНОГРАФЫ НА ОСТРОВЕ ЭФАТЕ*

Часть II

В статье рассказывается о посещении в 1971 г. группой советских этнографов меланезийского острова Эфате (архипелаг Новые Гебриды). Рассмотрено соотношение традиционных и «западных» черт местной культуры, функционирование англо-французского кондоминиума на Новых Гебридах, развитие национально-освободительного движения, приведшего к возникновению в 1980 г. независимой Республики Вануату. Значительное внимание уделено встречам с художниками Н.Н. Мишутушкиным и А. Пилиоко, жившими на Эфате.

Ключевые слова: история и этнография Меланезии, остров Эфате, Мишутушкин и Пилиоко.

Полинезийцы в Меланезии

Как уже упоминалось, в деревне Меле и на островке Филадельфия жители говорят на полинезийском языке. Посетив Меле в первый день захода «Дмитрия Менделеева» в Вилу, я обратил внимание на то, что здесь более высокий уровень жизни, чем в меланезийских деревнях (домики европейского типа, автомобили, мотоциклы и т.д.). Такая особенность – прежде всего, следствие политики англо-французских колонизаторов. Эту полностью «замиренную» группу островитян во главе с покорными вождями, которые превратились в начальников, назначаемых властями, администрация кондоминиума использовала как свою опору. Из местных полинезийцев готовили полицейских для всех островов архипелага. Подростков с Меле и Филы посылали учиться в средние школы и колледжи французской Новой Каледонии и британских доминионов Новая Зеландия и Австралия, после чего они становились мелкими чиновниками в административном аппарате кондоминиума. Определенную роль сыграло и расположение Меле в предместье Вилы. Многие мужчины этой деревни работали в городе строителями, в порту, мелкими чиновниками, служащими частных предприятий и каждый вечер возвращались домой городским автобусом, другие (меньшинство) – на собственных автомашинах или мотоциклах. Помощник

Тумаркин Даниил Давыдович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник-консультант Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: dan.tumarkin@yandex.ru

* Первая часть статьи опубликована в № 1 (29) за 2015 г.

Хатчинсона Уолтер Туланги говорил мне, что живет в Меле. Обслуживание туристов, зачистивших в эту деревню, также подняло уровень жизни ее обитателей.

Члены этнографического отряда, прибывшие в Меле, подъехали, прежде всего, к жилищу деревенского вождя Питера Боилапу – сборному деревянному двухэтажному дому. На переговоры отправились наши «гранды» – Н.А. Бутинов и Б.Н. Путилов. Просторная приемная была обставлена европейской мебелью, но имела почему-то кафельный пол. На стене за письменным столом висели рядом два портрета: английской королевы Елизаветы и французского президента Помпиду. В жилые комнаты ученых не приглашали, а потому они не смогли узнать, какова там обстановка.

Питер – высокий тучный пожилой человек – держался с большим достоинством, был сдержан, сосредоточен, взвешивал каждое слово. Его костюм состоял из джинсов, белой нейлоновой рубашки и сандалий на босу ногу. Маленький подарок – пресловутую матрешку – он принял благосклонно. Эта русская народная игрушка, казалось, известная во всем мире, до Новых Гебрид еще не добралась. Когда ему показали, как она раскрывается и разбирается на части, он обрадовался, как ребенок, утратив на минуту свою невозмутимость.

Борис Николаевич, неплохо говоривший по-английски, рассказал вождю, что наш отряд хотел бы изучить в Меле. Питер долго молчал, а потом сказал примерно следующее: «Нашу деревню посещает много иностранцев, но русских я вижу впервые. К тому же вы не туристы, а ученые. Мне известно, что высадка русских на Эфате разрешена правительствами Англии и Франции. Поэтому мешать вам не буду. Но учтите: от наших старых обычаев мало что осталось. Можете находиться в Меле в светлое время суток. Помогать вам, а заодно присматривать за вами будет мой “говорящий вождь”¹ Тимоти Малану. Он скажет жителям, чтобы они разрешали фотографировать то, что вы пожелаете, заходить в их жилища, и не боялись отвечать на ваши вопросы».

Тимоти – веселый мужчина средних лет в шортах и рубашке с короткими рукавами. В отличие от других обитателей деревни, не употреблявших головные уборы и предпочитавших, находясь в Меле, ходить босиком, он щеголял в панаме и сандалиях. Тимоти окончил среднюю школу и свободно говорил по-английски. Он, прежде всего, сказал, что в деревне живет примерно 600 человек, из них около сотни (главным образом мужчины) работает в городе. Большинство замужних женщин – домохозяйки. Помимо домашних работ и ухода за детьми они трудятся в семейном саду и на огороде. Затем Тимоти показал нашим ученым достопримечательности Меле – женский клуб «Фатуроа холл» и еще один клуб, где показывают кинофильмы и молодежь танцует твист, рок-н-ролл и другие, модные на Западе танцы, медицинский пункт, три магазина и, конечно, полицейскую станцию, где познакомил с единственным местным полицейским. Об английской и французской церкви и начальных школах я уже упоминал, рассказывая о своем кратком посещении Меле.

Каждый ученый нашел работу по своей специальности. Для О.М. Павловского сыновья Тимоти поставили на улице под навесом стол и стул, соорудили экран из простыни, и он приступил к антропологическим измерениям и фотографированию. К нему выстроилась очередь. К сожалению, в отличие от аналогичных исследований в новогвинейской деревне Бонгу, результаты которых Олег Михайлович (ныне покойный) опубликовал вскоре после возвращения в Москву (*Павловский* 1972: 185–192; 1973: 118–126; 1975: 61–86), его наблюдения, сделанные на острове Эфате, в том числе материалы измерений и фотографирования в Меле, остались неопубликованными.

Тимоти привел Н.А. Бутинова, Н.М. Гиренко и М.В. Крюкова к Калмалапе Тьо – старейшему жителю деревни, знатоку древних обычаев. Старик знал только родной язык. Поэтому в беседе участвовал старший сын Тимоти, говоривший по-английски. С его помощью удалось выяснить, что традиционная социальная структура племени меле в своих основных чертах не отличалась от той, которая существовала на островах Западной Полинезии. Отвечая на вопросы Крюкова, Калмалапа подробно описал местную систему родства, которая тоже не отличалась от западно-полинезийской, обстоятельно разъяснил значение каждого термина.

Очень доволен был работой в Меле Б.Н. Путилов. «Я был почти каждый день, – вспоминает он, – гостем большого семейного ансамбля в деревне Меле на острове Эфате: мы сидели во дворе под навесом, и беспрерывное щебетание птиц вплеталось в голоса певцов». Этот семейный коллектив «оказался настоящим хранителем деревенских фольклорных традиций» (Путилов 1978: 165–166).

Когда стемнело, этнографы покинули Меле. По приказу вождя их отвезли в порт два местных автовладельца. Поздно вечером ученые проявили пленки и напечатали десятки фотографий, сделанных в этой деревне, и следующим утром, снова приехав в Меле, раздали эти снимки местным жителям. Фотографирование не было здесь редкостью, но островитян тронул этот поступок заморских гостей.

Стараниями англо-французской администрации и туристических компаний Меле была включена в перечень важнейших туристических объектов Тихоокеанского региона, хотя здесь осталось мало «туземной» экзотики, и превращена в своего рода музей под открытым небом, экспонатами которого стали не только вещи, но и люди. Поэтому второй день пребывания этнографов в этой деревне был в значительной мере посвящен изучению роли туризма в жизни ее обитателей. Каждый день в Меле приезжали автобусы с туристами, которые прибывали в Вилу на круизных судах или, прилетев самолетами, жили в городских гостиницах. Местные жители работали гидами или, переодевшись в традиционные наряды, были просто объектами для фото- и киносъемки, за что получали немалое вознаграждение. Дополнительным источником заработка было изготовление сувениров, копировавших образцы традиционной деревянной ритуальной скульптуры, утвари и оружия. Старик Калмалапа зарабатывал на жизнь, изготавливая для продажи туристам деревянные копья, украшенные изящной резьбой, или их наконечники. Н.А. Бутинов заметил группу женщин в традиционных нарядах, которые сидя на циновках, плели изящные корзинки на потребу туристам. В целом влияние туризма на жизнь обитателей Меле было двойственным. С одной стороны, благодаря ему, в урбанизированной деревне сохранялись некоторые элементы традиционных ремесел, а также старинные песни и пляски, ибо выступления фольклорных песенно-танцевальных коллективов устраивали как в Меле, так и в гостиницах Вилы. С другой стороны, упало уважение к культуре предков, так как ее использовали лишь как средство для добывания денег.

Особая программа была у И.М. Меликсетовой: она знакомилась с деятельностью церквей и миссионерских школ. Ирина Мануэловна подружилась с директрисой франкоязычной начальной школы мадам Мерло – парижанкой, приехавшей по контракту на три года на Эфате. Это была очень доброжелательная и энергичная дама средних лет, искренне стремившаяся помочь новогбридцам. Очень хорошее впечатление о ней осталось и у Н.А. Бутинова, который сопровождал Меликсетову, приглашенную в гости к Мерло.

Третий день работы этнографов в Меле пришелся на воскресенье. В этот день островитяне посещают церковь, а потом отдыхают. Деревенский вождь Питер Боилапу попросил приехавших ученых не проводить никаких исследований. «Мы немедленно покинули деревню, – вспоминает Николай Александрович, – и вышли на берег океана <...> В конце концов нам тоже не грех отдохнуть» (Бутинов 1975: 138). Этнографы расположились на пляже, а Б.Н. Путилов, как хороший пловец, решил поплавать в прибрежных водах. Но сопровождавшие их мальчишки начали кричать: «Шарк! Шарк!». Оказалось, что акулы нападали здесь даже на мелководье.

Борис Николаевич не упустил возможности записать детские песни. Он сумел заинтересовать мальчишек и, нарушив, запрет вождя, включил магнитофон. В полдень на берегу появилась группа юношей и девушек, некоторые – с *укулеле*. Они предпочли церковной службе прогулку по берегу залива, а псалмам и гимнам – веселые песни. Борис Николаевич с коллегами спели «Катюшу» и «Течет Волга», а молодежь ответила песнями из своего репертуара.

Не терял времени и М.В. Крюков. Накануне он познакомился с жителем Филы. Тот рассказал, что на этом островке, расположенном в заливе вблизи от Вилы, обитает около 200 человек, говорящих на том же языке, что и племя *меле*, и очень близких к нему по культуре. Этот островитянин пригласил Михаила Васильевича на свадьбу, которая должна была состояться на Филе в воскресенье. Вернувшись после свадьбы на «Дмитрий Менделеев», он коротко рассказал о своей поездке.

Обитатели Филы жили беднее, чем их соседи в Меле, так как почти не участвовали в туристическом бизнесе. Но на них распространялись привилегии, предоставленные властями кондоминиума жителям Меле. Многие мужчины, окончив средние школы, учительские или технические колледжи, работали в Виле и на других островах архипелага, а сын местного вождя Джон Кальсакау – выпускник Южнотихоокеанского университета в Суве – стал врачом и членом Консультативного совета при администрации кондоминиума. Его дочь показала гостю достопримечательности деревни – протестантскую церковь, площадь и общинный дом. Возле него стоял сигнальный щелевой барабан – большой выдолбленный ствол дерева. Барабан был увенчан не антропоморфным украшением, а старой стальной каской. Такая композиция о многом поведала этнографу.

Сигнальный барабан – важный компонент традиционной меланезийской культуры. Его присутствие на Филе свидетельствовало о культурном влиянии на полинезийских «колонистов» их меланезийского окружения. А каска – напоминание о Второй мировой войне, коснувшейся Новых Гебрид. К сожалению, Михаил Васильевич ничего не рассказал тогда о самой свадьбе и лишь упомянул о ней в своей книжке, посвященной одному из эпизодов экспедиции².

Мишутушкин и Пилиоко

Усадьба («ателье») Мишутушкина расположена примерно в 4 км от порта, в предместье Вилы, у кольцевого шоссе, опоясывающего остров, на берегу лагуны Эракор. На такси мы доехали за несколько минут. От шоссе усадьбу отделял стилизованный заборчик: несколько лодок-долбленок, установленных на распорки. У входа фанерная доска, прибитая к столбу. На ней надпись на английском и французском языках, извещающая о том, что здесь можно посмотреть произведения художников Мишутушкина и Пилиоко, а также предметы искусства народов Океании. Перед домом не-

большая лужайка, уставленная резными деревянными фигурами и щитами, а также подрамниками с готовыми и неоконченными картинами. Из дома, стилизованного снаружи под меланезийскую хижину, нам навстречу вышел Николай Николаевич Мишутушкин, извещенный о предстоящем визите французскими чиновниками. В этот день он был в черной футболке, черных брюках и сандалиях на босу ногу.

Художник прекрасно говорил по-русски, но выражался несколько старомодно — так, как говорили в России в начале XX века. Желая произвести впечатление, он уснащал свою речь пословицами и поговорками, но нередко их ненамеренно искажал. Так, приглашая на прием, который он решил устроить на следующий день в своем «ателье», Николай Николаевич сказал: «Будет не в тесноте, но в обиде». Мишутушкин пригласил осмотреть дом. В большом помещении с земляным полом, устланном галькой, кораллами и маленькими раковинами, царил полумрак, стояли свечи в подсвечниках, висели керосиновые лампы (тогда в усадьбу еще не было проведено электричество). Здесь размещались картины Мишутушкина, написанные преимущественно в постимпрессионистском стиле, а также рисунки и вышивки его друга и сподвижника Алая Пилиоко, с которым Николай Николаевич нас познакомил. За перегородкой — нечто вроде спальни. На полу лежал большой матрас, на нем — подушка и легкое одеяло. Отсюда лесенка вела на полати, где была рас-

Рис. 1. Алой Пилиоко с автором статьи возле «ателье» художников на берегу лагуны Эракор. Рядом мотоцикл, на котором Н.Н. Мишутушкин совершал поездки по острову. (фото В.Н. Басилова, личный архив автора).

Рис. 2. Познакомившись с Н.Н. Мишутушкиным, я сфотографировал художника рядом с его картиной (личный архив автора).

лумрак, стояли свечи в подсвечниках, висели керосиновые лампы (тогда в усадьбу еще не было проведено электричество). Здесь размещались картины Мишутушкина, написанные преимущественно в постимпрессионистском стиле, а также рисунки и вышивки его друга и сподвижника Алая Пилиоко, с которым Николай Николаевич нас познакомил. За перегородкой — нечто вроде спальни. На полу лежал большой матрас, на нем — подушка и легкое одеяло. Отсюда лесенка вела на полати, где была рас-

стелена циновка с деревянным подголовником, заменяющим подушку на многих островах Океании, и такое же, как внизу, одеяло. Мишутушкин пояснил, что внизу ночует он, а на полатах – Алой.

Французские чиновники и их жены, посетившие «Дмитрий Менделеев», улыбаясь, говорили, что Алой – подлинное сокровище: он не только талантливый самодеятельный художник, чьи произведения охотно покупают по более высокой цене, чем картины Мишутушкина, не только искусный повар и усердный садовод и огородник, но и «жена» Николая. Не стану комментировать это утверждение, которое слышал и от англичан. Но я обратил внимание на некоторую женственность Алая, его подчиненное положение в этом дуэте.

Пристройка к дому имела большие окна, через которые в помещение проникали солнечные лучи. Здесь размещалась часть этнографической коллекции, собранной Мишутушкиным на островах Океании. Как рассказал собиратель, большинство предметов, в том числе самые ценные, демонстрировались тогда на выставке в Швейцарии, некоторые вещи экспонировались в отелях на Таити и в Новой Каледонии.

Недалеко от дома стояла хижина с крышей из пальмовых листьев. В ней жила служанка-новогребидка. В тени от нескольких раскидистых казуарин, панданусов и кокосовых пальм располагалась, как сказал Мишутушкин, «кухня-столовая» – навес, под которым стоял большой стол со скамьями, а в углу – плита, соединенная с газовым баллоном. Рядом место для «уми» – земляной печи.

Алой с гордостью показал нам свое хозяйство – плодовые деревья, посадки бананов, огород, где он выращивал *таро*, *ямс* и другие овощи. По участку разгуливали стайка кур, возглавляемая петухом с яркими разноцветными перьями, индюки и индюшки. Свинину, говядину и молоко поставляли фермеры, жившие в предместье Вилы, а рыбу, креветок и крабов – обитатели деревни Панго, находящейся вблизи от усадьбы.

Удобно расположившись в «кухне-столовой» и утолив жажду кокосовым молоком, мы начали беседу с Мишутушкиным. Он очень осторожно высказывался о политической ситуации в кондоминиуме, но не скрыл, что, как франкофон, поддерживает тесные связи с французской администрацией. Николай Николаевич рассказал много интересного о народах Новых Гебрид, так как побывал почти на всех островах архипелага. По его словам, во внутренних районах некоторых гористых островов обитают племена, во многом сохранившие традиционный жизненный уклад, которые практически неподконтрольны колониальным властям.

Вытащив из дорожной сумки магнитофон, я попросил Мишутушкина рассказать историю его жизни. Он охотно согласился и в течение часа бойко, без запинки излагал свою биографию, подробно останавливаясь на контактах, как он выражался, с «россиянами». К сожалению, при подготовке статьи я не смог отыскать кассету с этой записью. Но, пока он говорил, я на всякий случай записывал его рассказ в полевой дневник, а потому могу кратко изложить его содержание³.

Николай Николаевич – мой ровесник. Он родился в 1928 г. в небольшом французском городе Бельфор в семье эмигрантов. Его отец – казачий подполковник – после разгрома Белой армии навсегда покинул Россию и осел в Бельфоре, где женился на эмигрантке, которая в годы гражданской войны была медсестрой. Бравый подполковник многие годы работал в Бельфоре на машиностроительном заводе. Николай окончил гимназию, а потом лицей, в котором училось много потомков русских эмигрантов. Уже тогда у под-

ростка появился интерес к изобразительному искусству, он начал брать уроки рисования у местного художника. Для продолжения образования Николай перебрался в Париж. По настоянию родителей, желавших, чтобы сын избрал «надежную» профессию, он поступил в Высшую экономическую школу, которую окончил в 1953 г., но одновременно учился в художественной студии на Монпарнасе. В том же году Николай Николаевич отправился, по его выражению, «автостопом, пароходостопом и аэростопом» в путешествие по странам Ближнего и Среднего Востока, а потом Южной и Юго-Восточной Азии. Повсюду он знакомился с памятниками культуры и народными обычаями, так как у него проснулся интерес к этнографии. В эти годы он много писал и рисовал. Но гонорары за газетные статьи и доходы от продажи картин не покрывали его потребностей, а потому он брался за любую работу.

Как французский гражданин, Мишутушкин в 1957–1959 гг. проходил военную службу на Новой Каледонии – одной из «заморских территорий» Франции – в качестве секретаря верховного комиссара (губернатора) этой колонии, в которую кроме самой Новой Каледонии, входило несколько небольших островов.

Новая Каледония, аннексированная Францией в 1853 г., получила известность как место каторги и ссылки французских коммунаров, а к концу XIX века стала ведущим поставщиком никелевой руды на мировой рынок.

Пребывание на Новой Каледонии сыграло большую роль в жизни Мишутушкина: здесь он был очарован богатой традиционной культурой народов океанийского островного мира, начал собирать этнографические коллекции по этому региону, встретился с Алоем, установил контакты с советскими учеными.

В 1958 г. в город Нумеа – административный центр Новой Каледонии – зашло научно-исследовательское судно «Витязь», на котором сотрудники Института океанологии и других институтов АН СССР совершали регулярные рейсы по Тихому океану. В экспедиции участвовали несколько известных ученых, в том числе, академик-биолог Е.М. Кребс и академик-востоковед А.А. Губер⁴. На приеме в честь советских ученых Николай Николаевич – как единственный человек в Нумее, знавший русский язык, – выступал в роли переводчика губернатора.

Встречи с советскими учеными и моряками продолжились после того, как Мишутушкин обосновался на острове Эфате. В 1968 г. он познакомился и подружился с известным океанологом профессором МГУ О.И. Мамаевым, который посетил Вилу на научно-исследовательском судне «Профессор Дерюгин». Через Мамаева он по-

Рис. 3. Алой на рынке в городе Вила (Pilioko s.a.: 17).

слал в дар МАЭ большую *тану* (раскрашенную лубяную материю) с полинезийского острова Футуна. Впоследствии Мамаев содействовал приглашению Мишутушкина и Пилиоко в СССР с выставкой «Этнография и искусство Океании».

Разумеется, я попросил рассказать о том, где и при каких обстоятельствах Николай Николаевич познакомился с Алоем и как этот малообразованный паренек стал знамени-

Рис. 4. Алой вышивает на мешковине картину разноцветными шерстяными нитками (фото Д.Д. Тумаркин, личный архив автора).

тым художником. «Охотно удовлетворю ваше любопытство, — ответил Мишутушкин, — но после обеда. Уж не обессудьте, попробуйте нашу еду».

Нас угостили жареными крыланами (большими летучими мышами), которые спали, вцепившись когтями в ветви деревьев. Николай Николаевич и Алой сбили их на землю длинными палками и умертвили. Несмотря на кулинарные способности Алая, мясо крыланов оказалось жестким и сухим. К жаркому Алой подал *таро* и *ямс*, сваренные в кокосовом молоке, на десерт подали вкусные маленькие бананы, свежеприготовленный лимонный напиток и кофе с ликером. Я и Басилов, как обычно, достали из сумок «сухой паек», полученный на корабле (рыбные консервы шпроты), сало и хлеб. Мишутушкин во всю уплетал наши

припасы, так как они как бы олицетворяли далекую, но милую ему Россию.

После обеда Николай Николаевич рассказал о Пилиоко. Алой родился в 1935 г. на полинезийском острове Увеа, входящем в состав другой «заморской территории Франции», в семье деревенского вождя. После смерти родителей осиротевшего мальчика опекала тетка с материнской стороны. Он окончил школу при католической миссии, где освоил французский язык, получил строгое религиозное воспитание и землевладельческие навыки. Юношей он отправился на заработки на Новые Гебриды, где трудился на кокосовых плантациях, а в 1958 г. перебрался в город Нумеа. Здесь он работал на скотном дворе.

Демобилизовавшись в 1959 г., Мишутушкин открыл в Нумеа художественную галерею, в которой выставил свои картины. а также образцы самобытной культуры меланезийцев и полинезийцев, собранные за годы военной службы. Галерея размещалась недалеко от дома, в котором поселился Пилиоко. У Алая рано проявилась тяга к рисованию. Как он рассказывал, еще до поступления в школу он рисовал палочкой узоры и различные предметы, в том числе парусные каноэ, на прибрежном песке⁵.

Алою очень хотелось посетить галерею. Однажды он прошмыгнул туда, не заплатив за вход, и начал зарисовывать карандашом на клочках бумаги заинтересовавшие его предметы. Мишутушкин подошел к необычному посетителю и, заметив его одаренность, разрешил бесплатно посещать галерею, снабдил его бумагой, кистями и красками

и дал первые уроки художественного мастерства. Вскоре Николай и Алой подружились. Закрыв в конце 1959 г. галерею, Мишутушкин, чтобы заработать деньги, перебрался на остров Футуна и стал коммерческим директором фирмы, скупавшей копру. Он очень скучал по своему юному другу. По его просьбе Пилиоко в 1960 г. приехал к нему на Футуну. С тех пор они не разлучались и прожили вместе более полувека.

В 1961–1966 гг. Мишутушкин и Пилиоко совершили множество экспедиционных выездов на почти все острова и архипелаги Меланезии и Полинезии, причем проникали в такие местности, где еще не бывали европейские и американские скупщики коллекций. В результате им удалось приобрести более тысячи предметов, представляющих традиционные культуры народов этих двух регионов.

Как объяснил мне Николай Николаевич, они добывали средства для этих экспедиций и приобретения коллекций продажей своих произведений, декорированием гостиниц, офисов и общественных зданий в городах Океании, Австралии, Франции, Японии и ряда других государств, а также продажей части приобретенных ими экспонатов (преимущественно дублетов). За эти операции на музейном рынке некоторые французские и английские ученые и чиновники презрительно называли Мишутушкина «торгашом». Николай Николаевич знал об этом и жаловался мне на предвзятое к нему отношение. Столь же неодобрительно отзывался о французском художнике Н.А. Бутинов, захвативший в усадьбу ненадолго в последний день стоянки «Дмитрия Менделеева» в Виле (Бутинов: 148–155).

Решив навсегда поселиться в Океании, Мишутушкин в 1861 г. приобрел земельный участок в предместье Вилы, на берегу лагуны Эракор. Усадьба постепенно застраивалась и перестраивалась, что требовало значительных денежных вливаний. В 1971 г., когда Вилу посетили советские этнографы, здесь стоял одноэтажный дом, в котором жили и работали художники, хранились их произведения и часть коллекций, а неподалеку находилась хижина прислуги⁶. В 1990 г., когда в усадьбе гостила четыре месяца Л.А. Иванова, старый дом был уже снесен и появились коттеджи Мишутушкина и Пилиоко, трехэтажный дом для приемов и размещения гостей, домик для семьи слуг, строение для экспонирования коллекций, два бассейна и другие строения. К тому времени в усадьбу были проведены из Вилы водопровод, газ и электричество. Новые перемены обнаружила Т.В. Таболина, посетившая усадьбу в декабре 2008 – январе 2009 г. (Иванова 2011: 172, 179).

Мишутушкин показал нам стеллажи с книгами, журналами и патефонными пластинками. Среди них было много русскоязычных, выпущенных как во Франции, так и в СССР. Я обнаружил несколько комплектов журнала «Коневодство» («Конный спорт»). Заметив мое удивление, он сказал: «Я же казацкий сын, люблю лошадок. Не-

Рис. 5. Церковь адвентистов седьмого дня на окраине Вилы (Личный архив автора).

сколько лет назад послал письмо главному советскому кавалеристу маршалу Буденному с просьбой прислать литературу о развитии коневодства в СССР. Мне любезно ответил его секретарь, передавший привет от своего патрона и сообщивший, что высылает мне несколько книг и брошюр и недавно вышедший номер журнала, который я буду получать и впредь». Николай Николаевич включил радиолу и в помещении зазвучали русские песни в исполнении популярного во Франции певца-эмигранта.

Мишутушкин рассказал, что обменялся письмами с директором Института этнографии АН СССР академиком Ю.В. Бромлеем (о чем я не знал). В письмах обсуждалась возможность показа в СССР его выставки «Этнография и искусство Океании», которая уже демонстрировалась в нескольких странах. «Мне важно показать ее на родине моих предков, – сказал Николай Николаевич. – К тому же, ее успех в СССР, на что я очень надеюсь, заставит прикусить язык моих недоброжелателей».

Мы уехали из усадьбы поздно вечером. На следующий день Мишутушкин устроил в усадьбе большой прием в честь ученых и моряков «Дмитрия Менделеева». Члены этнографического отряда были приглашены, но все, кроме меня, по инициативе Бутинова предпочли провести еще один день в деревне Меле. На сей раз я отправился туда вместе с вместе с географом В.Н. Степановым пешком, так как ранее из окна такси мельком видел на кольцевой автодороге любопытные постройки. Среди вилл европейцев, утопавших в зелени декоративных деревьев и кустарников, выделялось новое двухэтажное здание, в котором размещалась «Инвесторс траст лимитед» – крупная американская инвестиционная компания, которая, как сказали мне гости Мишутушкина, скупала на Новых Гебридах земли, предприятия, плантации и т.д. На окраине города, где виллы сменились досчатыми домиками и крытыми пальмовыми листьями хижинами новогембридцев, у шоссе стояли два церковных здания. Одно – белое кирпичное, выстроенное в модернистском стиле – оказалось, судя по вывеске, церковью адвентистов седьмого дня.

В это субботнее утро церковная служба в ней еще не началась. Но вблизи от нее, по другую сторону шоссе, из длинного деревянного здания раздавались звуки джазовой музыки и веселое пение. Мы сначала решили, что это молодежный клуб, но, подойдя ближе, увидели надпись над входом: «Assemblies of God» («Ассамблеи Бога»). Это другая влиятельная религиозная организация, выделившаяся в 1914 г. из церкви американских пятидесятников. Она за несколько десятилетий охватила все штаты США и проникла в 188 государств.

Как и адвентисты седьмого дня, эта церковь продолжает увеличивать свою паству, не только открывая семинары для подготовки проповедников из местных жителей, но и активно занимаясь благотворительностью, организуя воскресные и спортивные школы, создавая мужские, женские и молодежные клубы. Через раскрытые окна мы увидели примерно двести празднично одетых меланезийцев разного возраста, которые с воодушевлением пели гимны на языке *бислама* и весело хлопали в такт в ладоши под аккомпанемент джазовых мелодий, раздававшихся из магнитофона. Вдруг мужчина средних лет закрутился на одном месте, стал конвульсивно дергаться и что-то бессвязно выкрикивать. Все присутствовавшие затихли и стали внимать его крикам.

По возвращении в Москву я рассказал об этом С.А. Токареву. Он объяснил, что такое явление, называемое глоссолалией (говорением на неизвестных языках), характерно для приверженцев «Ассамблей Бога» и некоторых других религиозных сект. Верующие воспринимают эти непонятные крики как благословение, как крещение «Святым Духом».

Французские чиновники, присутствовавшие на приеме в усадьбе Мишутушкина, сказали, что американское проникновение на Новые Гебриды резко усилилось в годы Второй мировой войны, когда на Эфате и некоторых других островах Океании находились американские войска. Это проникновение США принимало разные формы: деятельность «Инвесторс траст лимитед» и хозяйничанье на новогебридском острове Эспириту-Санто американской «Феникс фаундейшн» – в области экономики, американских «неортодоксальных» церквей – в области идеологии, культуры и воспитания подрастающего поколения.

Мы пришли в усадьбу задолго до начала приема и имели возможность не спеша сфотографировать дом и его основные помещения, лужайку перед домом и лесок с расставленными повсюду образцами меланезийской традиционной скульптуры вперемежку с произведениями Мишутушкина и Пилиоко и, конечно, понаблюдать за подготовкой к приему. Николай Николаевич надел на этот раз красочную, узорчатую aloha shirt – рубашку гавайского типа с короткими рукавами, строгие черные брюки и модные туфли того же цвета. Алой был в пестром, ярко расписанном балахоне с кокетливым шарфиком, дополненным белоснежным фартуком, а на голову он, улыбаясь, водрузил поварской колпак, но обувь надевать не стал. Воспользовавшись случаем продемонстрировать знакомство с русскими поговорками, Мишутушкин сказал мне, что постарается «не попасть (правильно: ударить: Д.Т.) лицом в грязь».

На приеме присутствовал начальник экспедиции А.А. Аксенов, капитан М.В. Соболевский и примерно тридцать ученых и офицеров экипажа. Французская администрация была представлена резидент-комиссаром Э. Ланглуа и директором его кабинета А. Валле с женами и еще несколькими чиновниками. Англичан, как и следовало ожидать, не было. Мишутушкин пригласил также двух своих друзей-французов, живущих в Виле.

Прием начался в сдержанной обстановке. Говорили о погоде, рыбной ловле, старательно избегая политических тем. Официант, нанятый на этот день в Виле, обновил гостей спиртными напитками: коктейлем с ромом, аперитивом «Перно» и др. Оживление началось, когда Алой пригласил всех присутствовать при вскрытии земляной печи. Удалив раскаленные камни, присыпанные землей, он извлек из ямы запеченные куски рыбы, таро и бананов, завернутые в банановые листья. В кухне-столовой, затененной несколькими большими деревьями, началось обильное угощение.

Предлагались: очень вкусный салат, приготовленный Пилиоко по собственной рецептуре, затем жареные на газовой плите курятина и свинина с соусом кэрри, отвар-

Рис. 6. Николай Николаевич показывает свои акварели гостям на устроенной им вечеринке (личный архив автора).

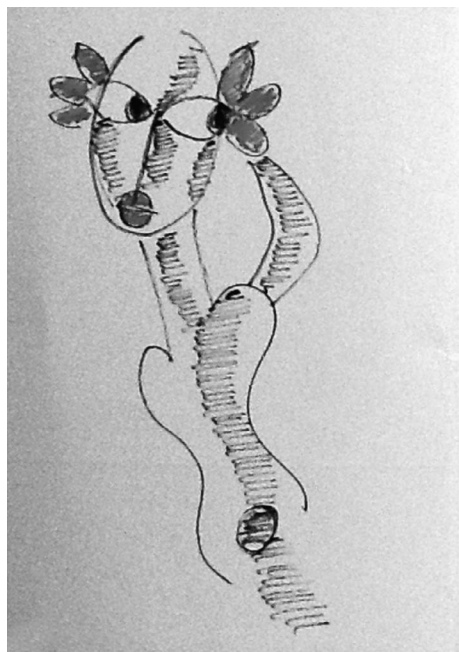

Рис. 7. Рисунок А. Пилико «Девушка с цветком», на внутренней стороне обложки каталога выставки, подаренного мне в 1985 г. Разноцветные фломастеры. Публикуется впервые (Личный архив автора).

Рис. 8. Композиция А. Пилико с двумя фигурками. Черный фломастер. Белый ватман 62×43 см. Публикуется впервые (Личный архив автора).

ные рис и таро (вместо хлеба). Все это стояло на скамьях в деревянных блюдах, изготовленных новогребридскими мастерами. На большом столе и раскладных столиках, декорированных цветами, были разложены выделанные скорлупы кокосовых орехов, заменявшие тарелки, подносы с европейскими ножами, вилками и ложками, салфетки, специи и т.д. Официант сновал среди гостей, предлагая минеральную воду и красное столовое вино. Почти все гости ели стоя и лишь ставили на столы посуду. На десерт принесли два огромных торта. Мишутушкин, шутки ради, объявил, что они тоже изготовлены в земляной печи. Но его приятель, стоявший рядом со мной, рассказал, что по просьбе Николая привез эти торты из французской кондитерской в Виле. На столах и скамьях появились также деревянные блюда с фруктами, которые, как сказал мне Мишутушкин, собраны с плодовых деревьев и кустарников, выращенных Алоем. К кофе подавали очень вкусные бриоши и «пьяную вишню».

Затем по инициативе Мишутушкина состоялся импровизированный концерт. Начали с русских песен и плясок. Пели в основном «менделеевцы», но запевал Николай Николаевич. После нескольких народных песен исполнили «Катюшу» и «Подмосковные вечера». Я заметил, что пели и жены Ланглуа и Валле, заменяя русские слова французскими. Отличился Аксенов, который станцевал под баян, принесенный одним из моряков, «русскую с платочком».

Метеорологи Войтова и Романова грациозно исполнили одна барыню, другая цыганочку, причем тщетно приглашали присоединиться к ним Ланглуа и Валле. Тут жена последнего, «мадам Биш» удалилась в дом, быстро переделась в белый балахон, взятый у Алая, и, вернувшись, босая темпераментно, извиваясь всем телом, исполнила вместе с ним, снявшим поварское облачение, зажигающую таитянскую хулу. Концерт завершил наш капитан. Попросив принести гитару, он на языках оригиналов исполнил несколько песен из популярных тогда французских и

английских фильмов. Прием закончился в непринужденной обстановке. Ланглуа, раскрасневшийся от выпитого вина и всего увиденного, объявил, что «Дмитрия Менделеева» всегда ждет в Виле дружественный прием.

На следующее утро, 2 августа 1971 года – в последний день стоянки «Дмитрия Менделеева» в Виле – Мишутушкин приехал в город на мотоцикле, чтобы принять участие в проводах нашей экспедиции и помочь мне приобрести в кооперативе, работавшем под контролем французской администрации, несколько аутентичных экспонатов для МАЭ. Я купил тогда две статуи из ствола древовидного папоротника с антропоморфными изображениями и резное навершие хижины из того же материала, сделанные на острове Амбрим, свиную челюсть с загнутым колечком клыком, использовавшуюся в ритуальных целях жителями острова Малекула, и несколько других предметов.

Николаю Николаевичу было грустно расставаться с «россиянами». Он оставался на борту до тех пор, пока по корабельному радио не прозвучал голос капитана: «Прошу всех гостей покинуть судно. Готовимся к отплытию». На прощание Николай Николаевич попросил подарить ему сувенир – буханку черного хлеба, испеченного в судовой пекарне. Спускаясь по штурмтрапу в моторную лодку своего приятеля Мика Фруэна, он напевал как бы для себя, но достаточно громко, «Подмосковные вечера».

В дальнейшем я много раз встречался с Мишутушкиным и Пилиоко, когда они приезжали в СССР, а потом в Россию со своими выставками и для участия в конгрессах и конференциях. В 1985 г. они посетили мою московскую квартиру, причем привезли красочный каталог выставки «Этнография и искусство Океании», только что выпущенный издательством «Наука», с очень теплой дарственной надписью. Алой, сидя за накрытым столом, на внутренней стороне обложки нарисовал разноцветными фломастерами стилизованную фигурку девушки с цветами, а Николай Николаевич на листе ватмана сделал карандашный портрет моего сына. Это был не первый их подарок. В 1981 г. Пилиоко преподнес мне большую композицию с двумя фигурками, исполненную черным фломастером.

После встречи на Эфате прошло четыре десятилетия. Мы старели – я и мой ровесник. В последние годы жизни Николай Николаевич стал полуинвалидом: после неудачных операций на шейке бедра обеих ног он смог передвигаться, только опираясь на «ходунки». Но он не утратил бодрость духа и не снизил актив-

Рис. 9. В кабинете директора Института этнографии АН СССР. 1989 г. Слева направо: В.А. Тишков, А. Пилиоко, Д.Д. Тумаркин, Н.Н. Мишутушкин (фото А.А. Кулешова, личный архив автора)

ность, по-прежнему много разъезжал по миру, причем не только как художник и коллекционер, но и как педагог и общественный деятель, в частности участвовал в конференциях обществ и фондов русских соотечественников за рубежом (Табolina 2009: 6–7). В последний раз он и Пилиоко приехали в Москву в ноябре 2009 г. для участия в ассамблее Фонда «Русский мир».

Выступая на ассамблее, Мишутушкин рассказал об открытии по его инициативе в Виле памятника В.М. Головнину, внесшему, как упоминалось в начале статьи, вклад в открытие и исследование Новых Гебрид. Разумеется, Николай Николаевич и Алой воспользовались возможностью посетить ИЭА РАН, где они были сердечно встречены сотрудниками Института во главе с директором академиком В.А. Тишковым. Мишутушкин приехал, что называется, не с пустыми руками. К его визиту была приурочена церемония установки большого сигнального барабана с острова Амбрим в вестибюле высотного здания РАН, заблаговременно присланного Мишутушкиным. Это был сотый экспонат, подаренный собирателем научным учреждениям РАН, главным образом ИЭА и МАЭ. В беседе за чашкой чая, в которой участвовал автор этих строк, Николай Николаевич рассказал о своих обширных планах, рассчитанных на длительный период. Но через полгода, в мае 2010 г., он скончался после очередной хирургической операции. Алой Пилиоко, постаревший, но бодрый и деятельный, продолжает жить в усадьбе на берегу лагуны Эракор.

Конец пандемониума. Возникновение республики Вануату

Во время пребывания в Виле мне, как уже знает читатель, не удалось встретиться с Уолтером Лини и его соратниками. Внешне в городе было спокойно. Как и раньше, на круизных лайнерах и самолетах прибывали сотни туристов. Рестораны и кафе в европейской части города были переполнены, их посетителей развлекали песенно-танцевальные ансамбли новогеебридцев. Информационные бюллетени, выпускавшиеся английской и французской администрациями, игнорировали протестные настроения, которые усиливались на всех островах архипелага, и рекламировали реформы, подготавливаемые властями кондоминиума. Но через несколько дней после ухода «Дмитрия Менделеева» в Виле состоялся учредительный съезд Национальной партии (НП), выросшей из Новогеебридской культурной ассоциации. Делегаты постановили считать ее главными задачами борьбу за достижение независимости Новых Гебрид и возвращение земель, незаконно отторгнутых у коренных жителей. Председателем партии был избран У. Лини. По окончании съезда его делегаты и их сторонники прошли колонной по улицам Вилы. Это была первая политическая демонстрация в истории Новых Гебрид. Через три месяца партия организовала новую, более многочисленную демонстрацию в защиту традиционной земельной собственности, против распродажи земельных участков иностранцам. С этого времени демонстрации и митинги стали регулярно проводиться как на Эфате, так и на других островах архипелага. Протестные акции состоялись даже в привилегированной и наиболее зажиточной деревне Меле⁷.

Власти кондоминиума и большинство европейских переселенцев были встревожены возникновением партии, требовавшей независимости и ставившей под сомнение законность земельных владений иностранцев. Не имея юридических оснований для запрета НП, они решили действовать по принципу «разделяй и властвуй». В 1971–1974 гг. были созданы три партии, которые тоже выступали за реформы, но мелкие, постепенные, не покушавшиеся на основы англо-французского владычества на Новых Гебридах. В них входили колонисты (преимущественно плантаторы и крупные торговцы, а также часть лиц свободных профессий), новогеебридцы, работавшие в колониальном административном аппарате, а также некоторые наиболее консер-

вативно настроенные вожди, боявшиеся потерять контроль над рядовыми островитянами. Французские чиновники, особенно противившиеся серьезным переменам, использовали для борьбы с НП традиционалистские движения («Джон Фрум», «Нагриамель» и др.), организовав сепаратистские выступления на островах Эспириту-Санто и Танна.

За два года в НП вступили 4 тысячи человек. Но у Лини и его двух соратников не было квалифицированных помощников, способных плодотворно работать в штаб-квартире партии и создавать ее отделения на других островах. Лини сделал ставку на молодежь – недав-

Рис. 10. Демонстрация сторонников Национальной партии в Виле, 1971 г. (Lini 1980 : 23).

них выпускников или даже студентов Южнотихоокеанского университета в Суве, – уговорил стать партийными функционерами несколько новогребридцев, работавших в английской колониальной администрации. Несмотря на финансовые трудности, партия начала издавать журнал «Viewpoints», которым руководила жена Уолтера Лини. В результате на партийный съезд в 1975 г. прибыли делегаты от 40 отделений, созданных на всех крупных островах. Съезд постановил добиваться независимости к 1977 г. и принял программное заявление по основным

вопросам внутренней и внешней политики. Партия обязалась стремиться сохранять самобытный жизненный уклад, обычаи и традиции, в том числе деревенские общины и институт вождей, поддерживать мелких производителей-новогребридцев и объединять их в кооперативы, ликвидировать крупные частные плантации, добиваться принятия законов, за-

Рис. 11. Демонстрация в деревне Меле, 1977 г. (New Hebrides 1977: 114).

трудняющих натурализацию иностранцев и обеспечивающих возврат новогребридцам незаконно отторгнутых земель, развивать народное образование и здравоохранение, объявить государственным языком *бисламу*, а официальными – английский и французский, с преимущественным использованием в делопроизводстве английского языка. В области внешней политики НП выступила за развитие сотрудничества и взаимопомощи с другими молодыми государствами Океании, за участие Новых Гебрид в

движении неприсоединения к военным блокам, за объявление Океании безъядерной зоной и недопущение там испытаний ядерного оружия.

Чтобы предотвратить или хотя бы отсрочить ликвидацию кондоминиума, управляющие державы договорились о введении внутреннего самоуправления на Новых Гебридах. Вместо Консультативного совета была создана Представительная ассамблея, которая получила полномочия в таких сферах, как правосудие, землевладение, иммиграция, радиовещание. Однако в ведении колониальной администрации остались оборона, общественный порядок, внешние сношения и денежно-валютная система. На выборах, состоявшихся в 1975 г., НП завоевала 17 из 29 мест, отведенных для общих избирательных округов, но из-за того, что 13 мест предназначались для депутатов, представляющих бизнесменов и вождей, партия Лини не получила абсолютного большинства.

В 1977 г. состоялся очередной съезд НП, на котором обсуждалась обстановка в стране, не позволявшая добиться поставленной на предыдущем съезде задачи – обрести независимость. Делегаты потребовали демократизации избирательной системы и создания полномочного Правительственного совета, т.е. правительства, еще до обретения государственной независимости. По решению съезда возникающее государство должно было называться Вануату, что в переводе с *бисламы* означает «Наша земля», и соответственно их партия – «Вануату пати».

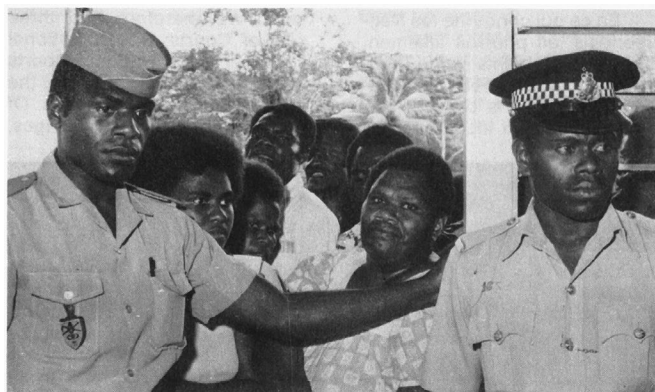

Рис. 12. Английские и французские полицейские – новогейбридцы на избирательном участке, 1979 г. (Vanuatu 1980: 204).

сти при этом не обсуждались. Было решено провести новые выборы в Представительную ассамблею, не меняя избирательной системы, и по их итогам сформировать правительство. ВП бойкотировала новые выборы и не признала их результаты. Когда ассамблея сформировала Совет министров во главе с Д. Кальсакау, связанным с колониальной администрацией, ВП, по инициативе У. Лини, вступила на революционный путь – создала параллельное Временное правительство.

В стране возникло двоевластие: в Виле и нескольких других поселениях городского типа, в том числе Люганвиле на острове Эспириту-Санто, признавалось правительство Кальсакау, тогда как обитатели деревень на большинстве островов архипелага поддерживали Временное правительство и одобряли действия лидеров ВП. Кое-где начали возникать органы местного самоуправления, возглавлявшиеся или контролировавшиеся вождями разных рангов. Представительная ассамблея была парализована

Вскоре после съезда ВП состоялись переговоры английского и французского резидент-комиссаров с лидерами «лояльных» партий. На них обсуждались меры, призванные обеспечить такой переход к независимости, при котором у власти окажутся люди, выражающие интересы состоятельных колонистов и готовые прислушиваться к советам английских и французских «кураторов». Сроки предоставления независимости

из-за отсутствия кворума: на заседания не являлись не только депутаты от ВП, бойкотировавшие ассамблею, но и некоторые островитяне, избранные от других партий. Чтобы преодолеть тупик, английскому и французскому резидент-комиссарам пришлось изменить избирательную систему, отменив резервирование мест для бизнесменов и тех вождей, которые сотрудничали с колониальными властями. Нашли и компромиссную кандидатуру на пост главного министра – лидера проффранцузской партии Союз общин Новых Гебрид католического священника Ж. Леймана, который вызвался договориться с бывшим англиканским проповедником У. Лини. Последний понимал, что его партии не хватит сил для захвата и удержания власти над архипелагом, а потому пошел на временное сотрудничество с Лейманом. Кальсакау вынужден был подать в отставку. В декабре 1978 г. состоялось заседание Представительной ассамблеи, в котором участвовали депутаты от ВП. На этом заседании главным министром был избран Лейман. Он сформировал Правительство национального единства, в котором половину портфелей получили депутаты от ВП, в том числе У. Лини.

В ноябре 1979 г. состоялись новые выборы в Представительную ассамблею. Чтобы не допустить победы ВП, все проколониалистские партии и традиционалистские движения, нередко враждовавшие друг с другом, по рекомендации английской и французской администраций создали единый предвыборный блок. И все же победила ВП, которая получила две трети мест в ассамблее. 28 ноября 1979 г. У. Лини был избран главным министром и сформировал однопартийное правительство, провозгласив его основной целью мирное, соответствующее нормам международного права превращение кондоминиума Новые Гебриды в независимую Республику Вануату.

В 1979–1980 гг. в политике управляющих держав, ранее действовавших согласованно, проявились значительные различия. Лондонское правительство, смирившееся с распадом английской колониальной империи, предпочитало поскорее избавиться от последних колоний в Океании, дотируемых из британского казначейства. В 1978–1979 гг. оно признало независимость двух островных групп, превратившихся в государства Тувалу и Кирибати (Тумаркин 2013). У Англии не было серьезных экономических интересов на Новых Гебридах (здесь преобладал французский капитал). В английском правительстве и парламенте не желали разделять с Францией ответственность за непредсказуемый ход событий в кондоминиуме. В соответствии с английским законодательством палата лордов 7 февраля 1980 г. одобрила закон о предоставлении независимости Новым Гебридам.

Иначе повели себя французские власти, которые считали необходимым сохранить и даже расширить присутствие Франции в южной части Тихого океана и проводить там (на атолле Муруроа) испытания атомного оружия. Особенно важной в экономическом и военно-стратегическом отношении была Новая Каледония, где в то время среди коренного населения набирало силу движение за полную независимость от метрополии. Такие движения, даже партии, существовали и на других французских «заморских территориях», в частности на Таити. Французским спецслужбам стало известно, что правительство и партия У. Лини поддерживают единомышленников на Новой Каледонии. Поэтому французская администрация в Виле получила из Парижа директиву сорвать провозглашение независимости этим правительством, для чего свергнуть архипелаг в хаос, разжигать сепаратистские движения, устраивать мятежи.

Центрами сопротивления стали острова Танна и Эспириту-Санто. На Танне беспорядки устроили участники движения «Джон Фрум», которым французские эмис-

сары внушили, что Лини не уважает традиции и хочет сделать архипелаг частью западного мира. Большая группа островитян напала на правительственное здание, в котором укрылись чиновники с семьями, присланные из Вилы. Нападение удалось отбить, но сторонников нового правительства пришлось эвакуировать на Эфате.

Еще более опасные события происходили на Эспириту-Санто – центре движения «Нагриамель», которое возглавлял уже известный читателям Джимми Стивенс. К этому времени, не прерывая сотрудничества с французской администрацией, он приобрел нового спонсора, а фактически шефа в лице скандально известного американского миллионера М. Оливера, президента полукриминальной корпорации «Феникс фаундейшн», которая стремилась внедриться на острова Океании и некоторые маленькие государства Центральной Америки и имела «тренировочные» лагеря, где готовила вооруженных наемников. Оливер решил использовать сепаратистские амбиции Стивенса, чтобы основать на Эспириту-Санто квазинезависимое государство, в котором хозяйничала бы его корпорация. Он планировал создать там офшорную зону, а захваченные земли продать американским колонистам. Французским властям и плантаторам, конечно, не нравилось появление на новогвинеидской сцене нового игрока. Но они пошли на временное сотрудничество с эмиссарами Оливера, чтобы нанести поражение У. Лини и его сторонникам.

28 мая 1980 г. на Эспириту-Санто начался вооруженный путч. Мятежники грабили дома иностранцев, не поддержавших «Нагриамель», напали на полицейские станции, взяли в заложники окружного комиссара, назначенного Лини, и несколько верных ему полицейских-новогвинеидцев. Сторонники Стивенса овладели городом-портом Люганвиль и расположенным поблизости аэродромом, после чего их лидер объявил о создании «независимого государства Вемарана». Раз в неделю в Люганвиль приходил пароход из Нумеа с грузом оружия и боеприпасов. Более того, как сообщил Лини, английский резидент-комиссар, остававшийся до провозглашения независимости в Виле, на аэродром близ Люганвиля прилетал частный самолет, доставивший оружие, боеприпасы и взрывчатые вещества, а также несколько десятков новогвинеидцев, прошедших военную подготовку в лагере «Феникс фаундейшн» на Багамских островах. Стивенс похвалялся, что не только сумеет защитить Вемарану, но и пошлет своих вооруженных сторонников на Эфате.

У правительства Лини не было вооруженных сил, если не считать нескольких десятков полицейских-новогвинеидцев, которые служили в английской или французской администрации и, подобно своим шефам, недолюбливали друг друга. Они отличались не только по униформе и методам подготовки, но и по политическим взглядам. Полицейские, работавшие во французском колониальном аппарате, и теперь выполняли только те приказы, которые были согласованы с французским резидент-комиссаром, оставшимся в Виле и организовавшим мятежи против правительства ВП. Но Лини не растерялся в этой трудной обстановке. Он объявил экономическую блокаду Танны и Эспириту-Санто, начал готовить вооруженные отряды из преданной ему молодежи, а главное – обратился за помощью к руководителям дружественных государств, возникших в Меланезии. Особенно тесные связи установились у него с М. Сомаре и А. Маори Кики – лидерами партии «Пангу пати», которая пришла к власти в Папуа Новой Гвинее (ПНГ), ставшей в 1975 г. независимым государством. В этой отсталой, но большой стране с трехмиллионным населением имелись три сухопутных батальона, обученных австралийскими инструкторами, несколько патрульных

морских судов и самолетов. Руководители ПНГ послали в Вилу военных советников, а когда независимый статус Вануату был признан мировым сообществом, отправили, как мы увидим, на Эспириту-Санто «ограниченный воинский контингент».

Лини действовал не только экономическими и военными методами. Как мудрый политик он понимал: чтобы обеспечить прочность молодого государства, нужно внедрить в сознание населения, состоящего из нескольких десятков племен, идею культурной общности. С этой целью правительство в декабре 1979 г. организовало в Виле фестиваль искусств народов Вануату. В нем участвовало более 2 тыс. человек, съехавшихся со всех концов архипелага. Их разместили в школах, временных поселках, построенных для этой цели, в близлежащих деревнях. Фестиваль начался с шествия его участников. Сплоченными группами шли жители отдельных островов, племен или деревень. Они были в традиционных одеяниях, с типичными для этой группы украшениями

Рис. 13. Уолтер Лини - глава правительства независимой Республики Вануату (Vanuatu 1980 : 4).

и раскраской тела, несли музыкальные инструменты, копья и другое оружие, модели лодок. После шествия участники фестиваля собрались на площади перед культурным центром, расположенным вблизи от гавани. Здесь с трибуны их приветствовал Лини. Затем на площади состоялся традиционный обмен подарками. Вожди Эфате вместе с «коллегами» с других островов провели церемонию питья *кавы*.

В течение следующих семи дней делегации поочередно демонстрировали танцы, игру на музыкальных инструментах, свадебные обряды, строительство хижин разных типов, изготовление лодок и рыболовных снастей, плетение корзин и циновок, приемы приготовления пищи в земляной печи и на костре, а также образцы кулинарного искусства. Приготовленными кушаньями угощали друг друга и гостей фестиваля, демонстрируя при этом традиционный дележ пищи. Участники фестиваля убедились в сходстве материальной и духовной культуры обитателей разных островов архипелага, но перенимали новые для них приемы и навыки. «Это был подлинный праздник, который способствовал укреплению единства народов Вануату», – писал о фестивале Н.Н. Мишутушкин в статье, опубликованной в журнале «Советская этнография». Николай Николаевич подчеркивал, что фестиваль в Виле «стал показателем того, что, несмотря на все различия, жители Вануату составляют определенную общность и гордятся этим» (Мишутушкин 1980: 113). Разумеется, фестиваль не предотвратил события на Эспириту-Санто и Танне, но способствовал тому, что огонь сепаратизма не перекинулся оттуда на другие острова архипелага.

Мишутушкин и Пилиоко участвовали в подготовке и проведении фестиваля искусств. Николай Николаевич был франкофоном и многие годы поддерживал тесные связи с французской администрацией. Но в судьбоносные месяцы, предвидя неминуемую победу национально-освободительного движения, к тому же, принимая близко к сердцу судьбу новогбридцев, среди которых у него было много добрых друзей, Мишутушкин

встал на сторону правительства Лини. Он участвовал в обсуждении символики герба Республики Вануату, который нарисовал затем художник-новогбридец, и начал поддерживать дружеские отношения с Лини и его министрами. Оставаясь французскими подданными, Мишутушкин и Пилиоко стали гражданами молодого государства.

Хотя французское правительство оттягивало под разными предлогами признание независимости Вануату, добиваясь уступок, а на Танне и Эспириту-Санто продолжали бесчинствовать традиционалисты и сепаратисты, Лини назначил торжества на 30 июля 1980 г. На церемонии, происходившей на площади Вилы, там, где восемь месяцев раньше собрались участники фестиваля искусств, присутствовало несколько тысяч человек, многие из которых прибыли на Эфате с других островов. На трибунах разместились члены правительства, племенные вожди и иностранные делегации, преимущественно из стран Тихоокеанского региона. Обстановка была тревожной, так как стало известно, что в город проникли сторонники Джимми Стивенса, от которых можно было ожидать любых провокаций, даже террористических актов. Поэтому площадь патрулировали отряды вооруженной молодежи.

Провозглашая возникновение Республики Вануату, Лини произнес краткую речь на английском языке, очень яркую и образную. Он, прежде всего, подчеркнул, что завоевание независимости – это не только конец колониального этапа в истории архипелага, но и начало нового, очень трудного пути, по которому страна пойдет в мире, изобилующем конфликтами и противоречиями. Оратор сравнил Вануату с легкокрылым каноэ, которое бесстрашно вышло в штормящий океан в поисках новой жизни. Лини призвал крепить единство народов Вануату и, явно обращаясь к традиционалистам, обещал «сохранять наш *кастом*, но не слепо, без учета изменений, ибо “*кастом* всегда меняется с развитием человеческих идей”.

Даже в этот радостный день Лини не считал возможным умолчать об отсталости Вануату, острой нехватке квалифицированных специалистов. Поэтому на первых порах страна не сможет выжить без помощи извне, в том числе от Англии и Франции, с которыми он обещал наладить конструктивные отношения. Иностранная помощь ведет к зависимости, к новому закабалению. Лини заявил собравшимся, что постарается минимизировать эту опасность, используя различных доноров, обращаясь к международным фондам и организациям. Поглощенное решением внутренних проблем, правительство Вануату все же будет проводить активную внешнюю политику, способствуя, по мере сил, сохранению мира и согласия в южной части Тихого океана. Лини закончил свою речь словами: «Мы выйдем из пандемониума <...> и займем свое место среди наций мира» (Lini 1980: 62–63).

Молодая республика была признана великими державами и другими государствами. Вануату стала членом ООН, вступила в организацию регионального сотрудничества Южнотихоокеанский Форум. Теперь руководители ПНГ, откликаясь на просьбу правительства Лини, могли открыто оказать военную помощь в подавлении мятежа. В Люганвиле высадился хорошо обученный пехотный батальон. Вооруженные сторонники Джимми Стивенса не оказали никакого сопротивления. Побросав или припрятав огнестрельное оружие, они вернулись в свои деревни, но наиболее непримиримые ушли в горы, откуда впоследствии совершали вылазки в прибрежные районы. На Эспириту-Санто была восстановлена власть законного правительства. Стивенс и его ближайшие помощники были арестованы и приговорены судом к различным срокам тюремного заключения, а «нежелательные иностранцы» выдворены из страны. Лидеры движения Джон Фрум на

Танне и местные вожди, узнав о том, как закончился мятеж на Эспириту-Санто, приняли меры для прекращения беспорядков и признали власть республиканского правительства. Каноз «Вануату» под водительством Лини выдержало первый шторм и продолжило путь в более спокойных водах, лавируя между рифами. Предстояло преодолеть нищету и отсталость – последствия почти столетнего кондоминиума-пандемониума.

Я попытался рассказать о посещении советскими этнографами острова Эфате в 1971 г. на широком фоне, сообщив некоторые сведения о природе и истории архипелага Новые Гебриды. Мы побывали там в год начала широкого национально-освободительного движения, приведшего к возникновению независимой Республики Вануату. Хотя эта республика остается сравнительно слабо развитой страной «третьего мира», там происходят быстрые перемены. Беседуя с Л.А. Ивановой, побывавшей там в 1990 г., автор убедился в том, как сильно изменился за 19 лет город Вила и его окрестности. С тех пор прошла еще четверть века. Буду счастлив, если эта статья побудит наших молодых ученых задуматься о посещении не только Берега Маклая, но и острова Эфате.

Примечания

- ¹ В Западной Полинезии вожди высокого ранга не общались напрямую с другими островитянами. Объявлял приказы повелителя и принимал адресованные ему просьбы и жалобы состоящий при нем менее знатный вождь, называвшийся «говорящим вождем».
- ² М.В. Крюков на восемь дней отделился от нашего отряда. В день отплытия «Дмитрия Менделеева» из Вилы он с тремя другими учеными и корреспондентом «Известий» отправился на французской яхте на остров Эроманга, расположенный в южной части Новогембридского архипелага. Руководитель этой группы всемирно известный ботаник А.Л. Тохтаджян был приглашен туда для консультаций экспедицией Британского королевского общества. 10 августа «Дмитрий Менделеев» принял их на борт возле эромангского поселка Ипота. Михаил Васильевич написал интересную научно-популярную книгу о пребывании на Эроманге (Крюков 1989).
- ³ Читателям, интересующимся жизнью и творчеством Мишутушкина и Пилюко, рекомендую три содержательные статьи на эту тему, опубликованные в журнале «Этнографическое обозрение» (Иванова 2010а, 2010б, 2011). Л.А. Иванова активно участвовала в организации и показе выставки «Этнография и искусство народов Океании», созданной этими двумя художниками, в различных городах СССР, составила вместе с А.А. Мишутушкиным каталог выставки (Каталог 1985), а в 1990 г. по приглашению Николая Николаевича провела четыре месяца в его усадьбе на берегу лагуны Эракор.
- ⁴ Е.М. Кребс действительно участвовал в этом экспедиционном рейсе и написал о нем интересную книгу (Кребс 1959). В главах о заходе «Витязя» в Нумеа (с.142–165) Мишутушкин не упоминается. Евгений Михайлович, скорее всего, из осторожности предпочел умолчать о переводчике – французском военном служащем русского происхождения. Что же касается А.А. Губера, то он ни разу не участвовал в плаваниях «Витязя». Мишутушкин запечатывал: художник познакомился с Губером в 1979 г. в связи с проведением в Хабаровске XIV Тихоокеанского научного конгресса, куда он и Пилюко привезли выставку «Этнография и искусство Океании».
- ⁵ См. об этом подробнее: *Pilioko s.a.* Рр. 4–5.
- ⁶ Л.А. Иванова допустила неточность, сообщив в одной из статей, что советские этнографы посетили Вилу во время << шестого (1971) и восемнадцатого рейсов (1978) научно-исследовательского судна «Дмитрий Менделеев» >> (Иванова 2010: 102). К сожалению, в ходе восемнадцатого рейса, состоявшегося не в 1978, а в 1977 г., этот корабль с этнографами на борту не заходил в Вилу. Там «Дмитрий Менделеев» вновь побывал уже в 1973 г., совершая девятый рейс (начальник экспедиции – А.А. Аксенов). Но в этом рейсе этнографов не было и вообще им больше не удалось участвовать в экспедициях на «Дмитрии Менделееве» (Кузнецов, Алейник 2002: 93, 113, 174).
- ⁷ Краткое изложение событий, произошедших на Новых Гебридах после посещения Эфате советскими этнографами и приведших к возникновению там независимого государства, базиру-

ется в основном на трех публикациях, любезно присланных мне Н.Н. Мишутушкиным (*New Hebrides* 1977; *Lini* 1980; *Vanuatu* 1980) и его статье в «Советской этнографии» (*Мишутушкин* 1980). Статья была заказана мной как заместителем главного редактора этого журнала.

Литература

- Бутинов 1975 – Бутинов Н.А. Путь к Берегу Маклая. Хабаровск, 1975.
- Бутинова 1973 – Бутинова М.С. Культ карго в Меланезии (К проблеме милленаристских движений) // Советская этнография, 1973. № 1. С. 81–92.
- Иванова 2010а – Иванова Л.А. Н.Н. Мишутушкин и выставка «Этнография и искусство Океании» (к 80-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение, 2010. № 2. С. 97–106.
- Иванова 2010б – Иванова Л.А. Николай Николаевич Мишутушкин (05.10.1929 – 02.05.2010) // Этнографическое обозрение, 2010. № 5. С. 189–191.
- Иванова 2011 – Иванова Л.А. «Русский полинезиец» Алой Полиоко (к 75-летию со дня его рождения) // Этнографическое обозрение, 2011. №1. С.167–180.
- Каталог 1985 – Каталог выставки «Этнография и искусство Океании» / отв. ред. Ю.В. Бромлей, сост. Л.А. Иванова, Н.Н. Мишутушкин. М., 1985.
- Крюков 1989 – Крюков М.В. Этот таинственный остров Эроманга. М., 1989.
- Кузнецов 2002 – Кузнецов О.А., Алейник Д.Л. Научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев» и его экспедиции 1969–1993. М., 2002.
- Меликсетова 1976 – Меликсетова И.М. Встреча с Океанией 70-х годов. М., 1976.
- Мишутушкин 1980 – Мишутушкин Н.Н. Фестиваль искусств народов Вануату // Советская этнография, 1980. № 6. С. 107–113.
- На Берегу Маклая 1985 – На Берегу Маклая (Этнографические очерки). М., 1985.
- Павловский 1972 – Павловский О.П. Личное знакомство с Океанией // Вопросы антропологии, 1972. Вып. 42. С. 185–192.
- Павловский 1973 – Павловский О.П. Сто лет спустя. Очерк антропологии папуасов Берега Маклая // Наука и жизнь, 1973. № 8. С. 118–122.
- Павловский 1985 – Павловский О.П. Богуанцы (Антропологический очерк) // На Берегу Маклая (Этнографические очерки). М., 1985. С. 61–86.
- Путилов 1978 – Путилов Б.Н. Песни Южных морей. М., 1978.
- Табolina 2009 – Таболина Т. Казак из Вануату // Голос Родины, 2009. № 5. С. 6–7.
- Тумаркин 2014 – Тумаркин Д.Д. На атолле Фунафути // Вестник антропологии, 2014. № 1. С. 179–198.
- Тумаркин 2013 – Тумаркин Д.Д. За морем телушка – полушка, да рубль перевоз (о двух этнографических экспедициях на острова Океании) // Антропология академической жизни: традиции и инновации / отв. ред. Г.А. Комарова. М., 2013. С. 285–324.
- Lini* 1977 *Lini W.* Beyond Pandemonium.
- Lini* 1977 – *Lini W.* New Hebrides. The Road to Independence. Ed. C. Plant. Suva, 1977.
- Pilioko* – *Pilioko A.* Artist of the Pacific. Suva, s. a.
- Vanuatu* 1980 – Vanuatu. Ed. H. Lini, B. Weightman. Christchurch, 1980.

References

- Butinov N.A.* Put' k Beregu Maklaia. Khabarovsk, 1975.
- Butinova M.S.* Kul't kargo v Melanezii (K probleme millenaristskikh dvizhenii) // Sovetskaia etnografiia, 1973. No. 1. Pp. 81–92.
- Ivanova L.A.* N.N. Mishutushkin i vystavka "Etnografiia i iskusstvo Okeanii" (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia) // Etnograficheskoe obozrenie, 2010. No. 2. Pp. 97–106.
- Ivanova L.A.* Nikolai Nikolaevich Mishutushkin (05.10.1929 – 02.05.2010) // Etnograficheskoe obozrenie, 2010. No. 5. Pp. 189–191.
- Ivanova L.A.* "Russkii polineziets" Aloii Polioko (k 75-letiiu so dnia ego rozhdeniia) // Etnografich-

- eskoe obozrenie, 2011. No.1. Pp.167–180.
- Katalog vystavki “Etnografiia i iskusstvo Okeanii” / ed. Iu.V. Bromlei, sost. L.A. Ivanova, N.N. Mishutushkin. Moscow, 1985.
- Kriukov M.V. Etot tainstvennyi ostrov Eromanga. Moscow, 1989.
- Kuznetsov O.A., Aleinik D.L. Nauchno-issledovatel’skoe sudno “Dmitrii Mendeleev” i ego ekspeditsii 1969–1993. Moscow, 2002.
- Meliksetova I.M. Vstrecha s Okeaniei 70-kh godov. Moscow, 1976.
- Mishutushkin N.N. Festival’ iskusstv narodov Vanuatu // Sovetskaya etnografiia, 1980. No. 6. Pp. 107–113.
- Na Beregu Maklaia (Etnograficheskie ocherki). Moscow, 1985.
- Pavlovskii O.P. Lichnoe znakovstvo s Okeaniei // Voprosy antropologii, 1972. Vol. 42. Pp. 185–192.
- Pavlovskii O.P. Sto let spustia. Ocherk antropologii papuasov Berega Maklaia // Nauka i zhizn’, 1973. No. 8. Pp. 118–122.
- Pavlovskii O.P. Boguantsy (Antropologicheskii ocherk) // Na Beregu Maklaia (Etnograficheskie ocherki). Moscow, 1985. Pp. 61–86.
- Putilov B.N. Pesni Iuzhnykh morei. Moscow, 1978.
- Tabolina T. Kazak iz Vanuatu // Golos Rodiny, 2009. No. 5. Pp. 6–7.
- Tumarkin D.D. Na atolle Funafuti // Vestnik antropologii, 2014. No. 1. Pp. 179–198.
- Tumarkin D.D. Za morem telushka – polushka, da rubl’ perevoz (o dvukh etnograficheskikh ekspeditsiiakh na ostrova Okeanii) // Antropologiya akademicheskoi zhizni: traditsii i innovatsii / ed. G.A. Komarova. Moscow, 2013. Pp. 285–324.
- Lini 1977 Lini W. Beyond Pandemonium.
- Lini 1977 – Lini W. New Hebrides. The Road to Independence. Ed. C. Plant. Suva, 1977.
- Pilioko – Pilioko A. Artist of the Pacific. Suva, s. a.
- Vanuatu 1980 – Vanuatu. Ed. H. Lini, B. Weightman. Christchurch, 1980.

D.D. Tumarkin. Condominium or pandemonium? Soviet Ethnographers on the Efate Island.

A visit to the Melanesian Efate Island (New Hebrides) in 1971 by a group of Soviet ethnographers is described in the paper. Correlation between traditional and “western” components of the local culture is put into consideration. The author considers also the functioning of Anglo-French Condominium in the New Hebrides and the development of national liberation movement which led to the emergence of the independent Republic of Vanuatu. Special attention is drawn to meetings with artists N. Michoutouchkine and A. Pilioko.

Keywords: history and ethnography of Melanesia, Efate Island, Michoutouchkine and Pilioko.

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

УДК 572

© Г.Л. Хить

ВОСПОМИНАНИЯ О М.С. АКИМОВОЙ

16–17 октября 2014 года Центр физической антропологии ИЭА РАН провел конференцию «Памяти посвящается...», чтобы вспомнить многих и многих ушедших, но не забытых коллег-антропологов, внесших свой немалый вклад в развитие физической антропологии. Статья представляет сокращенный вариант интервью, данного Полит.Ру Г.Л. Хить о выдающемся российском антропологе М.С. Акимовой (1915–1971), изучавшей народы Поволжья и Приуралья.

Ключевые слова: физическая антропология, М.С. Акимова, народы Поволжья и Приуралья

Рис. 1. М.С. Акимова (1915–1971).

Я увидела ее в первый раз в Институте антропологии в зале Музея, где она читала нам лекции по археологии. Это был 1950 год, недавно прогремела сессия ВАСХНИЛ (1948), после которой на факультете воцарилась ужасно унылая обстановка. Подавляющее большинство выдающихся сотрудников, (профессоров и преподавателей) было разогнано, либо подавлено. Наш новый декан И.И. Презент был, прямо сказать, личностью омерзительной. Флюиды, которые он распространял, действовали на всех, в том числе и на Институт антропологии, где проходили спецкурсы для студентов-антропологов. Сам Институт производил впечатление какой-то потревоженной колонии полевых мышей. Каждый забился в свою норку и чего-то ждал, потому что буря коснулась и антропологов. Был удален Виктор Валерианович Бунак, были проведены санк-

ции по отношению к руководству Института антропологии, которое было замешано в евгенических делах и, с точки зрения партийных органов, недостаточно проводило работу со студентами. Мария Степановна была сотрудником кафедры антропологии, тесно связанной с Институтом. Мы работали тогда в старом здании, на Моховой, 11. Она читала разные курсы и была одним из самых загруженных сотрудников кафе-

Хить Генриэтта Леонидовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: heet@bk.ru.

дры антропологии биологического факультета МГУ: вела Большой практикум по краниологии, краниометрии и остеометрии, соматометрии. Читала курс археологии, отдельные главы «Антропологии СССР». Она была очень собранным и спокойным человеком; хорошо, с большим вкусом и при этом скромно одевалась. Всегда была необыкновенно аккуратно причесана. Первое впечатление, которое она производила – очень милый и скромный человек, который внимательно относился к собеседнику, очень часто деликатно направляя линию беседы.

И вот Мария Степановна начала первую лекцию <...> Нами сразу овладело какое-то чувство уныния, потому что она говорила хоть и отчетливо, но очень негромко, как-то неэмоционально, говорила все только по делу и очень ровным голосом. Нам, когда-то видевшим все эти отщепы, которые никого не волновали, где-то в музеях, было не до камушков. Мы трое пришли на кафедру антропологии от безысходности, так как провалились на конкурсе по специализации «Высшая нервная деятельность».

Это была замечательная кафедра, и там был большой конкурс. Вел ее знаменитый физиолог Хачатур Сергеевич Коштоянц, который вскоре стал академиком. При кафедре был кружок для школьников. Почти все члены этого кружка, наши одногодки, ставшие студентами, конечно, знали раза в три больше, чем мы. Поэтому те рефераты, которые мы подготовили, и те устные собеседования, которые мы прошли, мы провалили и были в подавленном состоянии.

Потом мы стали выбирать, куда пойти. Я не спрашивала своих однокурсников Л. Козаровицкого и И. Волкову, чем обусловлен их выбор кафедры антропологии. К тому времени я закончила читать новогвинейские полевые дневники Н.Н. Миклухо-Маклая. Тогда, в послевоенное время, народ, как всегда бывает после тяжелых времен, буквально ринулся в культуру. В Политехническом музее были потрясающие курсы лекций на самые разные темы – музыкальные, литературные, научные, искусствоведческие, какие угодно. Можно было купить абонемент, а можно было просто прийти к заседанию и слушать. У меня было несколько абонементов, я этим интересовалась еще в школе. Совершенно случайно получилось, что перед провалом на кафедре Высшей нервной деятельности я прослушала в Политехническом музее увлекательную лекцию Якова Яковлевича Рогинского о человеческих расах. И как-то так совпало... дневники Миклухо-Маклая, лекция Рогинского. И я решила от отчаяния, что раз провалилась на любимую кафедру, то пойду хоть на антропологию, – там интересно.

Это было в 1950 году. И первым делом мы попали в руки Марии Степановны. Если бы мы остались в этих руках, то, наверное, разбежались бы, потому что она подходила к неофитам очень взвешенно, как к ответственным взрослым людям. Она не расцвечивала свое монотонное повествование никакими веселыми жизненными деталями. С самого начала, с первых отщепов и рубил и до конца курса это были серьезные, глубокие, монотонные лекции, не отвлекавшие от предмета с первого и до последнего слова. Мы рисовали рубила, отщепы, обсуждали всякие детали, особенно нам понравились орудия с мелкими фасетками – верхний палеолит, совершенно были им потрясены. Параллельно Яков Яковлевич Рогинский, как «главный соблазнитель» студентов, читал «Введение в антропологию». Он заряжал всех интересом к антропологии, поэтому мы с радостью бежали после лекций Марии Степановны на лекции Якова Яковлевича и там получали колоссальный запас эмоций. Он был очень сдержанным человеком, но без труда умел овладеть вниманием собеседника. Ты не мог оторваться ни на секунду, и даже записывать было некогда, ты впитывал

каждую интонацию. В его лекциях была масса отвлечений, рассуждений, вопросов к аудитории – «А как Вы думаете?», «Что бы Вы сказали по этому поводу?». Это было живое, насыщенное общение.

После основательных, профессиональных, суховатых лекций Марии Степановны мы принимали к лекциям Якова Яковлевича прямо как к целебному источнику. Только много лет спустя, листая конспекты, я обнаружила, что после лекций Марии Степановны можно было не лазать в учебники, в них было абсолютно все! А после лекций Якова Яковлевича каждый конспект – полстранички, одни восторженные предложения и восклицательные знаки. Это были две противоположности, идеально дополнявшие друг друга.

И Мария Степановна Акимова была во всем такая, как на лекциях – очень скромная, требовательная и вместе с тем очень человеческая и проникательная. А дальше уже началось углубленное с Марией Степановной знакомство, потому что нам полагалась полевая археологическая практика. Под этой практикой подразумевалось участие в антропологической экспедиции по раскопкам могильников. Мы поехали в Поволжье в 1950-1951 годах, и там мы раскапывали поздние средневековые чувашские, мордовские, марийские могильники. И вот тут мы все в Марию Степановну влюбились.

Вообще поле – это как лакмусовая бумажка. В поле все хорошие и все плохие качества человека мгновенно проявляются, и не стоит даже пытаться замаскировать их, потому что все равно ты себя выдашь. За всю мою жизнь я была только в трех экспедициях, которыми руководили абсолютно идеальные начальники. Это были Мария Степановна, Илья Иосифович Гохман и Татьяна Ивановна Алексеева.

Мария Степановна была маленькой, даже миниатюрной женщиной, на полголовы ниже меня. Я просто по себе чувствовала, что любому человеку, который Марию Степановну видит, хочется ее как-то защитить, оберечь от чего-то. Она была такая тоненькая и хрупкая, волосы светло-русые, короткие и выющиеся, серые глаза, темные подкрашенные реснички. Когда она улыбалась, была совершенно неотразима. У нее были две ямочки на щеках. Так вот, когда она улыбалась, все остальное просто забывалось. Бывает такое скромное, незаметное вроде бы лицо, но как улыбнется – как будто солнышко засияет. Она была просто обаятельной и естественной без малейших попыток произвести эффект.

Михаил Федорович Нестурх, наш известный антрополог, был знаменит не только своими трудами, но и тем впечатлением, которое он производил на окружающих. Вы могли всех забыть, но его – никогда! Это был настолько обволакивающий вас собеседник! Причем он каждого имел в виду, каждого! Студента, уборщицу, профессора, который шел мимо. Он обязательно вступал в контакт, и ты совершенно в нем растворялся. Он был, действительно, всемогущим человеком, потому что у него было огромное количество добрых знакомых, в том числе в администрации. И он очень многих выпускников и просто безработных антропологов устраивал, достаточно было попросить. Он так и любил говорить: «Я все могу!». Однажды, глядя на Марию Степановну Акимову, на эти две ямочки и на ее сияющие глаза, он произнес незабываемую фразу: «Все могу! Одного не могу – сразу в обе ямочки поцеловать...».

Экспедиции были не очень легкие, потому что это было послевоенное время. Была разруха, трудно было с едой, с жильем, допекали клопы и блохи. В Поволжье в мордовских и чувашских селах было совсем плохо, но в татарских деревнях было иначе. Татары всегда снимали обувь, входя в дом, ходили в носках, у них было

очень чисто. Мордовские села были очень запущенные и голодные. Мы как-то устраивались, – председатель колхоза выписывал сколько-то там мяса и прочего, половина мяса отдавалась хозяевам, а половину мы сами готовили, и так далее. В экспедиции Мария Степановна никогда не отделялась. Ела то же, что студенты, спала там же, работала еще больше. Экспедицией руководила спокойно, не допуская никаких срывов ни с чьей стороны. Со студентами, т.е. с нами, весьма разноперой компанией, она держалась ровно и корректно. Но когда можно было посмеяться, повеселиться, – она была рядышком; она так же, как и мы, смеялась и шутила, рассказывала анекдоты. Мы ходили на прогулки все вместе. Целый день копаешь-копаешь в жару, вечером поужинал и хочется хоть подышать, ну и идем гулять, и она с нами. Мы идем, разговариваем с ней почти как равные. Она очень редко устраивала выходные дни, это ведь экспедиция. Она давала нам выходной после особенно трудных дней, и мы уходили вместе с ней куда-нибудь на речку, плавали, загорали. Экспедиционная работа бывает грязная, тяжелая, утомительная, но никто не жаловался. Это был замечательный сезон.

С Марией Степановной было интересно, потому что она много рассказывала. Она была не очень захватывающий рассказчик, но все нужное, так же, как и в лекциях, в ее рассказах содержалось.

При всей доброжелательности Мария Степановна не была такой голубицей, которая всех всегда прощает – нет, она умела спрашивать. Причем спрашивать и на

Рис. 2. 1951 год. Экспедиция в Мордовии. М.С. Акимова – в центре. Слева направо: верхний ряд – Р. Денисова, Р. Седова, М.С. Акимова, И. Золотарева, И. Арман; нижний ряд – И. Глезер, Г. Хить, М. Войно.

Рис. 3. 1951. Раскопки в Мордовии. Обеденный перерыв. Очень жарко... Слева направо – Г. Хить, И. Арман, Р. Седова, М. Войно, И. Золотарева, М.С. Акимова (в очках)

Большом Практикуме по краниологии и остеологии: Мария Степановна перемеряла за каждым все, что он делал. Нас на курсе было трое, у каждого по 20 черепов. Она брала бланк, измеряла и говорила: «Этот размер у вас неверен, возьмите этот еще раз, этот угол нужно взять еще раз». И так все 60 черепов. То же было с измерениями живых людей. Это была просто удивительная школа.

Помимо специальной педагогической нагрузки, то есть занятий со студентами нашей кафедры, руководства курсовыми и дипломными работами, она вела специальный анатомический практикум: каждый преподаватель кафедры вел занятия по анатомии с обычными учебными группами других кафедр. Потому что в те времена (не как сейчас) каждый студент, оканчивая факультет, знал строение тела человека в деталях, почти как медики. А групп было много. У нас, например, было 260 человек на курсе, включая так называемый «мичуринский» набор. После сессии ВАСХНИЛ 1948-го года на факультет дополнительно приняли несколько десятков человек, которые и составили этот набор.

Но вернемся к деятельности М.С.Акимовой и кафедры. Все эти многочисленные группы первокурсников обучал маленький коллектив кафедры. Преподавали анатомию всего несколько человек: завкафедрой М.А. Гремяцкий, П.Н. Башкиров, М.С. Акимова, С.И. Успенский, потом и Е.Н. Хрисанфова, Н.Н. Миклашевская и еще М.А. Зотова, она специализировалась по анатомии. Семь человек. Можно себе представить, какая это была нагрузка. На факультете было тогда и вечернее отделение. У вечерников тоже приходилось вести анатомию; кроме того, для студентов кафедры физиологии человека и животных, высшей нервной деятельности и еще, кажется, эмбриологии, читался спецкурс анатомии человека и также проводился практикум. Общефакультетский курс лекций по анатомии человека – с огромным успехом – вел М.А. Гремяцкий. Так что работы всем антропологам было более чем достаточно. Иногда на нас (после окончания аспирантуры я тоже работала несколько лет на кафедре) «сваливались» подготовительные группы студентов-медиков (иностранцев), очень плохо говоривших по-русски, с которыми приходилось проводить подготовительный курс по анатомии. И Мария Степановна, ко всему прочему, вдобавок вела еще огромное количество этих групп иностранцев. Я говорю «огромное количество», поскольку однажды мне пришлось ее заменить. Часть групп приходилась на долю лаборантов с высшим образованием. Я не защитила кандидатскую диссертацию вовремя, и меня взяли лаборантом. Первым делом я вела анатомический курс в группах, чтобы разгрузить преподавателей. Однажды, когда я на три месяца уехала в экспедицию, Мария Степановна взяла на себя мои группы – 4 или 5, точно не помню. По возвращении мне пришлось отрабатывать – вести свои и ее группы, и я в полной мере смогла оценить эту адскую нагрузку.

Однажды мы с Марией Степановной и Яковом Яковлевичем беседовали в коридоре. Открывается дверь аудитории для вечерников, оттуда выскакивает взъерошенная Наташа Миклашевская, вся в нервных красных пятнах, и бежит к нам. Мы встревожились, Яков Яковлевич спрашивает: «Наташа, что случилось?». Она, вне себя от потрясения, выпаливает: «Эти вечерники... Вы не представляете... даю студентке смонтированный таз и спрашиваю – что это? Она отвечает: голова! – Как голова? Череп, что ли? – Ну да, смотрите: вот это уши (показывает на подвздошные кости), это глаза (acetabulum, т.е. впадина для головки бедренной кости)... Нет, вы представляете?». Мы с Марией Степановной остолбенели, но Яков Яковлевич, по-

молчав секунду, раздумчиво сказал: «А ведь в этом есть что-то привлекательное – в широко расставленных глазах...». Что было с нами – легко вообразить...

Группа вечерников, т.е. людей, работающих днем и учащихся в вузах вечером, были тяжелым бременем для всех нас. Уставшие и часто не очень молодые люди обычно с превеликим трудом осваивали анатомию, мучая себя и нас. Но после одного инцидента я в полной мере смогла ощутить всю трудность их положения. Однажды, принимая после длинного и насыщенного рабочего дня зачет у одного студента в 10 часов вечера, я с ужасом услышала свой голос, произнесший фразу: «А теперь покажите на черепе отверстие, через которое пятая пара нервов выходит на улицу...» Глаза этого студента я, наверное, уже не смогу забыть никогда.

Кроме всего перечисленного М.С. Акимова ежегодно проводила полевую студенческую практику. И она совмещала практику со своими интересами, потому что раскапывали и черепа, и кости скелета, на которых Мария Степановна потом делала большие работы. Копала она как археолог по открытому листу, потому что была ученицей известного археолога Отто Николаевича Бадера. И вообще любому археологу могла дать сто очков вперед, потому что у нее был обширный опыт.

Как Мария Степановна справлялась с этой огромной нагрузкой? Я думаю, что, во-первых, она была человеком целеустремленным и трудоголиком, она всегда что-то делала. Во-вторых, она была очень спокойным человеком, умела распределить свое время. И, в-третьих, к сожалению, она жила одна, у нее не уходило время на семью. То есть она была замужем, но жила одна: у нее был муж-военный, который служил в разных частях и в разных местах Союза. Когда подходил к концу срок службы, то несмотря на будущую военную пенсию, он все равно устроился на работу вне Москвы. Для этого им пришлось еще немного побыть в разлуке. Мы этого всего не знали, но только видели, что Марию Степановну в экспедициях, во всех местах, куда бы мы ни приехали, ждет куча писем, написанных четким крупным военным почерком. Когда она писала ответы и раскладывала письма, можно было увидеть начало письма: «Здравствуй, Родная моя!» («родная» с большой буквы) или «Здравствуй, друже!». Это у них было такое обращение. Она не рассказывала об их отношениях, описывала только внешние вещи: что тут он служит, тут он занимается военно-преподавательской деятельностью, что скоро будет демобилизация, что ей просто повезло в жизни, жаль только, что она познакомилась с ним уже будучи немолодой женщиной. («Немолодой» – это значит в середине четвертого десятка...) И кто-то пискнул: «Мария Степановна, мы нашли письмо, – ветром отнесло – и нечаянно прочли “Здравствуй, друже!”», это Вы так обращаетесь к мужу?». «Да, мы так всегда друг к другу обращаемся, самое главное, что мы можем сказать друг другу – друже». И мы поняли, что эту силу никогда не смогут сдвинуть и перемешать никакие бетономешалки. Действительно, он был с ней до самого конца. У нее было очень редкое заболевание – рак паращитовидных желез. Она постоянно должна была находиться на диете и несла свою чудовищную профессиональную нагрузку, будучи тяжело больной женщиной. Она долго наблюдалась у врачей, Диагноз тогда, наверное, еще не умели быстро ставить, это сейчас уже наловчились. Тогда же просто не могли разобраться в симптоматике. Неизлечимо больная, она была в экспедициях и старалась там есть пищу полегче, чем все остальные. Ей постоянно хотелось есть, и это было очень тяжело.

Последний раз я ночевала с ней в гостинице в 1970 году, в Таллине, там проходил

Международный финно-угорский Конгресс. Позади уже были неудачные операции, и мы знали, что скорее рано, чем поздно, все кончится. Она старалась этого не показывать. Невыносимо было думать, что скоро не увидишь это милое улыбающееся лицо. Она все как-то желтела, съеживалась, но даже намеком никогда не затрагивала тему здоровья. Никто бы поверить не смог (если бы не знали), что она тяжело больна.

Рис. 4. 1970. Финно-угорский международный Конгресс в Таллине. М.С. Акимова с Г.Л. Хить

Ее муж, который тоже приехал на Конгресс (поскольку ее нельзя было уже отпустить одну), весь сиял, когда видел, что она выходит после заседания. Сами знаете, как бывает, сидишь там с утра до ночи. Ей же нужно было выдерживать строжайший режим и принимать кучу лекарств. Хотя какой там режим? Хорошо, если удастся ночью пять-шесть часов поспать, потому что кругом коллеги – надо и хочется общаться. А у нее все были знакомые: антропологи, археологи, этнографы, лингвисты – ее просто растаскивали на части. Он подходил и выдирает ее из компании, говоря: «Машенька, тебе пора уже отдохнуть немножко». Он, как сиделка, не спускал с нее глаз. Он потом рассказывал, что чуть с ума не сошел, когда приблизился конец. Потому что все это происходило у него на глазах и было невыносимо, но он, все же, не отдал ее в больницу. Научился инъекции делать сам. И когда все кончилось, он заплакал и сказал: «Слава Богу! Отмучилась».

Кандидатская диссертация М.С. Акимовой была на тему Балановского и Фатья-

новского могильников. Там ей впервые удалось доказать, что носители обеих культур имеют различное происхождение и принадлежат к разным антропологическим типам. Докторскую М.С. Акимова не защитила. Она была достаточно хорошо обеспечена и не была честолюбивым (в смысле карьеры) человеком. Именно потому, что самое главное у нее было: была любимая работа, любимый муж, с которым в последние годы жизни она все-таки воссоединилась; был достаток. И тратить драгоценное время, драгоценные остатки здоровья на то, чтобы поднимать эту машину докторской диссертации... Хотя то, что она сделала – это по-настоящему и есть трижды докторская диссертация.

Она одной из первых стала проводить комплексные экспедиции. Мария Степановна практически все время занималась Поволжьем и Приуральем. На примере башкир она показала, как надо обследовать народ, если занимаешься его этногенезом: в ее программе были дерматоглифика, серология, краниология, одонтология, остеология и соматология, – все мыслимые тогда направления.

В конце жизни она выпустила итоговую работу – монографию «Антропология древнего населения Приуралья», без которой не обходится ни один специалист, изучающий происхождение народов Поволжья и Приуралья.

Мария Степановна руководила и непосредственно сама участвовала в работе. Так, она сама брала отпечатки, если не было свободного лаборанта. Сбор материала происходил в основном за счет практики у студентов: они копали, набирали опыт и одновременно собирали научный материал. Бывала и очень большая нагрузка: один отряд копает могильник, а другой исследует живых людей. Тогда ей приходилось, помимо соматологии, брать еще и дерматоглифику.

В один из таких напряженных сезонов Мария Степановна, помимо башкир, еще изучила манси и хантов. Она выбралась в Западную Сибирь, оставив на время свой отряд, и работала одна, а отпечатки потом дала и мне посмотреть.

Это была удивительная женщина. Знаете, бывает так: есть громкие имена, а когда поскребешь немножечко их работы, то видишь, что, пожалуй, слишком громкие: сделано не очень много, либо не очень качественно, либо допущено столько натяжек, что вся эта красивая конструкция при ближайшем рассмотрении рушится или шатается. Мария Степановна была совершенно другая. Это был абсолютно искренний человек. Все, что она делала, было высокого качества. Ее цифрам (любым!) можно доверять, потому что она сама привыкла студентов проверять на каждом шагу и выработала в себе такое отношение к материалу.

Рис. 5. 1970. Финно-угорский международный Конгресс в Таллине. К.Ю. Марк, Т. Тот (Венгрия) и М.С. Акимова.

Среди крупных имен в антропологии эту скромную женщину редко упоминают, а на самом деле, если разобраться в истории изучения Волго-Камья, в истории происхождения уральской расы, то окажется, что с ней наравне стоит только Карин Марк, которая подняла такую глыбищу, как антропология **всех** финно-угров Евразии. У Марии Степановны тот же масштаб, но многообразнее материалы, особенно по башкирам. У нее были далеко идущие планы по изучению других народов, но она, увы, просто не успела.

Изучать современное население Поволжья она начала с башкир, и это было не просто. Например, дерматоглифические, одонтологические материалы собрать легче, так как обследуются дети, которых всегда легче организовать. В соматологии нужны взрослые мужчины определенного возраста для сохранения возрастной пирамиды. В послевоенной стране, где выбиты младшие возрасты, за одним-двумя молодыми или не очень молодыми людьми приходилось бог знает куда ехать. И Мария Степановна сделала свое дело, свой участок работы. По тому труду, который она вложила, по ценности материала, который она собрала, по абсолютной незыблемости выводов, остающихся актуальными столько времени после этих исследо-

ваний, она вполне заслуживает того, чтобы в первом ряду антропологических имен называлось и ее имя. Вся беда в том, что она была слишком скромна, никогда не пользовалась ничьим покровительством, и все, что она сделала, она добыла своими собственными силами. Как человека скромного, ее часто забывали, когда речь шла об оценке заслуг.

Рис. 6. 1970 год. Портрет
М.С. Акимовой. Финно-угорский
международный Конгресс в Таллине

Но когда речь шла о материале и выводах, тут уж, независимо от личного отношения, все понимали, что акимовский материал – перво-классный. В каких угодно материалах можно сомневаться, но с Марией Степановной ничего конфузящего, компрометирующего ее имя, даже быть не могло.

Многие говорили Марии Степановне, что все ее материалы надо соединить, написать, а она отвечала, что вот это еще надо сделать, и еще вот это, а потом уже все, – не хватило сил. Надо сказать, что она была очень мужественным человеком, ни в какие истерики не впадала, абсолютно стойчески шла к своему концу. У нее не осталось никаких черновых рукописей, никаких недоделок. Она смогла расчитать свои силы и все привела в идеальный порядок. Комиссии по оформлению ее архива, которую возглавляла Верочка Юровская, там делать было нечего. Все уже было в отдельных папках, рукописи она все довела до конца, новых не начинала. Это просто редчайший и высокий пример для подражания.

Я думаю, такие скромные люди – это основные движители науки. И знакомство с этими людьми, и существование с ними рядом, плечо к плечу, не только украшает жизнь. Эти люди заставляют верить в человечество, в человека. Потому что столько видишь примеров отрицательного свойства в научном смысле, в этическом смысле, в человеческом смысле, – в каком угодно! Ведь все живые люди – и разные... Прошло столько лет, и пора бы многое забыть, – но только не эту удивительную женщину. Потому что на таких людях и вправду, стоит земля. Помните «Матренин двор» Солженицына? Вот на таких праведниках все и держится.

G.L. Heet. Remembering Maria Akimova.

16–17 October 2014 Center for Physical Anthropology of IEA RAS held a conference «Dedicated to the memory ...» to remember the many of gone but not forgotten anthropologists, who made significant contribution to the development of the physical anthropology. Article is a short version of the interview of G.L. Heet given to Polit.ru about the outstanding Russian anthropologist Maria Akimova (1915–1971), who studied the peoples of the Volga and Ural regions.

Keywords: *physical anthropology, M.S. Akimova, the peoples of the Volga and Ural regions.*

ДЛЯ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ

УДК 930.2

© Г.Г. Громов

МЕТОДИКА ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ. ЧАСТЬ 2*

Некоторые правила ведения и хранения полевых документов

Материалы, собираемые в ходе полевых исследований, фиксируются в различных полевых документах. Записи бесед с информаторами, анкеты, описания различных явлений, рисунки, чертежи, выкройки, планы – все это исторические документы, ценность которых со временем возрастает все более. Историкам полевые документы говорят не меньше, чем «дела» архивов. Поэтому правильное оформление и составление полевых документов имеют первостепенное значение. К числу основных полевых документов относятся: полевые тетради, экспедиционные дневники, анкеты, графические материалы, фотоматериалы и киноплёнки.

Полевые тетради нумеруются (каждый лист). Вырывать листы из полевой тетради, особенно исписанные, ни в коем случае нельзя. На первой или последней странице тетради указывается количество пронумерованных листов. Каждый участник делает записи только в своей личной полевой тетради. Вести запись в чужих тетрадях не стоит, так как это вносит большую путаницу в процесс их последующей обработки и правки.

Записи в полевой тетради ведутся на одной стороне листа: это удобно при работе.

Запись каждой новой беседы с информатором начинается с новой страницы. Вначале указываются: место записи, основные данные об информаторе, кто вел запись беседы и дата записи. Для единообразия можно рекомендовать следующие стандартные «шапки» – заголовки:

Место записи: область, район, сельсовет, селение	От кого получены сведения или что описывается; фамилия, имя, отчество, возраст, профессия. При описании вещей – данные об их владельце. При описании обрядов и т.п. – данные об участниках	Кто вел опрос и запись, дата записи (если беседа была с переводчиком, кто переводил)
--	--	--

Иногда, если это нужно, в таких шапках дополнительно выделяют графу о национальности (в многонациональных районах), принадлежности к той или иной этнографической, профессиональной и иным группам.

* Вторая часть учебного пособия Г.Г. Громова Методика этнографических экспедиций. М.: Изд-во МГУ, 1966.
Первая часть опубликована в журнале Вестник антропологии, 2015. № 1 (29).

Записывать нужно по возможности четко, ясно. Если это не удастся во время беседы, то сразу же после нее записи должны быть перечитаны, поправлены, все сокращения расшифрованы, незаконченные фразы дописаны и т. д. Уже в поле запись должна быть приведена в такой вид, чтобы впоследствии не могло возникнуть разночтений и неясностей у тех, кто будет этими записями пользоваться.

Запись беседы в полевой тетради полезно дополнить характеристикой как самого информатора, так и полученных от него сведений. Все исправления, дополнения и уточнения делаются в полевой тетради только ее владельцем и только во время полевой работы. Всякие добавления и приписки, сделанные другими лицами или после окончания полевой работы – грубейшее нарушение правил ведения полевых документов, которое резко снижает, а то и совсем обесценивает документальность полевых записей.

Экспедиционные дневники ведутся как и обычные дневники. Страницы дневника также должны быть пронумерованы. Перед каждой записью указывается дата и место записи. Записи нужно стремиться делать ясным, разборчивым почерком. Экспедиционный дневник – научный документ и следует избегать вносить в него записи личного, интимного свойства: потом не всегда легко их выделить из записей научного характера, может даже возникнуть необходимость специально переписывать дневник.

Анкеты, рассылаемые этнографическими учреждениями на места, заполняются местным населением, и работа с ними фактически относится к «кабинетной» части этнографических исследований. Анкеты, которые заполняются самими этнографами в поле, прежде всего должны заполняться аккуратно и четко, с наибольшей полнотой. Лучше, если анкеты имеют общую нумерацию, установленную заранее для всех анкет, и нумеруются в порядке заполнения. В последнем случае, чтобы не путать анкеты, заполненные разными исследователями, каждый из работников ставит на анкете свой личный шифр.

Очень важно уже в полевых условиях правильно систематизировать заполненные анкетные бланки, чтобы не получилось путаницы при их обработке. Для этого анкеты по каждой обследованной группе хранят в отдельных пачках, при необходимости вводя дополнительную нумерацию таких пачек. Как и остальные готовые полевые материалы, анкеты при первой возможности отсылают в научное учреждение. Учитывая то, что анкеты обрабатываются при помощи математических методов, особенно важно соблюдать при их заполнении, систематизации и хранении в полевых условиях точность и аккуратность.

Подсобные анкетные материалы, несмотря на их служебную роль, также полезно сохранять в числе полевых материалов: они могут еще пригодиться при «кабинетной» обработке экспедиционных материалов.

Графические материалы (рисунки, чертежи, выкройки, копии и т. п.) снабжаются легендами, где указываются основные сведения о месте их исполнения, о владельце вещей или объектов, делаются необходимые пояснения. Не стоит эти сведения записывать в особую тетрадь. На чертеже или рисунке всегда найдется место для такой записи на его лицевой или оборотной стороне. Каждый лист графических материалов должен иметь порядковый номер исполнения и шифр экспедиции. Место расположения номера и шифра должно быть определенным для каждой экспедиции (например, правый верхний угол рисунка, чертежа).

Хранение полевых документов в экспедиционных условиях. Полевая тетрадь и дневник находятся в постоянном пользовании и хранятся в планшете или сум-

ке сотрудника экспедиции. Законченные тетради отсылают по почте в то научное учреждение, от которого послана экспедиция (лучше не рисковать, не возить их с собой: можно и потерять). Для страховки, на случай потери, на первой странице дневника или полевой тетради пишут адрес того учреждения, куда нашедший должен переслать тетрадь.

Рисунки, чертежи и прочие графические материалы хранятся в специальных папках. По мере накопления этих материалов их также следует отсылать к месту основной работы сотрудников экспедиции.

Фото пленки по почте пересылать хлопотно. Поэтому их возят с собой до окончания экспедиции. Это совсем не обременительно. Нужно только проследить, чтобы упаковка экспонированных пленок была тщательной и надежной.

Методика и практика работы в поле

Практическая методика этнографического изучения культуры и быта народов весьма разнообразна. В настоящем кратком изложении невозможно перечислить даже небольшую часть тех методических приемов, которые применяются в этнографических экспедициях. Уровень развития народной культуры, проблема и тематика экспедиции, степень подготовленности участников работы, состояние изученности тем – все это и многое другое определяют выбор методики изучения и приемов работы в каждой экспедиции.

Этнографы в полевых условиях имеют дело с живой, постоянно меняющейся действительностью. Невозможно заранее предусмотреть все разнообразие явлений, подлежащих изучению в экспедиции. Нельзя рекомендовать приемов и методов, годных на все случаи жизни. В зависимости от конкретных условий работы приходится подбирать наиболее эффективные способы изучения, а то и создавать новые приемы и методы. Только творческий подход к методике изучения позволяет успешно решать задачи, встающие перед этнографами во время полевой работы.

Ниже приводятся общие методические указания и перечисляются основные практические приемы полевой работы, выработанные советской этнографической наукой. Методика изучения излагается по разделам, соответственно основным явлениям народной культуры, которые наиболее часто становятся объектами этнографических полевых исследований. В число таких явлений входят, по нашему мнению: хозяйство; поселения; жилище и хозяйственные постройки; одежда, обувь и украшения; утварь; пища; общественные отношения и общественный быт; обряды, верования, игры, танцы, устное народное творчество. В действительной жизни названные стороны жизни народа существуют не изолированно друг от друга, но в тесной взаимосвязи и переплетении. Поэтому, изучая, например, поселения и жилище, этнографы одновременно узнают об особенностях общественной организации и семейных отношений в данной местности. Или, изучая одежду, знакомятся тем самым с местными обрядами и поверьями, выясняют некоторые важные черты общественных отношений и т. д. Поэтому принятое здесь деление методических приемов соответственно основным сферам народной культуры следует рассматривать лишь как условное деление, принятое для удобства изложения. Условность такого деления еще более подчеркивается тем, что сходные методы и способы изучения и фиксации явлений применяются нередко при изучении разных областей народной культуры.

Хозяйство

Производственная деятельность человека – основа всей его жизни. Характер производства, особенности экономики оказывают в конечном счете определяющее влияние на все стороны человеческой культуры.

Современное хозяйство в большинстве областей земного шара или прямо строится на промышленной основе, или находится под сильным влиянием индустриальных методов экономики. Глухих уголков, где бы сохранялись примитивные способы ведения хозяйства, с каждым годом становится все меньше и меньше. Этнография не может и не берет на себя задачу изучать современное развитое индустриальное хозяйство. Для этого существуют специальные науки. Однако в задачу этнографии входит изучение тех отраслей экономики и тех хозяйственных занятий населения, где до сегодняшнего дня сохраняются простейшие приемы производственной деятельности, отсталые формы и методы хозяйствования. Изучение такого рода хозяйственных занятий имеет большое значение для познания истории человечества, для понимания механизма исторического прогресса.

Хозяйство – сложный, но единый процесс и рассматривать его должно лишь как одно целое. Для правильного понимания особенностей местной экономики нужно сперва определить главное, основное направление хозяйственной деятельности населения, ту область хозяйства, которая служит основным источником средств к жизни. Именно эта основная отрасль хозяйства и является определяющей для остальных областей культуры и быта населения. Но на земле нет народа, который бы занимался только земледелием, только рыболовством, только охотой или только собирательством. Наряду с главным занятием, главной отраслью хозяйства всегда существуют и другие, дополняющие его виды хозяйственной деятельности народа. Так, земледельцы занимаются также скотоводством, рыболовством, собирательством, охотой. Скотоводы охотятся и собирают дикие растения и т. д. При этом между всеми сосуществующими отраслями экономики вырабатывается тесная взаимосвязь. Поэтому важно определить не только главное, основное направление хозяйства, но и «второстепенные» занятия, а также соотношение между основной и дополнительными отраслями.

При этом, конечно, для этнографа имеет значение не только экономическое соотношение отраслей хозяйства в данный момент, но и динамика этого соотношения в истории изучаемого народа. Для выявления этой динамики этнограф привлекает различные исторические источники: архивы, данные экономической статистики, материалы археологических исследований и многое другое.

Приступая к изучению хозяйства народа, необходимо прежде всего хорошо знать географические условия его существования. Климат и качество почв, растительность и животный мир, гидрография, пути сообщения, наличие или отсутствие вблизи развитых экономических центров – все это оказывает большое и разностороннее влияние на хозяйственную жизнь местного населения. Участники экспедиции должны изучить физическую и экономическую географию района обследования еще в период подготовки экспедиции, хотя, как это вполне естественно, в ходе полевой работы приобретенные заранее знания уточняются и дополняются. Полезно не только наблюдать эти условия, но и стремиться подкрепить их цифровыми данными и расчетами (расстояния до экономических центров и т. п.). В некоторых случаях именно влияния извне, распространяющиеся по различным экономическим каналам, определяют во многом облик местного хозяйства. Так, например, развитие

пушного промысла в Сибири или в Канаде было вызвано в свое время не столько местными потребностями, сколько резко возросшим спросом на пушнину в далеких экономически гораздо более развитых странах.

Изучение географических условий дает сведения и об основных культурных и диких растениях, находящихся в хозяйственном обороте, о домашних и диких животных, являющихся объектами разведения или охоты. Некоторые особенности хозяйства определяются прежде всего географическими условиями.

Хозяйство как объект этнографического обследования изучается как стационарно, так и экспедиционным методом. Выбор той или иной формы полевых исследований зависит от степени изученности хозяйства данного народа и от задач экспедиции. Если необходимо изучить полностью производственные циклы, растягивающиеся на длительные сроки (год и более), эффективнее стационарное обследование. В остальных случаях вполне оправдывают себя кратковременные экспедиции.

Основными видами полевых работ при сборе материалов по хозяйству являются опрос населения, личные наблюдения за хозяйственными процессами, фиксация вещественных элементов: орудий труда, полуфабрикатов и т. п.

Орудия труда – один из важнейших элементов хозяйственной деятельности, и им в полевой работе этнографа уделяется большое внимание. Изучая ту или иную отрасль хозяйства, необходимо собрать материал обо всех орудиях труда и приспособлениях, с помощью которых ведется работа. Для каждой отрасли ведь характерны целые серии орудий.

Прежде всего этнограф должен тем или иным способом зафиксировать изучаемые орудия. Наиболее рациональный и быстрый прием – масштабное фотографирование. Для определения размеров орудия по снимку во время съемки рядом с фотографируемым объектом кладут либо специальную масштабную шкалу, либо какой-либо предмет, размеры которого известны (коробок спичек, карандаш и т. п.). Фотографируют орудия труда так, чтобы были видны их форма и конструкция, отдельные составные части и места их соединения между собой. Если в этом есть необходимость, делают несколько снимков с разных сторон или в разных ракурсах.

Более трудоемким, но зато более точным приемом является черчение или масштабное рисование. Для этого, обмерив орудие труда по основным параметрам, изготавливают чертежи орудия с точным указанием

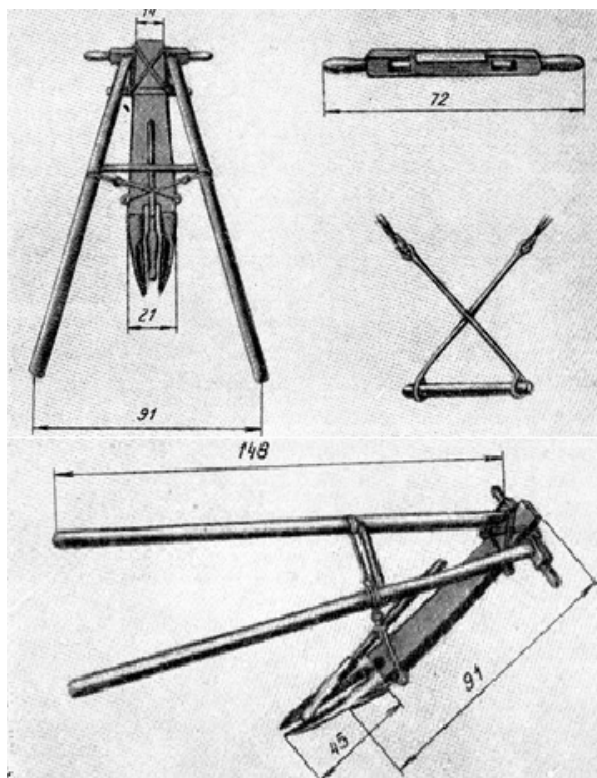

Рис. 1. Чертеж-рисунок сохи
(по И.А. Лейнасаре).

всех размеров. Можно ограничиться эскизом орудия и на нем проставить основные размеры. Такие чертежи могут потом стать основой для изготовления музейных моделей, для математических расчетов и т. п. (рис. 1).

Если орудие сложное, важно выяснить и зафиксировать принципы взаимодействия его составных частей. Последнее не всегда удается с помощью фотографии или зарисовки. В этом случае составляют схемы действия, чертят разрезы орудия труда и т. д. С помощью самого простого рисунка удастся выполнить и еще одну важную работу – записать название частей орудия. На эскизе легко проставить все необходимые названия, что позволяет избежать многословных описаний.

Статическое изображение орудия не дает о нем достаточно полного представления. Поэтому изучение и фиксацию орудия правильнее производить, когда орудие находится в работе. Фотографирование орудия в процессе труда позволяет запечатлеть принципы его действия, получить серию фотографий с последовательно заснятыми основными стадиями рабочего процесса. Если фотографирование почему либо невозможно, хорошо составить графическую схему действия орудия на различных этапах работы.

Очень полезно собирать модели или сами орудия труда, а также другие предметы, связанные с хозяйственной деятельностью. Модели, изготовленные местным населением, всегда точно отражают соотношение деталей и частей, а также местные особенности орудий, давая наглядное о них представление.

Не меньшее значение имеет изучение организации производства и технологии производственных процессов. Изучение организации производства начинается с обследования производственных циклов. Для этого изучают всю последовательность работ в данном производственном цикле, начиная от подготовительной стадии вплоть до получения конечного продукта.

Так, изучая гончарное производство, сначала исследуют порядок заготовки сырья, затем приемы приготовления глиняной массы («теста») и формовки посуды и, наконец, способы ее сушки, обжига, отделки (раскрашивания, глазурирования и т. п.).

Все стадии производственного процесса фиксируются в том порядке, в каком они следуют друг за другом в действительности. Конечно, лучше всего, когда изучение производственных процессов ведется путем непосредственного наблюдения. Тогда этнограф получает возможность прибегать к различным приемам фиксации: описанию, фотографированию или киносъемке последовательных стадий производственного процесса, записи состава веществ и сырья и т. д. Достаточно полные сведения можно получить и путем опроса тех информаторов, которые хорошо знакомы с данным производством, а затем дополнить опросные сведения материалами обследования орудий труда, образцов сырья, полуфабрикатов и др. Изготовленные образцы и полуфабрикаты – прекрасные экспонаты для музеев, пригодные и для дальнейших научных исследований.

Изучение производственных циклов дает представление о системах земледелия, способах скотоводства и рыболовства и т. п. Но в жизни отдельные циклы связаны между собой. Рабочее время населения распределяется между теми или иными работами в определенной последовательности. В результате отдельные производственные циклы сплетаются, увязываются между собой в общую систему хозяйства. Для выявления таких взаимосвязей лучше всего тщательно изучить местный календарь. У каждого народа в зависимости от образа его жизни и занятий издавна сложился свой календарь, определявший последовательность хозяйственных работ, регулировавший взаимосвязи между отдельными отраслями хозяйства. Поэтому знание на-

родного календаря серьезно помогает изучению хозяйства, особенно тех его форм, которые бытовали в прошлом.

Экономика, хозяйство – одна из самых подвижных и изменчивых сторон жизни человека. Нередко оказывается, что современный облик хозяйства сложился в недавнем прошлом (сравнительно недавно, например, произошел переход к развитому земледелию у большинства башкирского народа).

Но развитие хозяйства всегда происходит неравномерно. Одни занятия и одни отрасли развиваются быстро и постоянно, другие, наоборот, долгое время продолжают сохранять прежние формы, почти не претерпевая изменений. Наиболее консервативными, малоизменяющимися являются не главные, не основные отрасли хозяйства данного народа, а те, которые в значительной мере утратили свое экономическое значение и стали второстепенными, дополнительными источниками существования или даже превратились в любительские занятия и развлечения.

Однако привычки, сформировавшиеся в условиях старого хозяйственного уклада, долгое время оказывают значительное влияние на культуру населения. Хотя основной род занятий, основное направление хозяйства изменилось, до поры, до времени в той или иной степени сохраняются и старые навыки и особенности культуры. Благодаря этому любимые занятия населения (например, особая любовь к коневодству) могут служить указанием на возможное преобладание в прошлом тех или иных отраслей хозяйства.

Как раз при изучении ныне второстепенных отраслей хозяйства мы сталкиваемся обычно с трудовыми навыками и приемами, выработанными в далеком прошлом. Так, наряду с индустриальными методами рыболовства в промысловых районах и сейчас можно еще кое-где встретить лов рыбы с помощью верш, острог и прочих примитивных снастей, которые унаследованы нами еще от рыболовов каменного века. Эти снасти и связанные с их употреблением приемы встречаются там, где рыболовство является дополнительным, второстепенным занятием населения или бытует в качестве любительского развлечения.

Постоянное развитие производства приводит к быстрому вытеснению устаревших навыков в главных отраслях хозяйства. В то же время в области второстепенных занятий или в «домашнем» приусадебном хозяйстве приемы прошлого сохраняются значительно дольше. Так, там, где одежда давно уже шьется из покупных фабричных тканей, для выделки половиков могут еще применять ручные ткацкие станки. Поля в колхозе обрабатывают с помощью самых современных машин, а приусадебные участки – мотыгой или сохой. Подобное сохранение старых приемов и форм хозяйственной деятельности во второстепенных отраслях хозяйства позволяет этнографу в современных условиях изучать элементы хозяйства прошлого не только по рассказам информаторов, но и по бытующим еще орудиям труда, хозяйственным приемам и т. п.

Изучение хозяйства дает богатый материал для определения общественной организации производства. В труде люди выступают организованно, выполняя определенные обязанности по отношению друг к другу.

Нередко такая организация прочно закрепляется традицией и превращается в обычай. В современной промышленности разделение труда по полу играет большую роль, но в быту многих народов все еще сохраняются пережитки древнего разделения труда между мужчиной и женщиной. Так, приготовление пищи, стирка, шитье одежды считаются «женским делом». С другой стороны, женщины редко занимаются охотой и рыболовством и т. д. Изучая подобные обычаи, этнографы как бы проникают в прошлое, узнают особенности организации хозяйства в прошлом.

О прошлой организации труда немало говорят этнографу и обычаи соседской взаимопомощи, общественные формы труда и т. д. и т. п. Изучение этих особенностей требует внимательного наблюдения за строем жизни и быта местного населения. При изучении общественных форм труда (например, коллективных работ при постройке дома, облавной охоты, рыбной ловли артелью) полезно составлять схемы производства этих работ, подробно описывать их, фотографировать или производить киносъемку последовательных этапов этих работ. Путем опроса выясняются права и обязанности участников общественных работ, характер распределения между ними продуктов общего труда, формы разделения труда и т. д.

Древние приемы и навыки труда нередко сохраняются и в обрядовой жизни. Так, обычай добывать «чистый», «святой» огонь трением, опахивание деревень во время эпидемий сохой, запряженной людьми, и некоторые другие магические действия и обряды, существовавшие у русских крестьян в XIX в., как бы консервировали приемы труда, давно исчезнувшие из повседневной практики.

Несколько иные задачи стоят перед этнографами в связи с изучением современности. Не вдаваясь в суть технического прогресса, этнографы в этом случае изучают лишь, как именно влияют экономические процессы на жизнь народных масс. Так, например, они изучают, как влияет развитие колхозного хозяйства на динамику личных доходов колхозников и поступлений в фонды общественного потребления, как влияют профессиональные условия труда на быт горняков, металлургов и т. п.

Поселения

Поселение – группа жилых и хозяйственных построек, сосредоточенных в одном населенном пункте, отражает многие стороны общественной организации. Изучение поселений позволяет собрать интересные данные об общественном строе, семейных отношениях, хозяйстве и других сторонах жизни их населения. Как явление материальной культуры, поселения отличаются известной консервативностью. Люди не перестраивают тех поселков, в которых они живут, ежегодно. Застройка и расширение поселений происходят сравнительно медленно, нередко подчиняясь тем принципам и традициям, в соответствии с которыми это поселение было основано. Достаточно сказать, что современный радиально-лучевой принцип планировки старой части Москвы возник из надобностей обороны еще в XIV–XVI вв., хотя и дожил до наших дней. Лишь самые новые районы Москвы застраиваются уже по новому принципу. Конечно, формы и принципы планировки сельских поселений изменяются гораздо быстрее, тем более, что большинство их возникло сравнительно недавно. Однако и сельские поселения часто долго хранят следы прошлых эпох, становясь тем самым надежным историческим источником.

Вообще говоря, форма и планировка поселений зависит от многих причин, выяснение которых составляет одну из первых задач этнографа. Велико влияние географических условий. Наличие и распределение источников питьевой воды, особенности рельефа местности, характер путей сообщения – все это влияет на расположение поселений на местности. В северных районах и сейчас поселения нередко располагаются вдоль берега реки рядами, лицевой стороной к реке.

Но географические условия не являются, конечно, решающим фактором. Гораздо большее значение имеют и имели в прошлом причины социально-экономические. В прошлом стремление обезопасить свою жизнь и имущество от врагов нередко за-

гоняло людей хоть и в неудобные, но выгодные в оборонном отношении места. Так возникали поселки в труднодоступных горных районах, на островах, среди болот, свайные поселения и т. п. Некоторые из подобных поселений продолжали существовать на старых местах и тогда, когда изменялись условия жизни, и уже не нужно было так усиленно, как раньше, заботиться об обороне. Нужды обороны оказывали определенное влияние и на планировку поселений. Так, например, круговой план поселений чаще всего встречается в тех районах, где в прошлом эти поселки укреплялись на случай нападений врага.

Но и социально-экономические факторы не неизменны. С ростом торговых связей, под влиянием широкого развития дорожных сообщений возникла, например, уличная планировка многих современных поселений в европейской части СССР. Не говоря уже о том, что именно капитализм породил крупные города, укажем на вызванное им распространение хуторской формы поселений в сельских районах Литвы, Латвии, Эстонии, Украины.

Особенно значительные изменения произошли в планировке сельских поселений после коллективизации: обособился единый хозяйственный центр – колхозная хозяйственная усадьба; в то же время сильно сократились число и размеры отдельных хозяйственных построек на каждом дворе, резко возросло благоустройство поселков и т. д.

Приступая к изучению поселения, необходимо установить, хотя бы приблизительно, его возраст. Определение возраста поселения возможно как по документальным данным, если таковые есть (списки населенных мест, упоминание поселения в летописях и других документах и т. д.), так и по данным полевых наблюдений. Предания и рассказы местного населения, возраст церквей, мечетей и тому подобных архитектурных сооружений, их стилевые особенности, наличие датированных археологических памятников (курганов, могильников) – все это дает материал для определения возраста поселения.

Следует различать возраст поселений в целом и возраст отдельных его частей. В «старых» частях поселения скорее можно обнаружить следы более древних принципов организации поселений.

Для фиксации материалов о поселениях лучше пользоваться крупномасштабными картами или топографическими планами поселений. Они наиболее точны и не нужно тратить времени на самостоятельную съемку планов. Если карт и топографических планов нет, можно снять план поселения (не очень крупного), пользуясь простейшими приемами топографической съемки: способом прямой засечки из двух точек или способом обратной засечки по двум точкам (рис. 4). Производить мерную съемку планов (как это делают землемеры) в полевых условиях нецелесообразно. Иногда прибегают к фотографированию панорамы поселения с высокой точки (с колокольни, дерева, высокого холма). Для этого пользуются специальным панорамным фотоаппаратом. Если его нет, панораму можно отснять и обыкновенным аппаратом. В последнем случае, укрепив аппарат на штативе (если штатива нет, можно снимать и с рук), фотографируют крайнюю правую (левую) часть поселка и затем, сдвинув аппарат влево (вправо), фотографируют соседнюю часть так, чтобы правый (левый) край кадра заходил за левый (правый) край предыдущего кадра. Съемку продолжают, пока не будет отснято все поселение. Совместив и склеив все последовательные кадры (их обычно бывает 3–5), получают панораму поселения.

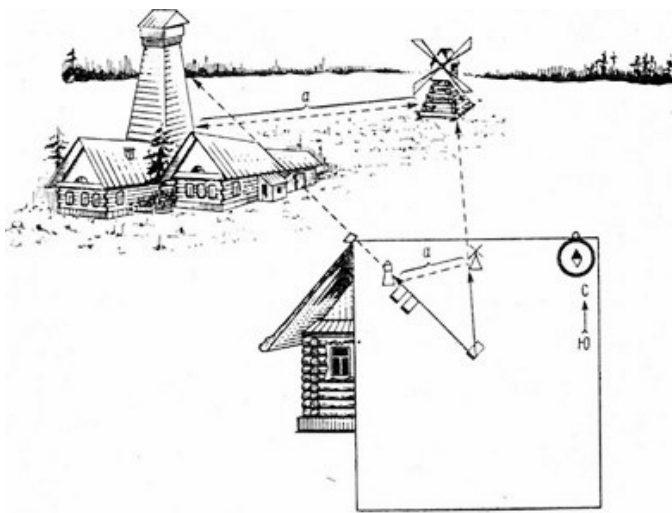

Рис. 2. Съемка плана поселения
методом обратной засечки

Для целей этнографа бывает достаточно и планов-схем, сделанных «на глазок». Зная планировку поселения, его расположение на местности, такой примерный план набросать нетрудно. При фиксации поселений необходимо точно указывать на плане страны света. При фотографировании следует особо пометить, с какой стороны производилась съемка.

Изучение поселений не ограничивается, естественно, фиксацией их планировки. Выясняются также принципы размещения групп

населения внутри поселения. Некоторые сведения об этом удастся извлечь из названий отдельных частей поселения. Нередко в них очень ярко отражается классовый состав жителей отдельных частей поселения («нищие» концы, «голодные» выселки и т. п.). В названиях может найти отражение и прошлый этнический состав поселения (Славенский конец в Новгороде) и др.

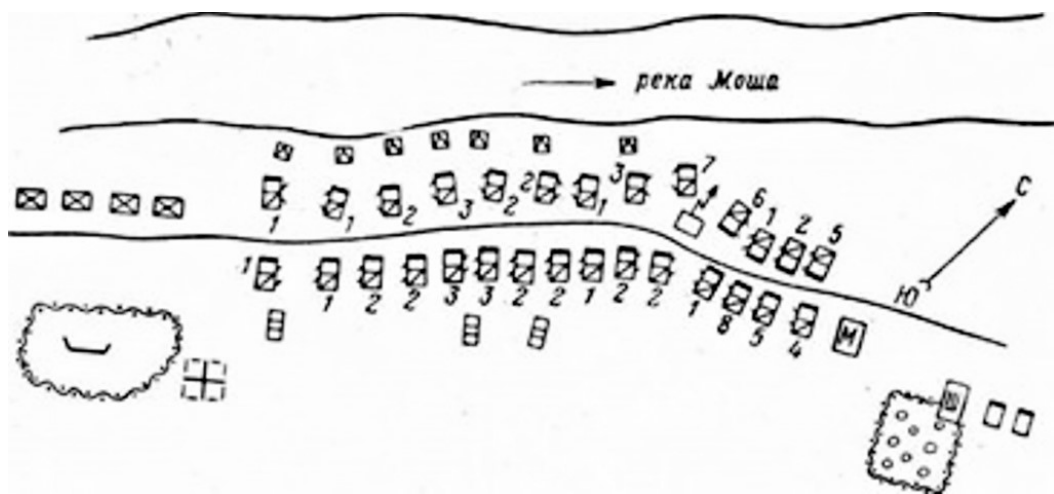

Рис. 3. Использование примерного плана поселения для определения размещения
родственных групп.

1 – Назаровы; 2 – Морщихины; 3 – Силины; 4 – Черных; 5 – Устюжины;
6 – Симоновы; 7 – Каледич; 8 – Осинские.

Иногда жители селились внутри поселения согласно родственному принципу: каждая группа родственных семей занимала отдельную часть поселка (патронимические или матронимические группы). В наши дни о родстве часто уже не помнят, но анализ фамилий, связей между семьями при взаимопомощи, выявление извест-

ного единства, общности между жителями одной части поселения, проявляющейся, например, в массовых играх, – все это помогает выявить такие группы родственных семей внутри поселения. Сведения о связях такого рода устанавливаются как при опросе информаторов, так и анализом документов, церковных метрических записей, похозяйственных книг сельских советов и др. Для фиксации подобных явлений полезно применять схемы планировки, на которые наносятся прослеживаемые связи между семьями. Часто, особенно при малодворных поселках, такие связи выходят за пределы одного поселения и охватывают целую группу поселений, расположенных поблизости. Анализ таких связей раскрывает не только интересные процессы освоения земли и расселения на местности, но и выявляет особенности семейных и родственных отношений.

Дополнительные материалы для обнаружения родственных гнезд в поселениях могут дать наблюдения за обрядами, за распределением участников в играх и т. д.

Изучение новых современных поселений выходит за рамки этнографии, так как и их проектировка, и их организация производятся специалистами по градостроению. Но этнографы могут оказать последним существенную помощь в деле учета местных традиций и привычек.

Жилище и хозяйственные постройки

Жилище в том или ином виде известно всем народам. Основное назначение жилища – обеспечить человеку нормальные условия обитания в различных географических условиях, защищать его как от неблагоприятных воздействий внешней среды, так и от многих других опасностей (нападений хищников, врагов и т. п.). С этой точки зрения особенности жилища зависят, с одной стороны, от географических или точнее экологических условий, с другой – от технических возможностей человека и степени развития его потребностей, его культурного уровня.

Однако функции жилища в обществе не исчерпываются сказанным. С жилищем тесно связана и разносторонняя производственная деятельность людей. Связь эта различна в разные исторические эпохи, но она почти всегда находила и находит отражение в характере и устройстве жилища и примыкающих к нему хозяйственных помещений. Даже в городе одна из основных отраслей человеческого производства – приготовление пищи – до сих пор в значительной степени осуществляется в пределах помещений, примыкающих к собственно жилью. Но особенно четко производственное назначение жилых помещений обнаруживается в сельской местности, где не всегда даже возможно отделить собственно жилые помещения от хозяйственных.

Характер и тип жилища неотделимы от социально-экономической структуры общества. Состав и количество построек, находящихся во владении одной семьи, размеры и качество этих построек, внутреннее убранство и удобства жилища – все это достаточно четко отражает социальную дифференциацию общества. Например, имущественная и социальная дифференциация русского крестьянства после отмены крепостного права сразу же обнаружилась в появлении «кулацких» типов домов: «пятистенков», «крестовиков», с одной стороны, и жалких тесных лачуг батраков и бедноты, с другой. Указанная особенность жилища делает его прекрасным дополнительным источником сведений по истории социальных отношений и общественной организации.

В особенностях жилища в той или иной степени проявляются и этнические особенности культуры. В условиях полунатурального крестьянского хозяйства в течение

ние многих столетий по традиции сохранялись определенные приемы строительства, принципы планировки зданий, назначение отдельных его частей и назначение построек в целом, приемы украшения жилищ и многое другое. Стойкость бытования этих традиционных приемов строительства и устройства жилища объяснялась не только их «пригнанностью» к определенным географическим и хозяйственным условиям, но и силой традиции, вследствие чего они продолжали бытовать даже тогда, когда вызвавшие их появления условия давно изменились (например, при переселениях на новые места). Этим, например, объясняется, почему в одной географической зоне с однородными природными условиями встречаются нередко различные типы жилищ. Национальное своеобразие жилища обнаруживается также в приемах его украшения (резьба, роспись, лепка), в характере орнаментов и архитектурных стилей. Подобные особенности жилых и хозяйственных построек, не связанные непосредственно с географическими или хозяйственными факторами развития жилища, достаточно последовательно отражают этническую принадлежность той или иной группы населения, способствуя тем самым исследованию этнических процессов.

При изучении жилища наиболее удобны маршрутные экспедиции. Во-первых, объект изучения «на виду» и нет необходимости в длительном пребывании на одном месте. Во-вторых, маршрутная экспедиция позволяет обследовать большое число жилищ.

Изучение жилища и связанных с ним хозяйственных построек следует начинать с определения жилого комплекса. У немногих народов, живших еще в условиях общинно-родовой организации, подобные обособленные комплексы отсутствовали, так как хозяйство общины обслуживалось зданиями и жилищами, общими для всего общинно-родового коллектива. С другой стороны, с развитием промышленности и городов произошло четкое отделение производственных площадей и зданий (фабрик, заводов и др.) от жилья: строительство промышленных объектов производится по проектам инженеров, а проектирование многоэтажных городских жилых зданий стало делом специалистов-архитекторов. Основные принципы городских жилищ разрабатываются специальным комплексом наук о градостроительстве, бурно развивающихся в последнее время. При этом градостроители учитывают и данные этнографии.

Однако негородское население и по сей день продолжает по преимуществу жить в поселениях, где наличие обособленных жилых комплексов не вызывает сомнений. Для большей части СССР в недавнем прошлом, а в сельской местности в какой-то степени и теперь, таким жилым комплексом является совокупность построек крестьянского двора. В него входили те жилые и хозяйственные помещения, которые были необходимы для ведения отдельного крестьянского хозяйства.

Жилой комплекс — чрезвычайно сложное и многоплановое этнографическое явление, и чтобы собрать о нем наиболее полные сведения, этнографы прибегают одновременно к нескольким видам полевой работы. Здесь и опрос населения, и описание жилищ, фотосъемка, обмеры построек и вычерчивание их планов, зарисовки и копирование архитектурных украшений и т. п. Значительное распространение в последнее время получил метод анкетного обследования построек.

Прежде всего определяют положение крестьянского двора в поселении: выясняют, сориентированы ли его постройки по отношению к странам света, к улице или к реке; зависит ли и в какой степени положение крестьянского двора от местных географических условий.

Затем переходят к изучению планировки двора. При этом, можно ограничиться составлением примерной схемы расположения построек на дворе, измеряя расстояния между ними шагами, но лучше, конечно, составить точный план всего двора, измеряя расстояния между постройками и размеры самих построек с помощью рулетки (к сожалению, готовых топографических или поселенных карт нужной подробности в распоряжении местных организаций не бывает). На схеме или плане легко затем записать назначение каждого строения. Следует также обратить внимание на общую площадь, расположение и характер земельных угодий в пределах крестьянского двора и на то, как эти угодья используются.

Очень важно также каждый раз, начиная обследование крестьянского двора, определить по возможности социальное положение его обитателей, выяснить их занятия – это нередко дает ключ к пониманию характера застройки двора.

Обмер и составление планов – основной прием фиксации материалов по собственно жилищу. Наиболее полным является измерение в трех разрезах: одном по горизонтали и двух по вертикали (поперечный и продольный). Несколько горизонтальных обмеров производят только в том случае, если здание состоит из нескольких этажей. Для обмеров пользуются рулеткой. Вначале замеряются общие размеры, в которые затем вписываются размеры отдельных деталей (окон, дверей и т. п.). План удобно чертить на листах «миллиметровой» бумаги. Если здания однотипны, нередко ограничиваются снятием горизонтальных планов, составляя лишь в нескольких случаях полные обмеры по всем трем разрезам.

Если здание имеет правильную прямоугольную форму, ограничиваются промером только двух перпендикулярно расположенных стен (противоположные будут тех же размеров), замеряя специально лишь проемы. Обмер значительно усложняется, если здание имеет неправильную форму и стены неодинаковой толщины. В таких случаях, чтобы получить точный план постройки, приходится прибегать к дополнительным построениям. Чтобы произвести обмер здания неправильной формы, его «вписывают» в правильную фигуру (прямоугольник). Для этого с помощью колышков и бечевки вокруг постройки фиксируют стороны определяющего прямоугольника, соответственно которому на плане чертят подобную же фигуру в избранном масштабе. Затем после-

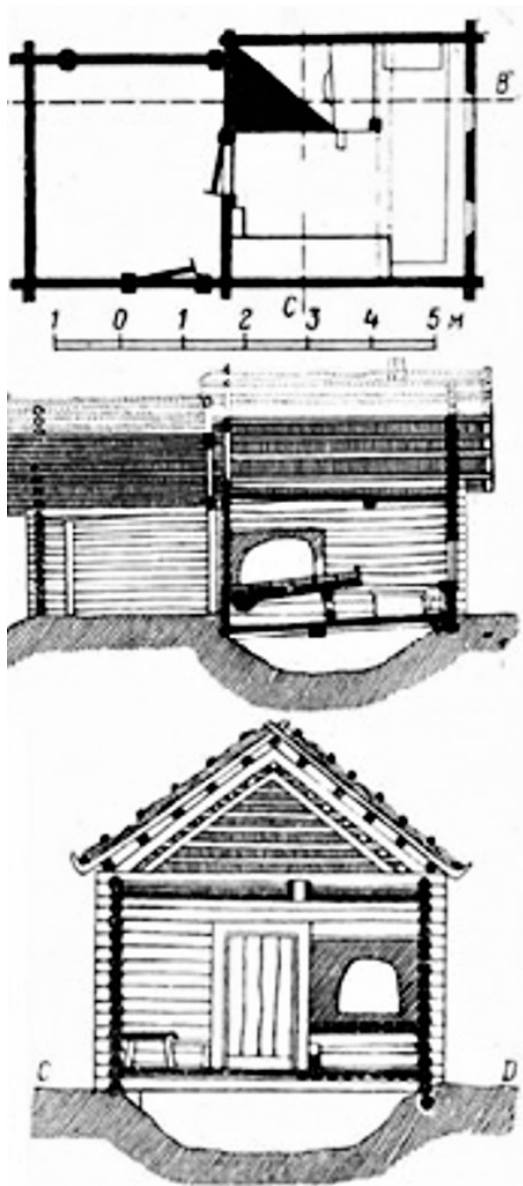

Рис. 4. План (вверху), продольный (в центре) и поперечный (внизу) разрезы избы (по К.А. Соловьеву)

довательно измеряют расстояние между вершинами построенной правильной фигуры и определяющими точками каждой стены (выступы, углубления и т. п.). Полученные расстояния (в масштабе) переносят на план. Так как каждый замер производится от двух вершин прямоугольника, то согласно теореме о подобных треугольниках соотношение точек пересечения различных линий на плане будет подобно соотношению точек стены. Соединив на плане точки измеряемой стены, получают ее точный контур. Определив таким образом одну стену, переходят к измерению второй, третьей и т. д. На окончательном плане будет изображен точный разрез замеренного здания (рис. 7, II).

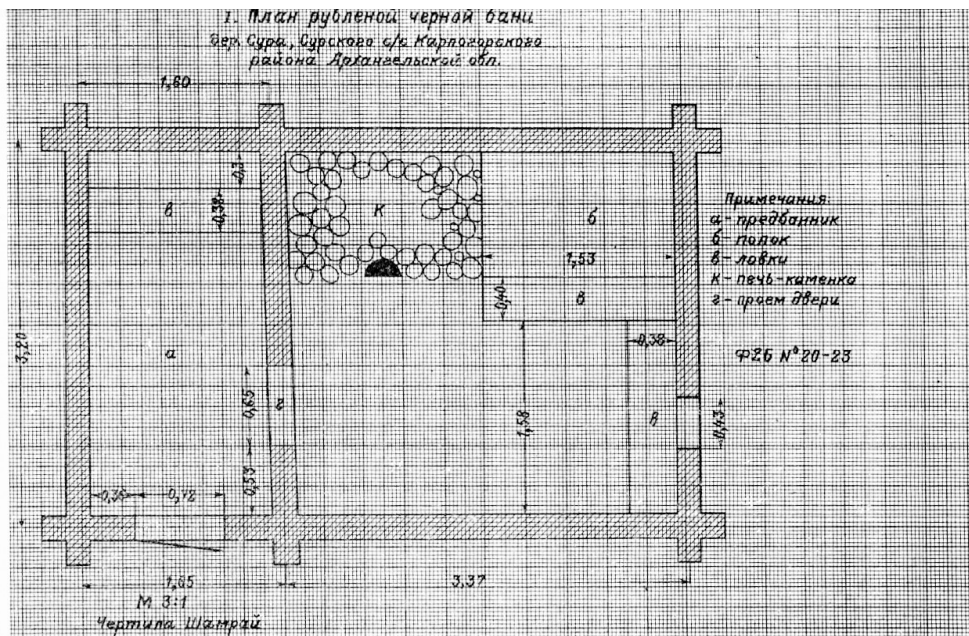

Рис. 5 (а). Черная баня (план). Чертила Г. Шамрай.

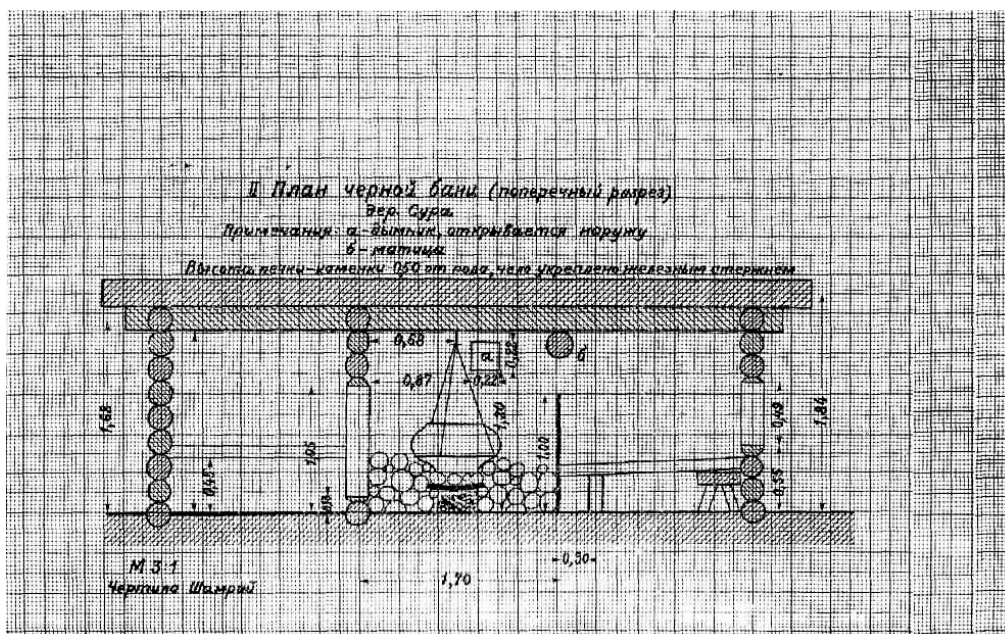

Рис. 5 (б). Черная баня (план). Чертила Г. Шамрай.

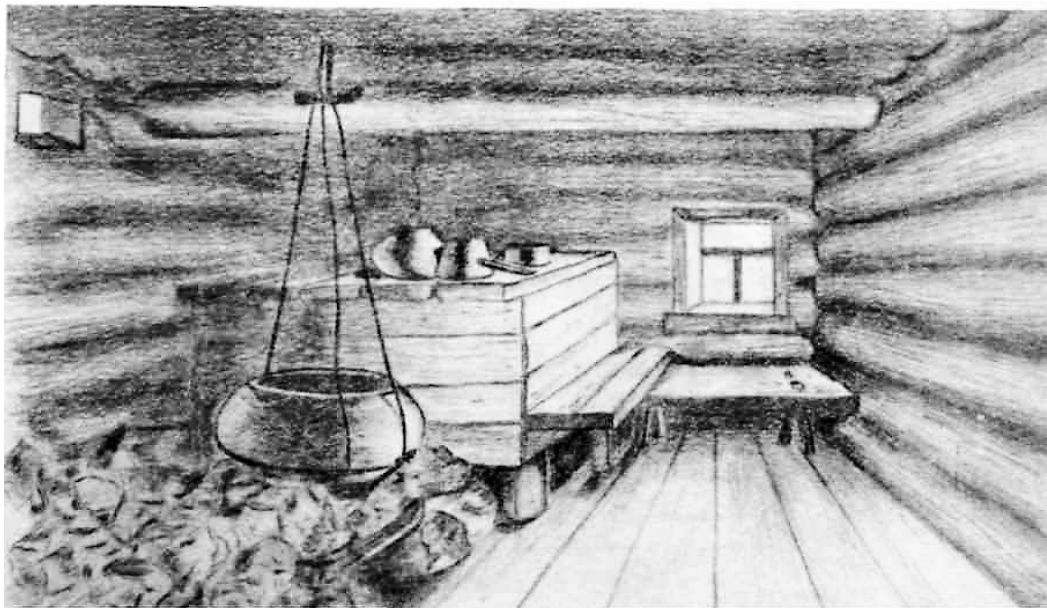

Рис. 6. Та же баня (общий вид внутри). Рисовала Г. Шамрай.

Если постройка имеет к тому же и стены неодинаковой толщины, то приходится помимо внешней фигуры строить внутри постройки дополнительную фигуру, стороны которой строго параллельны сторонам внешней. Обмеры в этом случае производятся не только снаружи, но и изнутри. Разность между внутренним и внешним контурами стен и будет показывать истинную толщину стен (рис. 7, III).

Для простоты, когда не требуется особенной точности, промеры производят не из двух точек вершин вспомогательного прямоугольника, а по прямым, которые перпендикулярны сторонам этого прямоугольника, точно отмечая каждый раз расстояние от вершины фигуры до точки замера (рис. 7, IV).

Нередко в постройках округлой формы, если есть для этого возможность, внутри такой постройки проводят базовую прямую и все замеры стен производят изнутри от этой прямой (промеры от двух точек или по перпендикулярам; рис. 7, I).

Полученный таким образом план постройки является основным базовым документом по изучению данного жилища. На этом плане проставляются также сведения о хозяевах жилища, о времени его возведения, о производившихся переделках, записываются названия отдельных частей и пр. Для пометок применяют надписи и условные значки. Нередко на этом же плане на его обратной стороне записываются и другие сведения, характеризующие это жилище (о мебели, о составе семьи и т. п.). Каждый из планов метится шифром экспедиции и получает порядковый номер исполнения. Здесь же указываются шифры пленки и номера кадров, на которых сняты виды этого жилища и его отдельных элементов.

Постройки лучше всего фотографировать при солнечном освещении, когда свет падает под углом сверху и несколько сбоку; это подчеркивает рельеф постройки. Аппарат следует располагать не прямо против здания, а с угла, так, чтобы были видны две стены постройки, что дает необходимую перспективу.

Украшения жилища фиксируют отдельно. Отмечают места их расположения, характер, кем исполнены и как, какой техникой. Резные украшения фотографируют или срисовывают. Росписи могут быть скопированы через кальку.

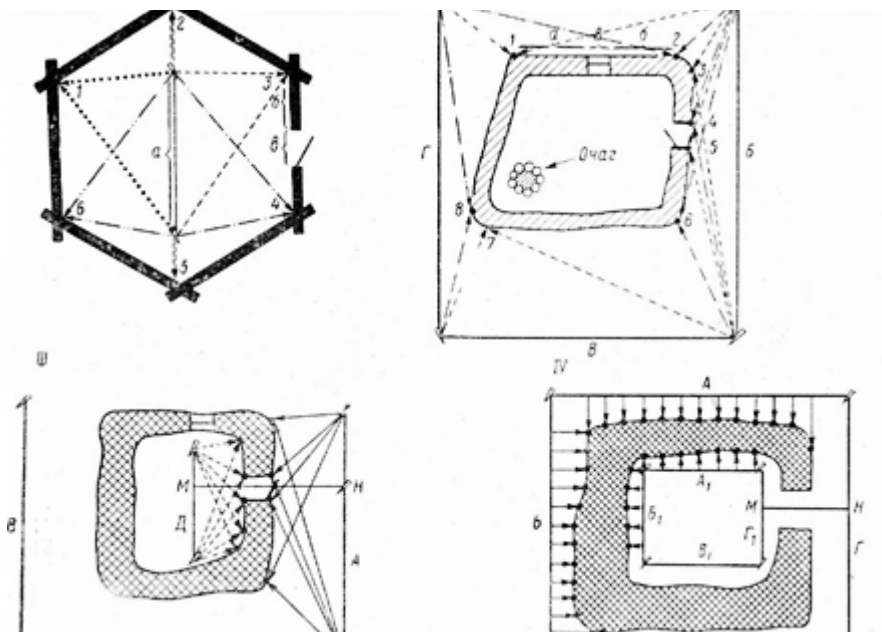

Рис. 7. Приемы обмера зданий сложной и неправильной формы.

I. Обмер внутренней части здания с помощью базовой прямой: а – базовая линия; б, в – замеры для определения положения двери; 1, 2, 3, 4, 5, 6 – точки замеров; пунктирные линии – линии замеров.

II. Обмер здания неправильной формы: А, Б, В, Г – веревки, натянутые на колышки, образующие прямоугольник; в который как бы вписано здание; а, б – замеры от точек 1 и 2 до края окна; в – замер окна; 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 – точки замеров; пунктирные линии – линии замеров.

III. Обмер здания со стенами неодинаковой толщины: А, Б, В – натянутые на колышки веревки, образующие три базовые линии вокруг здания; Д – базовая линия внутри здания; МН – связующая линия; сплошные стрелки – линии внешних замеров; пунктирные стрелки – линии внутренних замеров.

IV. Обмер здания со стенами неодинаковой толщины (упрощенный вариант): А, Б, В, Г – внешние базовые линии; А₁ Б₂ В₃ Г₄ – внутренние базовые линии; МН – связующая линия (через дверь); стрелки – замеры перпендикулярно базовым линиям

Мебель обычно на планах не отмечают, если только она не является частью постройки. Однако, если это необходимо, на плане можно показать размещение мебели, пользуясь условными обозначениями. Прочие особенности интерьера указываются в описании или фиксируются фотосъемкой. Для фотографирования интерьера пользуются специальными широкоугольными объективами или производят «панорамную» съемку обычным объективом.

Как и всякий другой элемент народной культуры, жилище следует изучать в его развитии. Прежде всего нужно определить возраст построек. Обычно это удастся сделать по материалам расспросов или по официальным документам (например, по хозяйственным книгам сельских советов). Изредка возникает надобность и в хронологически более глубоких изысканиях; тогда обращаются к исследованию исторических документов.

Этнограф всегда должен иметь в виду, что более архаичные строительные приемы применяются при сооружении зданий и построек временного характера или подсобных помещений. До сих пор на временных станах и ночевках строят землянки, шалаши, курные избушки, давным-давно вышедшие из употребления в постоянных поселениях.

Выбор строительных материалов, да и сами приемы строительства в значительной степени зависят от географических условий. Только современная эпоха индустриального строительства сводит это влияние к минимуму, но и сейчас на юге, например, здания бо-

лее легкого типа, чем на севере, не говоря уже о множестве специфических случаев. Не потеряла еще своего значения и экономическая целесообразность использования местных строительных материалов (например, дерева, самана, камыша, войлока и пр.).

В тесной зависимости от материалов, используемых в строительстве, находится и конструкция самих построек. В лесной зоне распространены срубные постройки, тогда как в степных безлесных областях в ходу глина, камень, солома, хворост и тому подобные строительные материалы. Однако и при одинаковых условиях встречаются разнообразные конструктивные приемы возведения построек. Это зависит как от хозяйственных занятий населения (в безлесных районах, например, есть и войлочные юрты скотоводов, и саманные дома земледельцев), так и от историко-культурных традиций (например, разные формы жилищ у арабов-кочевников и у монголов).

Знакомясь со строительными материалами, этнограф должен описать способы их добычи и приготовления, зафиксировать инструменты и приспособления, с помощью которых заготавливают эти материалы, записать их состав и последовательность технологических процессов их производства. Конструкции жилищ фиксируют, делая масштабные обмеры и составляя чертежи, фотографируя стадии возведения постройки. Описание конструкций построек следует вести единообразно, например, снизу вверх, т. е. начиная с устройства фундамента и кончая устройством кровли. Особое внимание обращают на способы соединения и крепления отдельных частей конструкции, специально зарисовывая или фотографируя эти строительные узлы.

Если изучается история жилища, особое внимание обращают на обряды и поверья, которые с ним связаны. Закладка здания, отдельные моменты строительных работ, сооружение некоторых частей постройки нередко сопровождаются особыми обрядами. Существуют поверья, связанные с определенными местами жилища и т. д.

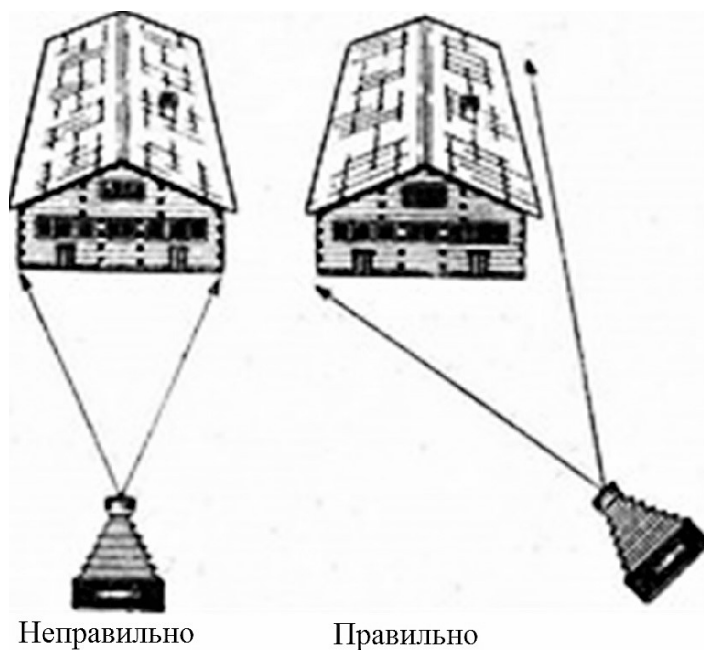

Рис. 8. Схема расположения фотоаппарата при съемке жилища

Материалы об этом, как и терминология элементов жилища, могут раскрыть немало интересного о прошлом назначении отдельных частей жилища, прошлой планировке и т. п.

Ценные материалы по истории современного жилища, иногда за значительные промежутки времени, можно получить в местных архивах. Страховые описи, данные похозяйственных книг сельских советов и многие другие документы могут быть использованы в качестве источников для изучения происходящих в последнее время изменений в жилище.

Рис. 9. Фотография жилища (неправильно)

Рис. 10. Фотография жилища (правильно)

Этнографическое изучение современных процессов в жилом и хозяйственном

строительстве в той степени, в какой это входит в задачи этнографии, проводится преимущественно на основе массового обследования с помощью анкет или анкет-бланков. Сравнение данных обследования за различные периоды позволяет в наглядной и документально точной форме уловить динамику развития жилища, хотя подобный метод, как справедливо отмечают большинство исследователей, не может считаться исчерпывающим. Правильная интерпретация статистических данных возможна только при сочетании анкетного метода с другими приемами изучения.

Изучая жилище, полезно предварительно провести сплошное обследование всех жилых комплексов поселения. Не сделав этого, трудно правильно выделить

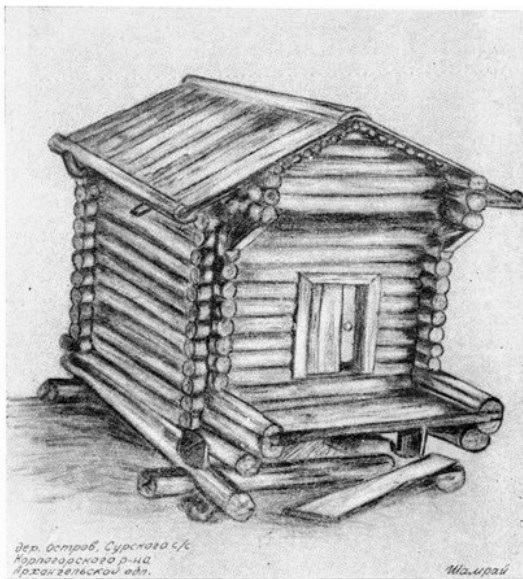

Рис. 11. Амбар (общий вид).

Рисовала Г. Шамрай

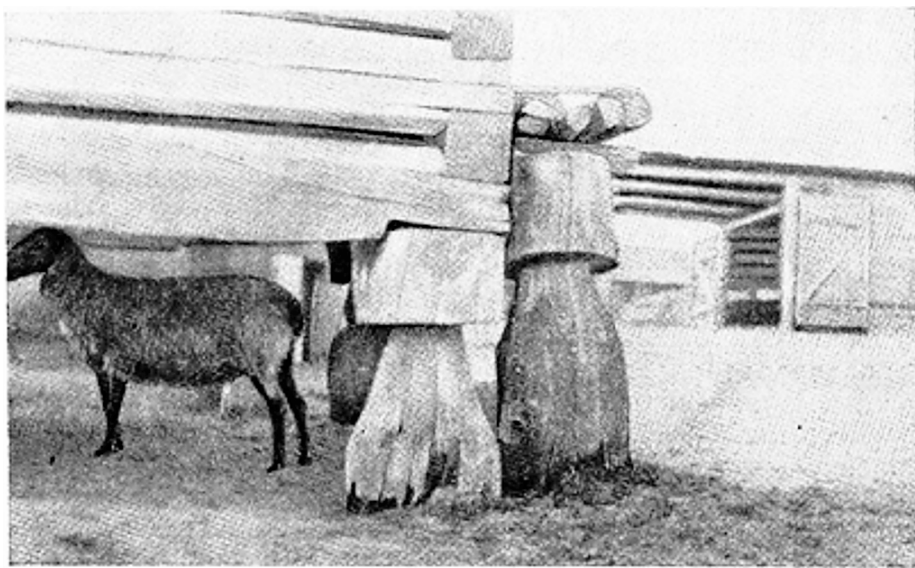

Рис. 12. Фотография строительного узла амбара крупным планом

основные типы построек и жилых комплексов, определить местные особенности жилых и хозяйственных строений. Даже опытные этнографы легко могут ошибиться, если станут производить эту работу «на глазок». Хороших результатов в таких случаях добиваются с помощью специальных графиков-бланков, в которых приводится перечень сведений, необходимых для типологизации жилища (особенности конструкции и планировки, даты постройки и т. д.). Переходя с таким графиком-бланком (рис. 11) в руках от дома к дому и делая условленные пометки в соответствующих графах, не трудно в течение сравнительно короткого времени собрать необходимый массовый материал.

Определить наиболее типичные жилые комплексы и постройки на основе подсчета и классификации пометок в графике- бланке не составляет, конечно, особого труда.

Среди жилых комплексов и построек каждого типа выбирают теперь объекты для более детального обследования (обмеров, снятия планов и разрезов, описания, фотосъемки, зарисовок и т. п.).

В случае необходимости определить главные типы планировки жилища рекомендуется делать примерные (без обмера) наброски планов. Это не требует много времени и дает достаточный сравнительный материал для последующей типологизации. Однако следует иметь в виду, что примерные планы не могут служить документальными доказательствами, а используются как подсобные рабочие материалы экспедиции.

Одежда, обувь, украшения

Одежда, как и жилище, служит человеку прежде всего для защиты его от неблагоприятных воздействий внешней среды. Поэтому возникновение одежды следует отнести к самым глубинам первобытных времен. Столь же рано, если даже не раньше одежды, возникли и украшения. В той или иной форме одежда и украшения известны всем народам земного шара.

Тип одежды во многом зависит от географических условий обитания народа. Это сказывается и в покрое, и в материалах, из которых изготавливается одежда.

Однако характер материалов для одежды зависит не только от физико-географической среды, но и от хозяйственных занятий населения. Особенно это проявлялось в прошлом, до развития фабричного производства одежды, обуви, головных уборов. У скотоводов, например, обычно преобладали шерсть и кожа, а у земледельцев – растительное волокно. Не следует поэтому изучать одежду, особенно в историческом аспекте, в отрыве от производства тканей и других используемых для ее изготовления материалов, хотя методически казалось бы правильнее изучать обработку материалов для одежды вместе с другими видами хозяйственной деятельности народа.

Наряду с основным назначением одежда и украшения очень рано стали указывать и на положение человека в обществе. Постепенно с развитием и усложнением социальной структуры человеческого общества эта функция одежды и украшений стала приобретать все большее значение в жизни людей. У всех современных народов – и развитых, и культурно-отсталых – одежда и украшения всегда имеют определенный социальный смысл и значение. Это в равной мере относится и к фрак и алмазной булавке в галстук современного английского аристократа, и к набедренной повязке и ожерелью из кабаньих клыков папуаса Новой Гвинеи.

Именно эта особенность одежды и украшений делает их ценнейшим источником сведений о прошлом и настоящем общественном устройстве народа, у которого она находилась или находится в употреблении.

Как ни различно происхождение одежды и украшений, характер их употребления привел к тому, что они как бы слились воедино в costume. Любая одежда в той или иной степени украшается вышивками, узорами, яркоцветными элементами. При этом каждый народ, как это нетрудно понять, располагал в различные периоды своей истории разными материалами и способами изготовления одежды и украшений, руководствовался своими, только ему присущими традициями пользования одеждой и украшениями. Поэтому у каждого народа выработались свои специфические формы

и покрои костюмов и поэтому же костюм любого народа несет на себе исторически сложившиеся национальные, этнические черты.

Приведем один только пример необычайной стойкости этнических особенностей одежды. Еще в прошлом веке русским археологом А.А. Спицыным было замечено, что ареалы распространения определенных комплексов женских украшений IX–XIII вв. соответствуют областям расселения восточнославянских племен в ту эпоху и что для каждого племени характерен свой комплекс женских украшений. Позднее это наблюдение было полностью подтверждено работами советских археологов. Со своей стороны, этнографы установили, что многие элементы древних женских украшений сохранились в головных уборах крестьянок XIX в. Так, области расселения кривичей соответствуют три типа сходных по форме кокошников (псковский, владимирский и ярославский), а в так называемом каргопольском кокошнике (Архангельская область) есть спускающиеся на виски выступы, на которых обязательно вышивали нитями трехлопастной или пятилопастной узор – почти точное изображение женского височного кольца вятичей XIII в.

Подобные примеры, а их число нетрудно умножить, показывают, что одежду действительно должно рассматривать в качестве важного источника при исследовании этногенеза и этнической истории народов. Правда, использовать этот источник следует весьма осторожно и обоснованно.

Материалы, из которых изготавливается одежда, обычно очень непрочны и не выдерживают испытания временем. Несколько лучше обстоит дело с украшениями, но и то не со всеми, а лишь с теми, которые делались из долговечных материалов: драгоценных металлов, камня, раковин, кости. Поэтому, если археологи сумели накопить немалые сведения об украшениях древности, то археологические материалы по одежде чрезвычайно скудны и фрагментарны. Вот почему, если не считать в сущности немногочисленных изображений на фресках, картинах и рисунках и очень неточных записей в документах прошлых эпох, полевые материалы, собранные этнографами, являются по сути Дела чуть ли не единственным источником для историка одежды и украшений. Это обязывает этнографов отнестись к изучению одежды в поле с особенным вниманием.

Одежда, бытующая у народа в любой данный момент, чрезвычайно разнообразна. Это разнообразие вызывается многими самыми различными причинами: сезонными колебаниями климата (зимняя, весенняя, летняя, осенняя одежда), возрастом (детская одежда и одежда взрослых, одежда стариков), полом (мужская и женская одежда), назначением (праздничная, будничная, производственная одежда), социальным положением (одежда богатых и бедняков, горожан и крестьян) и т. п. Каждый этнограф, приступая к изучению одежды, должен выбрать в качестве основного тот или иной порядок группировки одежды по видам в зависимости от стоящих перед ним конкретных научных задач.

При изучении одежды важно различать далее так называемые комплексы одежды. Основой для выделения комплекса одежды должно быть не случайное сочетание элементов или чисто внешних признаков одежды, но внутренне связанная совокупность частей единого костюма (например, костюма, характерного для определенного племени или народа, костюма, характерного для определенного исторического периода и т. д.). В такой комплекс кроме собственно одежды могут быть включены и свойственные этому комплексу украшения, не связанные непосредственно с элементами одежды.

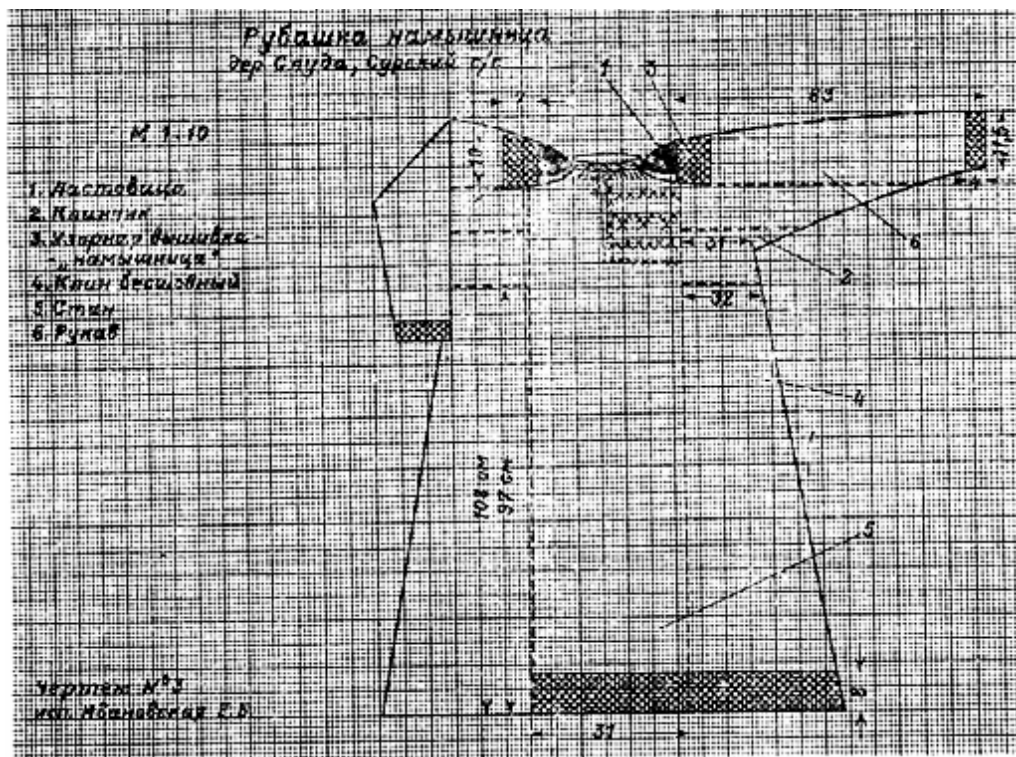

Рис. 13. Выкройка-рисунок рубашки. Чертила Е. Ивановская.

**«Намышница» или сенокосная рубаха женская, принадлежит Новиковой Е.В.
62 г.р. д. Слуда Сурский с/с**

Рубаха домотканая льняная

Ткала мать Е.В. Новиковой около 65 лет назад

1. Ластовица из красного кумача, длина 10 см, шир. 7,5 см
2. Клиничик, высота 9 см, основание 6,5 см (клиничик имеет А-видную форму).
3. Вышивка «намышница» 20 см / 7 см высота вышивки на обшлагах 4 см, высота вышивки на подоле 8 см

Длина рукава от верхнего края вышивки «намышницы» до конца 63 см, $\frac{1}{2}$ ширины обшлага (нижнего края рукава) 11,5 см

4. Клин бесшовный, верхний отрезной край (линия под рукавом) до клиничика 31 см
- Нижний край клина 56 см

В подставленном куске ткани клин по нижнему краю имеет 32 см

Общая длина от застежки 111 см

Длина от плеча 118 см

Вырез горловина 34 см

У ворота рубаха собрана густой мелкой сборкой

Рис. 14. Содержание легенды, записанной на оборотной стороне той же выкройке-рисунка

Для изучения одежды прибегают к различным видам полевого обследования: к опросу населения (о ранее бытовавших элементах одежды и условиях их бытования), к графическим приемам (зарисовкам, копированию, фотографированию), к анкетному методу (особенно при изучении современных изменений в одежде), к сбору коллекций.

Условия бытования, употребления одежды узнают у информаторов во время опроса. Особое внимание обращается на запись местных терминов, обозначающих виды одежды, ее части и элементы. Для большего единообразия записей при описании одежды следуют раз принятому порядку: например, начинают с описания нижней одежды и лишь затем переходят к верхней; или начинают с описания головного убора, а заканчивают описанием обуви.

Для фиксации покроя одежды снимают выкройки (конечно, речь идет о традиционных, старинных покроях). К составлению выкроек полезно привлекать местных «портних», хорошо знающих правила раскроя. Такие выкройки могут быть выполнены в натуральных размерах или в уменьшенном масштабе, для чего очень удобно пользоваться «миллиметровой» бумагой. Так как многие виды сложной по покрою одежды для получения подлинных выкроек пришлось бы распарывать, гораздо чаще покрой фиксируют с помощью выкройки-рисунка. На выкройке-рисунке наносятся в масштабе все основные размеры одежды (длина, ширина, размеры частей) и швы, а в местах складок, сборок, выпочек и тому подобных элементов кроя делаются схематические изображения с пометкой о характере кроя. По такому чертежу одежду не сошьешь, но для целей этнографического изучения его бывает вполне достаточно (рис. 13 и 14).

На чертежах с изображением выкроек края одежды и места разрезов обводят сплошной линией, швы – пунктирной. Особо помечают места расположения вышивок и других украшений, непосредственно с ней связанных. На этих же чертежах помечают расцветку ткани, проставляют названия отдельных частей, швов, элементов украшений. Для большей наглядности полезно тут же набросать схематический рисунок орнамента (фрагмент). На каждом чертеже обязательно записывают: название одежды (общепринятое и местное), имя ее владельца (или владелицы), время изготовления и носки, а также другие необходимые данные. Если эта одежда, кроме того, была сфотографирована (а такое дублирование способов фиксации – обычное и рекомендуемое явление), здесь же приводится номер пленки и кадра.

Хорошим способом фиксации одежды является фотографирование. Фотографировать ткани и одежду (кроме тех вещей, которые украшены блестками или металлическими нитями) лучше всего в яркий солнечный день или при сильном искусственном освещении. Особенно нужно позаботиться о резкости изображения, так как при увеличении хороших, резких снимков можно разглядеть и способ переплетения нитей, различить швы и другие особенности одежды. При фотографировании отдельного предмета его расстилают или развешивают так, чтобы четко был виден покрой и главные украшения (рис. 15). Фотографируют обычно в двух видах: спереди, и сзади. Орнамент узоров фотографируют отдельно более крупным планом.

Чтобы зафиксировать не только сам костюм, но и то, как он носится, фотографируют человека в этом костюме. Не рекомендуется рядиться в местные костюмы сотрудникам экспедиции: такой снимок лишен документальной достоверности (ведь он мог быть произведен и в музее, без выезда в экспедицию). Фотографирование человека в костюме производится с трех позиций: спереди, сбоку и сзади. Если костюм состоит из нескольких частей, перекрывающих друг друга частью или полностью, то полезно фотографировать по методу «раздевания» или «надевания». В этом случае фотографируют человека каждый раз после того, как он снял или, наоборот, надел очередную часть костюма. При этом порядок надевания (или снятия) частей костюма должен строго соответствовать бытующей традиции. Полученная серия фотографий хорошо дополнит или даже заменит специальное описание этого процесса.

Фотоснимки «жестких» частей одежды (головных уборов, обуви и т. п.) следует производить с разных сторон, чтобы по серии снимков можно было полностью представить их форму. У орнаментированной вещи важно зафиксировать на снимках и расположение узоров на разных ее сторонах.

Рис. 15. Фотографирование одежды.

Цветная фотография пока не дает в экспедиционных условиях надежных результатов. Поэтому при фиксации одежды сохраняет свое значение рисование в цвете. Пользуясь несложными приемами рисования, можно передать и цвета и узор точнее, чем с помощью цветной фотографии. Да и долговечность рисунков много больше, чем у химически нестойких фотокрасителей.

Вышивки, узорное ткање и тому подобные украшения одежды можно копировать через кальку (рис. 17). Если узор не слишком мелок, то при достаточном освещении он хорошо виден через полупрозрачную бумажную кальку. Подобрав густой раствор нужной краски, легко точ-

а)

б)

в)

г)

*Рис. 16. Фотографирование одежды. Женский костюм:
а) вид спереди; б) вид сбоку; в) вид сзади; г) вид без фартука*

но положить эту краску по узору. На неглянцовой кальке можно рисовать и цветными карандашами. Такие копии не только точны, но позволяют тут же записать названия деталей орнамента, способ и время его изготовления и т. д. Для копирования не обязательно брать всю площадь, покрытую узором. Часто элементы узора повторяются. В таких случаях выделяют повторяющийся мотив – «рапорт» и копируют его, указав общие размеры узорной поверхности и число повторений рапорта.

Мелкие, трудно различимые через кальку узоры копируют, пользуясь «миллиметровой» бумагой как канвой, отсчитывая пропорциональное количество клеточек на ткани и на копии – рисунке. Узоры крупных вещей, например, ворсовых ковров, когда нельзя пользоваться калькой, копируют, обмеряя элементы орнамента и перенося их затем в масштабе на рисунок, для чего пользуются координатной сеткой или координатными линиями.

Тонкие узорные ткани и кружева копируют и на просвет через стекло. При фиксации выпуклых орнаментов применяют метод копирования обратным эстампажем. При этом лист бумаги накладывается на узор и притирается куском мягкого графита или другим красителем. На выпуклостях краска останется, в углублениях – нет. Такой узор потом переносят на обычную бумагу и разрисовывают уже красками. Для точности подобные копии дублируют фотографированием.

Украшения, которые носят отдельно (бусы, серьги и т. п.), фотографируют в возможно крупном масштабе (иногда применяют для этого специальные объективы или линзы с переходными кольцами). Рельефные узоры (чеканку, филигрань, узорное литье и т. п.) копируют прямым эстампажем (узор смачивается краской и отпечатывается на бумаге) или делают оттиск на глине, пластилине, чтобы потом изготовить по нему гипсовый муляж узора.

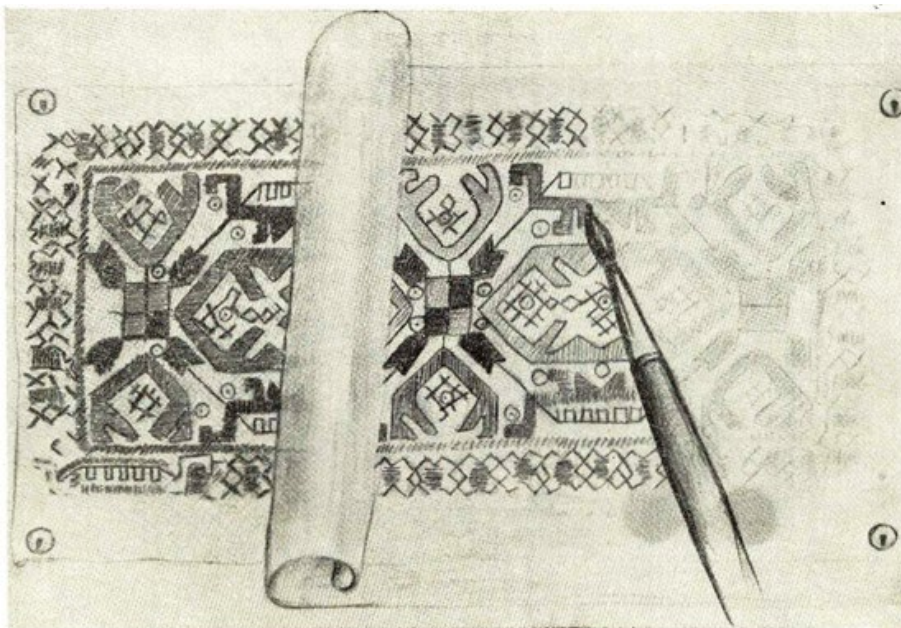

Рис. 17. Копирование узора через кальку.

Особо важной задачей при экспедиционном изучении одежды и украшений нужно считать сбор коллекций. Как ни велики музейные коллекции одежды и украшений, они далеко не полностью отражают многообразие народных костюмов. Старинные одеяния и украшения очень быстро уходят из жизни, перешиваются, попадают в руки дилетантов-любителей и т. д. В результате одна из наиболее красочных, но легко разрушающихся сторон народной культуры бесследно пропадает для науки. Собрать то, что еще уцелело, передать собранные материалы на хранение в музей — одна из важнейших задач каждого этнографа-полевика. Конечно, научную ценность будут иметь только те коллекции, которые собраны при соблюдении всех правил сбора этнографических коллекций, о которых говорилось выше.

Если изучается история одежды, следует с особой тщательностью описать все обряды, связанные с местной одеждой и украшениями или с их изготовлением, выявить значение и роль тех или иных элементов и видов костюма в обрядах, суевериях, религиозных представлениях. При этом всегда нужно иметь в виду, что обрядовые формы одежды (свадебный костюм, одежда покойников и т. п.) нередко очень стойко сохраняют более старые типы и формы покроя, расцветки, орнамента.

Существенно также, что во многих районах земного шара вплоть до XX века, а кое-где еще и сейчас, изготовление одежды — домашнее производство. Вследствие этого в современном быту самых различных народов как бы законсервировались, дожив до наших дней, многие такие особенности одежды и украшений, возникновение которых можно с полным основанием отнести к весьма отдаленным от нас историческим эпохам.

При изучении современной одежды необходимо применять метод массового обследования и сбора статистически сравнимых данных. Помимо обычных анкет, содержащих вопросы, касающиеся особенностей одежды, условий ее бытования и т. п., можно рекомендовать массовое серийное фотографирование обследуемого на-

селения в бытующих видах костюмов и формах одежды. Фотографирование производится, как обычно, в трех позициях (вид спереди, сбоку и сзади). В зависимости от своих задач этнограф может фотографировать интересующие его виды одежды сериями. Как и при анкетном обследовании такие фото-серии должны быть достаточно велики, чтобы правильно отражать типические черты местной одежды (не менее 60–100 фотографий в серии).

Развитие фабричного производства тканей, шерсти, кож и самой одежды в корне изменило весь облик народного костюма. Поэтому при изучении современных изменений в костюме должно обратить также особое внимание на характер торговых связей и их влияние на народный костюм.

Утварь

Утварью принято называть те предметы и приспособления, которые необходимы в домашнем хозяйстве (посуда, различные короба и корзины для хранения вещей и пищи и т. п.). Характер и особенности утвари находятся в тесной зависимости от образа жизни населения в целом. Специфика хозяйственных занятий, наличие тех или иных материалов для изготовления утвари, характер пищи, степень развития промышленного производства утвари – все это оказывает влияние на состав и особенности предметов утвари. Так, например, у народов, ведущих кочевой образ жизни, преобладают изделия из кожи, дерева, металлов и других материалов, способных выдержать периодические перевозки. Легко бьющиеся гончарные изделия здесь мало употребительны.

У оседлых земледельцев глиняная утварь, наоборот, широко распространена. Появляются разнообразные специализированные виды глиняной посуды, например, громадные (до 3 м высотой) зарываемые в землю кувшины для вина у народов Кавказа, или пористые кувшины для воды у земледельцев Средней Азии, в которых благодаря постоянному медленному испарению через стенки, вода внутри кувшина сохраняется прохладной даже в жару.

Изучение утвари дает этнографам и историкам культуры весьма ценный материал для понимания особенностей культуры прошлого. Являясь одной из существенных черт домашнего быта, утварь отличается, точнее отличалась до недавнего времени, значительной консервативностью. Характерные особенности утвари весьма устойчивы для определенных районов на протяжении столетий. Традиционный характер утвари сохраняется и при переселениях отдельных этнических групп, если только новые условия обитания и жизнедеятельности не слишком отличаются от прежних. Не случайно, сравнивая зафиксированные этнографами и найденные археологами предметы утвари одного и того же народа, ученые нередко констатируют поразительное сходство форм, приемов изготовления, орнаментики сравниваемых предметов, несмотря на разделяющие их века.

Все эти особенности утвари, как явления народной культуры, дают в руки этнографов и историков культуры дополнительные данные по культурной и этнической истории изучаемого народа. К сожалению, этнографы пока еще недостаточно уделяют внимания изучению утвари.

Для того чтобы правильно понять специфические особенности утвари данного народа, необходимо прежде всего учесть все те условия, которые оказывают существенное влия-

яние на характер утвари: наличие или отсутствие необходимого сырья (глины, дерева и др.); особенности хозяйства и образа жизни; имущественное положение отдельных групп населения; характер связи с торговыми центрами и степень влияния последних; удельный вес промышленных изделий в составе утвари и т. д.

Не определив мест производства утвари (домашнее, в местном ремесленном центре, в промышленности), нельзя понять, насколько своеобразен облик этой утвари. В предметах утвари домашнего производства или в изделиях местных мастеров своеобразия всегда больше, так как здесь дольше и устойчивее сохраняются традиционные приемы и навыки изготовления утвари.

Нередко, даже до последнего времени, производством тех или иных видов утвари

(в гончарном производстве, при плетении корзин и т. п.) занимаются небольшие артели и мастерские, обслуживающие окрестное население и распространяющие свои изделия в пределах сравнительно узкого местного «рынка». В их производстве также могут устойчиво сохраняться традиционные приемы и способы изготовления утвари. Если население пользуется изделиями из подобных центров ремесленного производства, то необходимо не только познакомиться и изучить характер такого производства, но и определить границы, зону влияния центра ремесленного производства, а также размеры рынка сбыта.

Развитие в современную эпоху промышленного производства утвари не только вызвало появление массы новых изделий, но и видоизменило характер утвари в целом: фарфоровая и металлическая посуда, изделия из пластмасс быстро вытеснили мест-

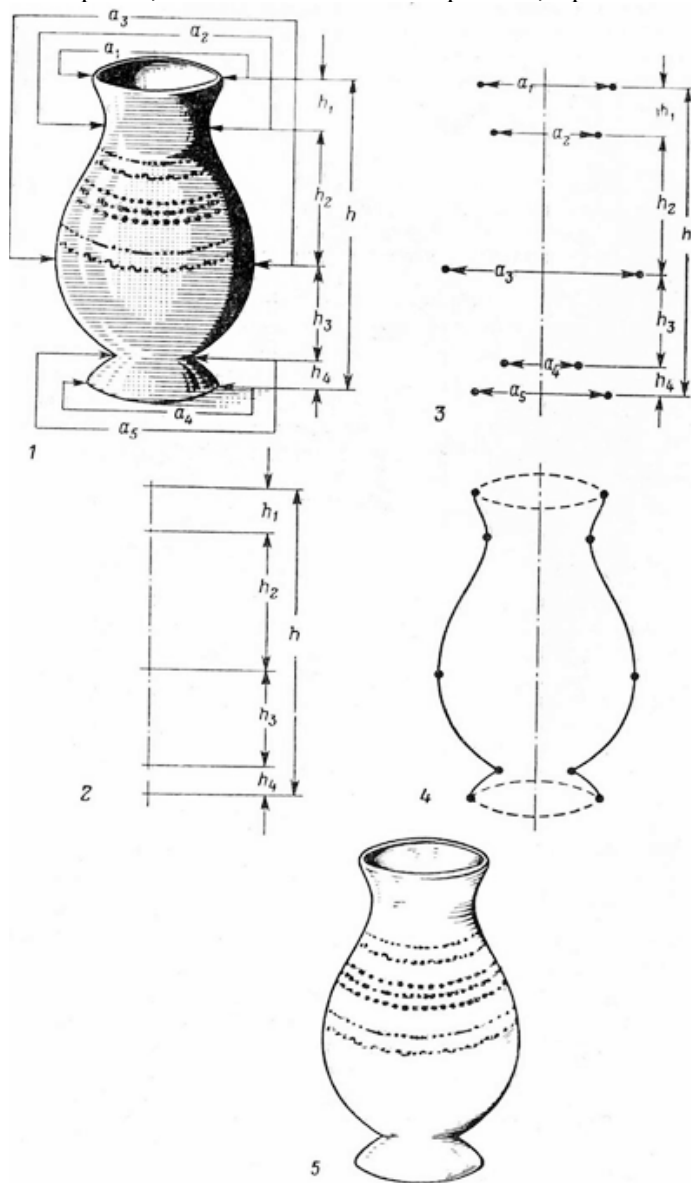

Рис. 18. Рисование предметов по обмерам.

ную самодельную утварь. Значительное влияние оказывают на современные изменения утвари и такие явления, как развитие торговли и общественного питания.

Определяя влияние современной промышленности на характер утвари, нужно учитывать время и пути проникновения новых изделий, их соответствие условиям ведения домашнего хозяйства (так, например, современные кастрюли менее приспособлены к условиям готовки в русской духовой печи, чем горшки или «чугуны»), наличие тех или иных предметов; в торговой сети и т. д.

Для удобства изучения утвари ее полезно сгруппировать по категориям. Принципы группировки (классификации) могут быть разными: по назначению (утварь для приготовления пищи, для хранения), по способу изготовления (домашнего изготовления, покупная и т. д.), по материалу, из которого изготовлена утварь. Выбор того или иного принципа группировки зависит от конкретных научных целей исследователя, однако в полевых условиях удобнее всего классифицировать утварь по материалу изготовления.

О назначении и употреблении утвари, о названиях отдельных предметов узнают при опросе населения и путем личных наблюдений. Для фиксации предметов утвари применяют различные графические средства (зарисовку, копирование, фотографирование).

Существует несколько несложных способов, которые значительно упрощают про-

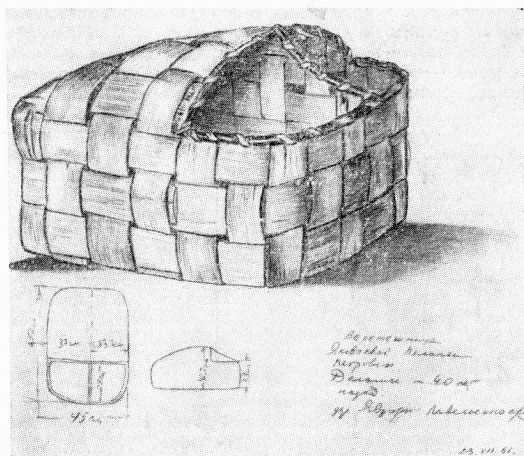

Рис. 19. Веретенница. Рисовала Г. Шамрай.

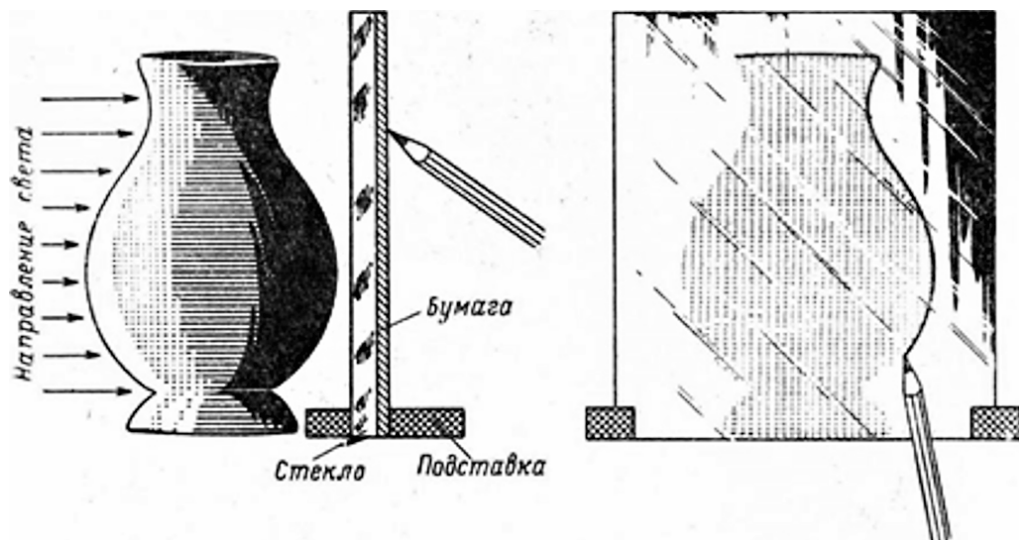

Рис. 20. Рисование утвари по силуэту (на просвет по тени).

цесс зарисовки утвари. Один из них – рисование по обмерам. Рисующий замеряет основные размеры предмета и в соответствующем масштабе наносит точки замеров на рисунок. Опираясь на эти точки, легко нарисовать и контур, и детали предмета (рис. 18). Можно рисовать и по силуэту. Копируемый предмет ставится против света. Между рисуемым и предметом, вплотную к предмету, укрепляется лист бумаги на стекле. После этого уже нетрудно обвести карандашом возникший на бумаге силуэт предмета. На контуре силуэта можно затем изобразить детали предмета (например, орнамент) (рис. 20).

Украшения, покрывающие предметы утвари, можно копировать методом эстампажа (получая отпечатки с помощью краски или притиркой графитом через бумагу). Цветные нерельефные орнаменты можно снимать через кальку. Если утварь имеет кривые поверхности, удобнее снимать орнамент частями, составив позже из них «развертку».

При копировании узоров, особенно расписных, пользуются и методом калькирования рисунков. Для сложных, состоящих из нескольких частей предметов утвари можно рекомендовать составление чертежей их конструкции и схем действия. Широко применяется для фиксации предметов утвари и фотография, которая во многих случаях может с успехом заменить рисование. При фотографировании утвари обязательно указывать масштаб снятого объекта. Проще всего приложить к фотографируемому предмету специальную масштабную линейку или предмет, размеры которого хорошо известны (карандаш, спичечный коробок). По такой фотографии легко потом установить масштаб изображения (рис. 21).

Предметы утвари, изготовленные из материалов с матовой поверхностью (дерево неполированное, глина неглазурованная, береста и т. п.), можно фотографировать при ярком солнечном свете. Блестящие предметы (металлическую или лакированную утварь и т. п.) фотографируют либо в тени, либо в специальном боксе, сильно рассеивающем свет. В противном случае на поверхности предметов возникают

*Рис. 21. Масштабное фотографирование.
Глиняная курильница.*

яркие блики, смазывающие детали изображения (орнаментировку, резьбу, чеканку). Можно применять специальные поляроидные фильтры, снимающие блики. Мелкую утварь и фрагменты украшения следует снимать возможно более крупным планом.

Изучая утварь, полезно собирать систематические коллекции вещей, образцы сырья, из которого

изготавливают утварь и т. п. Наши музеи бедны подобными коллекциями и особенно коллекциями бытовой, обывденной утвари. Собиратели прошлого стремились приобретать не столько типичные вещи, сколько уникальные, богато украшенные и орнаментированные предметы, бывшие скорее исключениями, чем правилом в быту населения.

Особый раздел изучения утвари – применение ее в обрядах. Как раз обрядовая утварь наиболее стойко сохраняет традиционные черты и особенности. Выясняя употребление утвари в тех или иных обрядах, необходимо установить ее роль, связанные с ее употреблением предания и поверья, соответствующую терминологию.

При изучении современных изменений в утвари, кроме определения общих условий, о которых говорилось выше, необходимо собирать массовый материал. Для этого можно рекомендовать применение анкет, которые должны учитывать не только сами изменения в составе утвари, но и причины этих изменений. Хорошие результаты дает выявление происходящих изменений по спискам вещей, сгруппированных либо по назначению, либо по характеру приобретения (местного изготовления или покупные).

A PROPOS

УДК 327.7

© С.В. Чешко

А НАДО ЛИ ПЕРЕВОДИТЬ СОПРОМАТ НА ЯЗЫК АЙНОВ?

Автор критикует изданный сборник документов ООН на языках коренных малочисленных народов российского Дальнего Востока в контексте ключевых проблем государственной политики в отношении этих народов. По его мнению, надо сосредоточить усилия и финансы на решении реальных проблем, а не на эффектную демонстрацию неэффективной политики.

Ключевые слова: документы ООН, нивхи, эвенки, «Сахалин Энерджи»

Когда анонсировался обновленный «Вестник антропологии», издатели в числе предполагаемых жанров заявили и никогда, кажется, не встречавшийся жанр «реплики» (см. на нашем сайте). Получилось так, что мне довелось открыть эту рубрику. Вообще-то тема по своей значимости, как мне представляется, заслуживает того, чтобы попасть в «Колонку главных редакторов», но я, как один из главных редакторов журнала, не могу навязывать свое мнение редколлегии и не хочу, чтобы у читателей сложилось мнение, что я «продавил» данную публикацию.

Эти вступительные замечания обусловлены тем, что предварительно я разослал текст коллегам, которые занимаются затронутыми в моей заметке проблемами. Не все отзывы оказались положительными, хотя основная проблема, которой я коснулся, единодушно признана актуальной и заслуживающей обсуждения.

Смысл «малого жанра» состоит в том, чтобы ученые имели возможность, если они считают это важным и интересным для коллег и читателей, оперативно отреагировать на свежие публикации или события, поделиться с пришедшими в голову идеями. Даже идеями сырыми, не вполне «фундированными», а вдруг – гениальными или хотя бы полезными для дальнейших исследований и рассуждений. Разумеется, краткость изложения может вступать в противоречие с традициями написания «классических» академических текстов, сопряжена с опасностью для автора быть обвиненным в крайнем субъективизме. Но ведь мнений не субъективных не бывает по определению, а краткость полезна для того, чтобы предельно ясно выразить мысль.

Не всякую идею легко превратить в обычную статью со всеми положенными для научной статьи атрибутами (ссылки, реверансы или критика в отношении других авторов и пр.). А не материализованные в виде текстов идеи имеют свойство исчезать или появляться в публикациях других авторов. Словом, заявленный жанр – это попытка освободить думающего ученого от пут крайне формализованных норм пи-

Чешко Сергей Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: ieamoscw@mail.ru.

сания и оформления статей.

Вот я и предлагаю на суд коллег некие мои размышления. Разумеется, я ожидаю весьма критические замечания и возражения. Но для того и писал, чтобы спровоцировать коллег на живую дискуссию, которых нам явно не хватает. Писал как обычный автор, а не как один из издателей «Вестника антропологии».

На сайте нашего института (ИЭА РАН) я обнаружил следующую информацию (курсив мой).

«Сборник перевода основополагающих документов ООН на языки коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области представлен в Москве

Пятница, 27 Февраль 2015

Управление Верховного комиссара ООН по правам человека и компания «Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд.» («Сахалин Энерджи») представили общественности сборник основополагающих документов ООН на языках коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области. В презентации приняли участие сотрудники ИЭА РАН: В.Ю. Зорин и Л.И. Миссонова.

Заместитель директора ИЭА РАН В.Ю. Зорин о проекте:

Этот проект – прекрасный пример сотрудничества социально ответственного бизнеса, властей региона, неправительственных организаций и научного сообщества в деле сохранения этнокультурной идентичности аборигенных народов Севера. Язык – один из главных маркеров национальной идентичности. Не случайно рассмотрение роли русского языка и языков народов РФ в формировании общероссийской гражданской нации планируется рассмотреть на очередном заседании Совета при Президенте страны по межнациональным отношениям. Прозвучали интересные цифры. В частности, Ришард Коменда, старший Советник по правам человека при системе ООН в РФ, сообщил, что документы ООН уже переведены на 14 языков КМНС. С.Д. Ермакова, начальник отдела Департамента государственной политики в сфере общего образования Минобрнауки проинформировала участников мероприятия, что сегодня в системе образования, начиная с дошкольного, изучается 97 языков, в том числе 24 как государственные. Л.И. Миссонова, главный научный сотрудник ИЭА РАН подчеркнула, что общая численность КМНС в РФ в последние годы возрастает, в Сахалинской области, например, после переписи 1897 года Нивхов (гиляков) стало больше на 6 процентов, а Эвенки (тунгузы) увеличились почти вдвое. Конечно, это происходит не по всем народам. Остро стоят вопросы сохранения языков, изучения их молодёжью, традиционных методов хозяйствования. Г.П. Ледков, президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, депутат Госдумы и член Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям говорил о необходимости распространения опыта таких кампаний как “Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд.”».

Уже эта информация, полагаю, побуждает к размышлениям, а у меня – и к возражениям. Это, в первую очередь, касается утверждения «Язык – один из главных маркеров национальной идентичности». Если речь идет действительно о национальной идентичности, то применительно к России это, естественно, должен быть русский язык. А если идет речь о языках народов России, то надо говорить об этнической

идентичности. Странно, что в Институте этнологии и антропологии РАН, который десятилетиями пытается втолковать этот весьма существенный нюанс (существенный и в научно-методологическом, и в общественно-политическом значении) потребителям научной литературы, допускается такая понятийная небрежность.

Кроме того. Язык – это вовсе не «маркер» чего бы то ни было или, во всяком случае, не в первую очередь маркер. Язык – это средство общения, и люди выбирают тот язык, который им наиболее удобен для коммуникации. Языковой «символизм» в научных исследованиях ведет только к искажению представлений о реальной жизни людей и их реальных потребностей. Этот символизм, кстати, прочно застрял в наших переписях населения, в которых упорно фиксируется так называемый «родной язык». А это зачастую – язык родителей или родителей их родителей, язык народа, к которому приписан данный человек, но вовсе не обязательно действительно родной язык данного индивида. Иными словами, возникает вопрос – что важнее, языковой «символизм» или языковая функциональность, которая, между прочим, тоже может переходить в область самосознания и идентичности человека (эти категории я не отождествляю: Чешко 2015: 148). Моя реплика на помещенную на сайте Института информацию была спровоцирована, в частности, и этими обстоятельствами, хотя и не в первую очередь.

Если не вдумываться, то издание вышеупомянутого сборника может вызвать только восхищение и гордость за нашу страну, в которой заботятся об аборигенных народах Сибири. И, кстати, такая гордость вполне уместна, особенно на фоне тотальной идеологической агрессии со стороны Запада в отношении современной России, которую обвиняют в угнетении, насильственной ассимиляции и чуть ли ни в геноциде нерусских народов (особенно это касается финно-угорских народов страны).

Вместе с тем, эта затея и ее реализация мне представляются весьма сомнительными. Найти оригинал публикации невозможно, поскольку в приведенной ссылке нет никаких выходных данных и даже нет официального названия публикации. А хотелось бы узнать, чья это была инициатива, кто финансировал (но догадаться можно – «Сахалин Энерджи»), каково было реально участие ученых, кто переводил, на основе какой методики перевода официальных языков ООН на языки коренных народов это было сделано, а спросили ли самих нивхов и эвенков, нужны ли им такие тексты на их исконных (а ныне насколько функциональных для данных целей?) языках.

Перевод специальных текстов (научных, технических, юридических, правовых, экономических и др.) на языки аборигенных народов сопряжен с серьезными трудностями, обусловленными ограниченными лексическими возможностями, или особенностями, этих языков. Даже не обязательно быть сторонником идей Н.Я. Марра, чтобы признать, что языки по своему строению и диапазону применения соответствуют тем стадиям общественного развития, на которых эти языки сформировались. А их дальнейшее развитие затормозилось в силу вторжения в культуру соответствующих народов более развитых языков – русского, английского, французского и др.

Именно в этом вопросе меня критиковали мои неофициальные рецензенты, с которыми я предварительно советовался. В частности, было высказано мнение, что, возможно, и сопромат будет когда-то целесообразно перевести на язык айнов, а русский язык тоже был не очень развит, пока Россия не вписалась в европейское коммуникативное пространство.

Я не могу назвать оппонентов и цитировать их отзывы, поскольку они не сочли

возможным для себя поспорить публично. Но я и так благодарен им за высказанные замечания, которые понудили меня обратить внимание на существенные огрехи в первоначальном тексте и основательно его переделать. И все же в главном я остаюсь при своем мнении, относительно социальных функций языков в современном мире, высказанном выше. И по каким учебникам будут изучать сопромат айны или, скажем, бушмены, а также другие аборигенные народы мира в обозримом будущем, это едва ли составит труда для прогнозирования. Это будут, видимо, максимум, языки английский, японский, китайский, русский, арабский, немецкий, французский, испанский, португальский.

Что касается документов ООН, то их лучше читать в оригинале – на официальных языках, принятых в этой организации. Полагаю, лучше и тем народам, которых касаются ООНовские акты. С трудом представляю себе нивхов или эвенков, которые с наслаждением читают документы ООН на уже почти неведомых им родных языках предков.

Дискуссии об оптимальных направлениях и формах этнической политики российского государства в отношении «коренных малочисленных народов» страны длятся бесконечно. Но четкого понимания того, что реально нужно аборигенным народам, как не было, так, кажется, и нет. Еще в позднесоветские времена, когда «легализовали» этническую проблематику, чиновники норовили замять ее фольклористическими «показухами» в виде фестивалей, съездов и т.п., списывая на такие мероприятия выделявшиеся бюджетные средства. И никто не спрашивал, может быть, для коренных народов Сибири важнее было бы закупить винтовки, патроны, моторные лодки, снегоходы и прочее, необходимое для традиционных промыслов. А на Сахалине, может быть, и что-нибудь полезное было бы хорошо построить: думаю, за эти деньги получился бы, например, хороший общественный туалет. Кстати говоря, от некоторых коллег я слышал совершенно, на мой взгляд, здравое мнение, что культура/культурность во многом определяется состоянием общественных туалетов. Этот тезис я однажды имел возможность оценить во время совместной с американскими коллегами конференции, когда нам довелось выехать в «провинцию» (это был один из районов в ныне независимом постсоветском государстве).

В данном случае проект был осуществлен, как угадывается, не за счет госбюджета, а из средств «Сахалин Энерджи». Но сути дела это не меняет, поскольку данная компания работает на основании соответствующих контрактов с властями Российской Федерации. И поэтому опять возникает вопрос о целесообразности расходования денег, якобы, на благо коренных народов острова.

Думаю, людям нужно понимание их прав и понимание способов их отстаивания. На мой взгляд, гораздо полезней для коренных малочисленных России народов (да и для всех граждан России!) было бы издать на русском языке что-то вроде хрестоматии документов ООН и законодательных актов Российской Федерации, касающихся прав народов и прав человека, с понятными комментариями. Это наверняка смогут оценить те, кому интересно и нужно.

Литература

Чешко 2015 – Чешко С.В. Как писать научные тексты // Вестник антропологии, 2015. № 1 (29). С. 144–149.

References

Cheshko S.V. Kak pisat' nauchnye teksty // Vestnik antropologii., 2015. No. 1 (29). Pp. 144–149.

S.V Cheshko. Is it necessary to translate Sopromat* into the Ainu language?

The author criticizes the recent publication of the UN documents in the languages of the indigenous small-numerous peoples of the Russia Far East in the context of the key issues of public policy in respect of these peoples. In his opinion, it is necessary to concentrate efforts and finances to address the real issues rather than on a spectacular demonstration of ineffective policy.

Keywords: *UN documents, Nivkh, Evenk, “Sakhalin Energy”*

* Sopromat – the Russian-language reduction of “resistance of materials” (a part of mechanics).

РЕЦЕНЗИИ

УДК 002.53/55

© Ю.Д. Анчабадзе

РЕЦЕНЗИЯ НА: И.В. ВЛАСОВА. ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ БЫЛИ. ПУТЕВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ. М.: ИЭА РАН, 2014. – 164 с.

Ирина Владимировна Власова скоропостижно скончалась 19 марта 2014 г. и не увидела выхода своей книги в свет. В этом видится грустная символика, так как последняя работа выдающегося исследователя носит мемуарный характер – в ней автор подводит итоги своей многолетней экспедиционной деятельности, рассказывает о «былях» полевой работы, вспоминает годы, отданные непосредственному изучению народной культуры.

Выпускница МГУ И.В. Власова пришла в Институт этнографии в 1958 г. Став сотрудником Восточнославянского отдела, она оказалась в коллективе, в котором трудились выдающиеся исследователи, уже тогда составлявшие гордость отечественной науки. Основателя отдела – В.В. Богданова (1868–1949) – уже не было в живых, однако заложенные им традиции были продолжены соратниками и учениками, среди которых были В.Ю. Крупянская (1897–1985), Г.С. Маслова (1904–1991), М.Г. Рабинович (1916–2000), В.А. Александров (1921–1994), К.В. Чистов (1919–2007), М.М. Громыко и др. Ирина Владимировна не «потерялась» в этих больших именах и очень быстро сама выросла в крупного ученого, став одним из столпов нашего историко-этнологического руссиеведения.

И.В. Власова оставила значительное научное наследие, прежде всего свои блистательные монографии – первую – «География сельского расселения Западного Приморья в XVI–XVIII вв.» (М., 1974), написанную в соавторстве с учителем – М.В. Витовым (1923–1968) – «исследователем и педагогом от Бога» (с. 8), благоговейную память о котором сохранила на всю жизнь, и последующие «Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII – первой четверти XX века» (М. 1976), «Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII–XVIII вв.» (М., 1994); среди ее работ также главы коллективных монографий, статьи, рецензии и т.д. – во всех них аккумулирован огромный исследовательский и интеллектуальный опыт выдающегося ученого.

Между тем, рассматриваемое издание раскрывает еще одну профессиональную историю И.В. Власовой – исследователя-экспедиционника. Ирина Владимировна исходила многими этнографическими дорогами, объездила много русских земель. Повествование в книге начинается с первой экспедиции 1955 г., когда автор – в то время второкурсница МГУ – в составе студенческой экспедиции побывала у тамбовских однодворцев. Для автора это был вполне осознанным решением. «Кафедру этнографии, – пишет И.В. Власова, – я выбрала целенаправленно, ибо еще на первом курсе, прослушав вступительные лекции по этнографии, которые нам читали на истфаке, поняла – “это моё”» (с. 5).

С тех пор экспедиционные тропы исследователя пролегали по Центральному Черноземью, южнорусским областям, Сибири, Забайкалью, Латвии, но больше всего работать довелось на Русском Севере. В этом крае, оставшемся «любовью на всю жизнь» (с. 8), был заповедный уголок, малая родина, отчизна – Вологодчина, изучению которой было отдано немало сил. В 2001 г. вышла замечательная монография Ирины Владимировны «Дорогами земли Вологодской. Этнографические очерки». Прекрасное и глубокое исследование оно воспринимается ныне и как поклон родной земле, которую, прожив большую часть жизни в Москве, она продолжала лелеять и любить.

И.В. Власова была великим *экспедиционником* в самом высоком, точном и классическом смысле этого слова. Проводя практически ежегодные полевые сезоны, она досконально знала «свои» регионы, считывая этнографическую информацию уже на уровне полутонов, локальных переходов, мельчайших оттенков культурных традиций, хронологических и территориальных изменений бытовых обыкновений местного населения. Материалы рассматриваемой книги дают тому немало подтверждений. Впрочем, автор во введении предупреждает читателя, что не будет касаться «научных открытий», которые нашли отражение в опубликованных исследованиях и трудах. Между тем, в тексте можно найти немало интересных этнографических наблюдений, научных описаний, исследовательских характеристик и т.д., которые при всей их краткости могли бы составить прекрасный материал для иной специальной публикации. Таковы, например, заметки по специфике планировки северных деревень (с. 10), соотношению этнического и регионального самосознания у жителей Харовского района Вологодской области (с. 40), разноплановая информация по этнографическому быту семейских Забайкалья (с. 51) и др.

Характерно, что и в остальных описаниях видна *крепкая рука* этнографа. Соприкасаясь в экспедиционных условиях с бытовой повседневностью в разных регионах страны, непосредственно наблюдая за условиями жизни своих информаторов, этнограф, как никто другой, бывает хорошо осведомлен о реальных процессах, протекающих в социуме, в частности в тех его срезам, которые наиболее приближены к витальным аспектам материального и духовного бытия людей. И.В. Власова оставила для читателя немало свидетельств, ярко передающих приметы своего времени.

Так, в условиях победного марша советского общества к высотам коммунизма, в стране катастрофически ощущалась нехватка продовольствия. Отправившись в 1955 г. в свою первую экспедицию в Тамбов, И.В. Власова отмечает, что в городе «большие трудности с питанием» (с. 5). В 1960-е годы положение не улучшилось. Вспоминая работу в деревнях Русского Севера, автор пишет: «Купить что-либо из продуктов в деревнях было трудно» (с. 23–24). 1970-е годы не принесли народу облегчения: «В эти годы были трудности со снабжением продовольствием» – записывает автор свои впечатления о пребывании на архангелогородской земле (с. 31). В

Пермском крае то же самое – местному коллеге-этнографу члены экспедиции привезли из Москвы в подарок мясо, «которое было невозможно купить в городе». Автора удивил и коричневый цвет теста местных пельменей, который был следствием того, что отсутствовавшие в магазинах яйца пермяки заменяли крепкой чайной заваркой. «Снабжение продовольствием миллионного промышленного города оставляло желать лучшего», – констатирует автор (с. 101).

В своих записях И.В. Власова описывает чудовищно низкий уровень развития социальной инфраструктуры российской сельской глубинки: в населенных пунктах отсутствовало нормальное водоснабжение, села не были газифицированы; из-за плохого состояния дорог сообщение между соседствующими регионами могло надолго прерваться, а те по которым еще можно было проехать, – «ужасны, и после них надо было долго приходить в себя и восстанавливаться» (с. 66); на местах крайне неудовлетворительным оставалось медицинское обслуживание – студенческую экспедицию 1955 г. угрозидло попасть в эпицентр бушевавшей в Тамбовской области эпидемии бытового сифилиса, информация о которой властями была, видимо, засекречена.

И другие приметы времени. И.В. Власова с юмором описывает, как в одной из деревень Псковской области местные жители приняли ее за «шпионку», увидев на приезжей незнакомке в общем-то обычные предметы снаряжения этнографа-полевика – фотоаппарат, планшет, через плечо сумку с бумагами и документами: «Да еще я залезала на высокие места, чтобы лучше разглядеть местоположение селения», – пытается автор объяснить причины, по которым местные жители хотели ее «арестовать» (с. 12–13). Однако этот полуанекдотический эпизод не был случайностью, ибо является ярким бытовым свидетельством массовой шпиономании, охватившей сознание советских людей в известные периоды нашей истории.

Путевые воспоминания этнографа разнообразны. В чем-то они совпадают у каждого экспедиционника, так как отражают общие правила работы в поле, поэтому на чужом опыте не грех поучиться. Так, для многих, на мой взгляд, весьма ценными окажутся разделы книги, в которых автор описывает организационные аспекты экспедиционных выездов, например, обоснования решения проводить полевые сезоны на Русском Севере не летом, как обычно заведено у большинства этнографов, а в холодное время года: дороги в состоянии проходимости, народ посвободнее, питание побогаче, комарья нет. С характерным для нее юмором, И.В. Власова повествует о том, как решались проблемы, которые в поле для участников экспедиции порой могут приобретать вселенские масштабы, например, банно-прачечные дела, скудость пищевого рациона, назойливое внимание посторонних к женскому составу экспедиции, установление дружеских и доверительных контактов с местными жителями и др.

В то же время каждая экспедиция всегда неповторима, особенна, уникальна. Ее рабочий ритм, деловые и товарищеские отношения внутри коллектива, объем собранного материала и многое другое, что в конечном итоге определяет успех или провал полевого выезда, зависит от многих составляющих, порой весьма далеких от собственно научных и исследовательских задач отряда. Поэтому немалое очарование книги в описании бытовой повседневности экспедиционной жизни, в которой часто приходится сталкиваться с курьезными случаями, возникают смешные ситуации, происходят нелепости. Вызывая волнения и замешательство в момент казуса, они потом вспоминаются со смехом, составляя неотъемлемый фон воспоминаний этнографа об экспедиционных былях. Так, с веревки случайно прихватили чужое

сушащееся белье (с. 3), неосторожное вторжение на пасеку привело к тому, что исследователей искушали пчелы (с. 25), участников экспедиции принимали то за высшее начальство (с. 260), то за фининспекторов (с. 41), то за тех же шпионов, то за студентов «института» (с. 29).

Воспоминания этнографов никогда не обходятся без размышлений о главном субъекте полевых экспедиций – информаторе. И.В. Власова также с благодарностью пишет о людях, которые стали собеседниками на ее экспедиционных дорогах – а их было немало: мужчин и женщин, горожан и сельчан, верующих и атеистов, «каноничных» православных и староверов, дипломированных специалистов и простых колхозников. Автор помнит едва ли не каждого, воспроизводя обстоятельства встречи, штрихами рисуя запомнившиеся образы, ставших почти близкими людей, каждый из которых внес свой «информационный» вклад в этнографическую картину действительности, воссозданную в трудах исследователя.

В своих поисках экспедиционные отряды И.В. Власовой забирались порой в самые отдаленные уголки наших необъятных земель, например, в, казалось бы непроходимые дебри скованного стужей Пермского Севера, чтобы опросить с десяток жителей затерявшегося в лесах старообрядческого скита. Как тут не вспомнить поэтические строки Николая Рубцова (на страницах книги Ирина Владимировна не раз упоминает имя земляка-вологжанина):

Занесенная снегом избушка
Все-то знает, о чем не спроси,
Все расскажет она, как подружка,
О судьбе поседевшей Руси.

Для И.В. Власовой поле было не только источником конкретной информации, пищей для научных раздумий, но источником жизненных сил, потребностью едва ли не духовного обихода. Поэтому экспедиционная жизнь и ее перипетии пополняли не только профессиональный опыт исследователя, но и обогащали личное пространство памяти, превращаясь в кирпичики, из которых строилось субъективное мировосприятие автора. Это, конечно, свойство большинства представителей нашей профессии, но в Ирине Владимировне оно как-то очень ярко проявлялась, особенно в ее ярких, эмоциональных, красочных рассказах-воспоминаниях о страницах своего экспедиционного быта.

Работу в экспедиционном поле И.В. Власова воспринимала как бесценный дар, сформировавший черты собственного характера. «Этнографический опыт, – пишет Ирина Владимировна, – не раз помогал мне и спасал в разных непредвиденных обстоятельствах». В этих обстоятельствах, в частности, «помогло умение вступать в общение с незнакомыми людьми и располагать их к разговору <...> Но это умение, – признается Ирина Владимировна, – не было моей органической способностью... Это пришло со временем и с опытом работы в этнографических экспедициях» (с. 64).

Этот бесценный опыт действительно воплотился в обаятельнейших чертах характера Ирины Владимировны, которая всегда покорила собеседников своей душевностью, теплом, неиссякаемым оптимизмом, умением найти верную ноту в общении с друзьями, коллегами, учениками. У каждого свой личный опыт общения с И.В. Власовой, но несомненно, что «Экспедиционные были» добавляют нам новые штрихи к ее памятного и дорогому образу.

**РЕЦЕНЗИЯ НА: Е.Н. КВИЛИНКОВА. КУЛЬТ ВОЛКА У
ГАГАУЗОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СИМВОЛОВ.
КИШИНЕВ: Tipografia Centrala, 2014. 472 с.**

«Наивысшей гордостью у петухов считается гребень.
Ученые провели эксперимент.
Петуху “средней руки” приклеили
большой красный поролоновый гребешок.
До этого все кто мог бил его и третировал.
А здесь произошло нечто невероятное.
Все, даже самые крупные петухи, стали заискивать
перед новоиспеченным лидером.
Петушок – поролоновый гребешок вошел в раж,
стал задиаться ко всем, даже самым крупным петухам.
Это продолжалось до тех пор, пока гребень не свалился с его головы.
Вот тут- то ему и досталось»
[Электронный ресурс 2015]

В двух городах Гагаузии, что на юге Республики Молдова, – в Чадыр-Лунге и Комрате в ноябре месяца состоялась презентация книги Е.Н. Квилинковой «Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов», написанной по материалам, собранным ею в течение двух десятилетий. Книгу предваряет рецензия доктора социологических наук, казанского профессора Г.Ф. Габдрахмановой.

Интерес к культу волка и посвященной ему книге определяется не только политическими задачами текущего момента, не только борьбой кандидатов в депутаты за голоса избирателей, но и научными интересами, а также амбициозными устремлениями автора, решившего имплантировать себя в ряды апологетов совершенствования этнополитической ситуации в Гагаузии.

Спешно подготовленный к изданию текст книги Е.Н. Квилинковой соответственно насыщен противоречивостями и редакционными шероховатостями. Особую досаду вызывает богатый иллюстративный материал, взятый, в частности, из творческого наследия С.С. Курогло и других гагаузских поэтов и писателей, оставленный без перевода на русский язык, что, между прочим, отражает отношение автора к русскоязычному читателю.

В статье рецензента, срочно опубликованной в газете «Вести Гагаузии» (2014, 14 ноября), речь идет о рукописи книги, а не о самой книге, что, видимо, было неслучайно. Завершая свою рецензию, Г.Ф. Габдрахманова делает вывод, что «рукопись (NB – М.Г.) «Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов» Е.Н. Квилинковой представляет собой законченный научный труд, выполненный на высоком научно-аналитическом уровне» (Вести Гагаузии, 14.11.2014. с. 3).

Отвечая уважаемой казанской коллеге, пожелавшей, чтобы книга Е.Н. Квилинко-

вой была представлена ученым и широкой общественности, я позволю себе усомниться в «законченности» рецензируемого труда. Г.Ф. Габдрахманова уверена, что «Автор книги внес значительный научный вклад в изучение истории Евразии и этногенеза населяющих ее народов, в выявление единого общетюркского пласта в традиционной культуре и этнокультурных локальных особенностей региона» (Там же). Обратимся, однако, к семиотике и семантике культа волка, в развитие которых, якобы, Е.Н. Квилинкова, по ее самооценке и, по мнению рецензента, внесла «серьезный вклад».

Принципиальная задача семантики, как составной части семиотики, состоит в исследовании смыслов между знаковыми средствами культуры, символами и значениями и, что особенно важно, отражении их в сознании респондентов, в декодировании и понимании, в толковании и рефлексии. Однако выявление и постижение смысла культа волка и сопровождающих его знаковых систем «сквозь призму выборки», осталось, к сожалению, за пределами внимания и автора, и доброжелательного рецензента книги.

Г.Ф. Габдрахманова считает, что «научный труд Елизаветы Квилинковой в значительной степени восполняет пробел», состоящий в том, что «семантика традиционной духовной культуры народов постсоветского пространства в значительной степени пока остается белой страницей» (Габдрахманова: 7). Успех автора рецензент видит в том, что в книге «обстоятельно раскрывается содержание знака «волк» в легендах и поверьях гагаузов, его функции в обрядах, место в народно-религиозных воззрениях, народной медицине, в современной геральдике и политике» (с. 8). Однако так ли это?

Да, действительно, все перечисленное имеет место в соответствующих главах книги. Однако автор смыслы и знаки культа волка считает слишком упрощенно, ограничиваясь одним лишь внешним планом: конативным и когнитивным, сюжетным и композиционным, идеологическим или избирательным. За пределами авторского внимания остается более глубокий план, который касается проблемы происхождения гагаузов. Между тем, путь к раскрытию этой тайны лежит через постижение «Культа волка как синтезированного продукта оседло-кочевого образа жизни, который неизбежно порождался тем, что евразийский материк служил исконной средой хозяйственной деятельности предков гагаузов» (Гагаузы 2012: 452).

Попытка разграничить отдельные культы, например, волка или петуха и представить отдельно функциональную и смысловую нагрузку каждого из них, лишает систему традиционной культуры устойчивости и самодостаточности. Внутренне взаимосвязанная система культов повисает в воздухе.

Около десяти лет тому назад в связи с публикацией статьи «Культе волка у гагаузов. Этнокультурные параллели в тюркском мире» (Губогло 2005: 408–446) мне уже приходилось истолковывать смыслы образа волка на двух картинах известных гагаузских художников Д.И. Савастина и Д. Айоглу. В частности, я видел, что на картине Д.И. Савастина «Сказание о сером волке» молодая гагаузка на трехструнной национальной скрипке исполняет ностальгические мелодии, вызывающие ассоциации с исходом кочевых прашуров гагаузов со своей исторической прародины. Путь им указывает мифический прародитель – легендарный серый волк. Картина Дмитрия Айоглу «Волчьи праздники» раскрывает этнокультурный смысл образа волка. «В Буджакской степи, в пелене утреннего тумана, сквозь оголенные ветви акации и иссохшие колючки кустарника по-над крышами домов, приземистых овчарен и

хозяйственных построек, видится могучая фигура серого волка, о чем-то надсадно воющего, обращаясь к тюркскому Богу неба – Тенгри» (*Русский язык* 2005). Книга включает три тематических раздела и небольшую главу об истории изучения тотемизма и проблем культа волка в публикациях гагаузских исследователей.

Центральное место в первом разделе занимают *глава III* – об отражении образа волка в мифологии и традиционной обрядности гагаузов (с. 123–162) и *глава V* – об этнокультурных символах как элементах культурного наследия гагаузов (с. 216–284). Не вызывает доверия оценка рецензента Г.Ф. Габдрахмановой, увидевшей особую заслугу Е.Н. Квилинковой в том, что ей удалось «установить состояние сохранности “волчьих праздников” и связанных с волком преданий у современных гагаузов».

Как профессиональному социологу Г.Ф. Габдрахмановой хорошо, конечно, известны требования о репрезентативности и валидности материалов, вводимых в научный оборот. Между тем, выводы о тематическом и стилистическом единообразии некоторых сюжетов, в том числе легенд о нарушении запрета на те или иные виды работ, которые записывались Е.Н. Квилинковой якобы со слов информаторов, на самом деле были сделаны на основе опубликованных научных статей и поэтических сборников, а также картин художников. Не подвергая сомнению добросовестность собирателей гагаузской мифологии и реликтов устного поэтического творчества, все же имеет смысл задуматься о возможном и необходимом контроле первичности или вторичности, оригинальности или замещенности собранной информации.

Во втором разделе монографии, в *главах II* (с. 68–122) и *IV* (с. 172–215) приведены сравнительные данные о тотемизме у некоторых евразийских народов, в том числе балканских, и у гагузов, хотя прямого отношения к культу волка эти данные не имеют. Практически ничего нового к уже известным публикациям эти сведения не добавляют. Напомню, что еще в статье, впервые опубликованной в 1966 г. и переизданной в 1990 г., выдающийся советский этнограф С.А. Токарев писал, во-первых, о том, что «история данной проблемы в целом достаточно хорошо известна» (*Токарев* 1990: 564) и, во-вторых, о том, что «просто невозможно перечислить всех полевых исследователей, изучавших пережитки тотемизма у народов Средней Азии, Кавказа и Поволжья» (*Токарев* 1990: 571).

Приводя длинный ряд примеров о проявлении тотемизма у различных народов, Е.Н. Квилинкова делает вывод о том, что в основе тотемической сущности обычаев, обрядов и поверий, связанных с культом волка, «лежат древние представления о волке как о прародителе и предке, заступнике и охранителе людей» (с. 121). Между тем, С.П. Толстов и С.А. Токарев очень точно определяли тотемизм как «форму отражения внутренней сплоченности первобытного общества, его единство, его отличий от других таких же сообществ» (*Толстов* 1935: 26; *Токарев* 1990: 568). Неясно, почему мнения этих авторитетных ученых не заслужили внимания Е.Н. Квилинковой.

Автор знаменитой книги «Как возникло человечество» Ю.И. Семенов также не был упомянут, хотя именно на созданную им теорию происхождения и сути тотемизма благосклонно ссылался С.А. Токарев. «Тотемизм, – по мнению Ю.И. Семенова, – возник как иллюзорная форма осознания объективной, имеющей своей основой производство общинности всех членов первобытного коллектива» (*Семенов* 2002: 431).

Е.Н. Квилинкова и Г.Р. Габдрахманова не приняли во внимание достижения отечественных и зарубежных исследователей тотемизма, в основе которого лежат не кровнородственные отношения, не «представления о волке как прародителе», а «иллюзорное отражение единства человеческого коллектива». Более того, «тотемизм

первоначально не включал в себя ничего другого, кроме убеждения в том, что все члены коллектива и все животные тотемного вида образуют одну общность и что, следовательно, все они в определенном отношении тождественны друг другу». Это убеждение, – по словам Ю.И. Семенова, солидаризирующегося с автором четырехтомной монографии «Тотемизм и экзогамия» Дж. Фрэзера, – и «представляет собой ядро, суть тотемизма» (Семенов: 431).

Наконец, в третьем разделе книги, в *главе VI* «Волк в геральдике и эмблематике тюркских народов» (с. 285–324) и в *главе VII* «Образ волка в гагаузской национальной символике» (с. 324–401), а также частично в *главе V* «Гагаузские этнокультурные символы в связи с традиционностью и сохранностью» (с. 216–284). Е.Н. Квиленкова привела ряд примеров о символике волка, петуха и лошади в современной культуре гагаузов и некоторых других тюркских народов. В этом разделе, как считает рецензент Г.Ф. Габдрахманова, автор книги открыла для себя и для своих читателей новую тему исследований в предметной области гагаузоведения, связанную с учреждением смысловой нагрузки этнокультурных символов. Открыла ли?

В двух заключительных главах об отражении волка в геральдике и эмблематике тюркских народов, Е.Н. Квиленкова приводит данные о волке как общетюркской символике, политических, народных и национальных движений, ставит на повестку дня ряд новых вопросов по освещению этнокультурных символов как мощных ресурсов этнической мобилизации.

Когда я приступил к написанию заключительной части своей трилогии «Смыслы повседневности», посвященной анализу семантики картин гагаузских художников, то поймал себя на том что «пишу о том, чего не знаю, но хочу знать». Видимо, из подобной же установки исходила доктор социологических наук Г.Ф. Габдрахманова, согласившаяся написать в рецензии о мифологии евразийских народов, о волке, как общетюркском тотеме и о культе волка у гагаузов, об успехах лингвистики и недочетах этнологии в семиотике и семантике.

Относительно приверженности именно этому принципу автора книги и ее рецензента, можно, в частности, судить по тому, что в обширном списке литературы нет ни одной специальной статьи об этнической мобилизации, ни одного упоминания о серии из 130 книг, изданных об этнической мобилизации в рамках крупномасштабного проекта «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве», осуществленном сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН совместно с академическими центрами и университетами ряда городов России.

Эклектическое на первый взгляд содержание книги, охватывающей сюжеты от средневековой мифологии до современных трендов и брендов модерна, можно объяснить вполне оправданным стремлением автора книги перекинуть мост через бездну между мифологическими берегами евразийских народов в средние века и более ранними периодами истории тюркских народов и современными успехами гагаузов в нациестроительстве и создании собственной государственности.

Несколько запоздалый, но уместный разворот профессионального этнографа-полемика в сторону этнополитики и вступление ее в ряды исследователей этнической мобилизации, означает выражение амбициозности части гагаузской элиты. Одни из числа гагаузоведов, одержимые желанием прославиться, воспринимают русофобию и неприязнь к русскому языку как руководство к действию, другие переключаются с изучения календарной обрядности и традиционной культуры гагаузов к проблемам

постмодернизма, которые, правда, уже вышли из моды в европейских научных кругах. Очевидно, что работа значительно бы выиграла и выглядела бы как завершенное исследование, если бы автор, действительно, исследовал семиотические аспекты календарной обрядности, в том числе и волчьих праздников. В этом случае, Е.Н. Квилинкова оставалась бы в своем профессиональном поле и не допустила бы явных недочетов при обращении к теме, пока находящейся вне ее компетенции. Исследование семиотики, несомненно, выявило бы глубинные смыслы, связанные с образом волка и не только. Процесс нациестроительства и этнической мобилизации, понятное дело, не обходится без конструирования этничности, без создания символов.

Завершая главу об историографии «Отражение вопроса о Культе волка в исследованиях гагаузов», изложенную торопливой скороговоркой, Е.Н. Квилинкова поучительно строго предупреждает тех исследователей кто усматривает в культе волка у гагаузов этноспецифические элементы, «подчеркивающие их отличие от соседних народов», и в директивном порядке, как начальник идеологического ведомства, выносит вердикт: «каждый ученый *должен* (курсив мой – М.Г.) руководствоваться принципом ответственности исследователя с целью полной и объективной подачи и интерпретации материала» (с. 67).

Я без труда в этом окрике узнаю камень и в свой огород. Чтобы читатели не сомневались в адекватности моих подозрений, позволю себе привести еще одну цитату, в которой изложена критика в адрес тех ученых, кто «преувеличивая» значение культа волка в устном народном поэтическом творчестве гагаузов, якобы усматривает в нем этноспецифические черты. О сторонниках, акцентирующих внимание на общности культа волка у гагаузов с другими тюркскими народами, Е.Н. Квилинкова пишет: «Ввиду общей языковой идентичности (тюркоязычные) вся мифология, а также обычаи и обряды рассматриваются ими как общее культурное наследие», а «вопросы о причинах различия форм и содержания Культа волка у гагаузов и других тюркских народов приобретают третьестепенное значение» (с. 67).

Сторонники второй точки зрения, к числу которых относит себя и Е.Н. Квилинкова, напротив, «выявляя весь комплекс обычаев, обрядов и поверий, характеризующих Культ волка у гагаузов, обращают внимание на значительное сходство с Культом волка, характерным для балканских народов» (с. 67).

Истоки этой второй точки зрения восходят к взглядам тех болгарских коллег, которые отказывают гагаузам в исконно тюркском происхождении и считают гагаузов болгарами, воспринявшими тюркский язык. В этой гипотезе на заре своей научной карьеры, кстати, позиционировала себя и Е.Н. Квилинкова. Но как только гагаузская этнополитическая элита окончательно утвердила в своей государственной символике культ волка и глубокую этногенетическую связь гагаузов с тюркским миром, она сменила свою доктринальную ориентацию с проболгарской теории происхождения гагаузов на протюркскую.

Попытки приписать культу волка решающий «этноспецифический маркер» сегодня связан у автора книги с попыткой солидаризироваться с доктринальной идеологией конструкторов гагаузской государственности.

Позволю себе обратить внимание, что в моих ранних публикациях, которые автор не замечает или старательно замалчивает, речь шла не о культе волка, как об «этноспецифическом маркере», а как о неоспоримом аргументе в пользу кочевого

прошлого гагаузов (Губогло 1967а, 1967б, 1968, 1970, 1973, 1982). И не более того. В этом и состоит ключевое противоречие всей книги Е.Н. Квилинковой: утверждение с одной стороны, этноспецифичности, с другой – стремление доказать, что в культуре гагаузов волк не играет значимой роли и настаивание на космополитической универсальности его культа.

В сборнике «Археология, этнография и искусствоведение Молдавии», ставшем классикой в становлении молдавской этнографии, речь шла о культе волка именно как о свидетельстве кочевого прошлого гагаузов. «Кочевое прошлое гагаузов, – позволю себе воспроизвести вывод упомянутой статьи 1968 года, – просматривается не только в его фольклоре, космологических представлениях и в Культе волка... Гагаузский народный календарь испытал на себе влияние окружающего славянского населения. Но в народной обрядности, народной медицине, детских играх и прочих реликтовых явлениях нетрудно видеть элементы, свойственные тем народам, которые до недавнего прошлого вели кочевую жизнь. Наконец, особый интерес представляет обильная терминология по скотоводству, которая подтверждает связь гагаузской лексики с такой формой трудовой деятельности, основу которой составляло кочевое скотоводство» (Губогло 1968: 60).

Культ волка был воспринят художественной элитой и лидерами этнической мобилизации гагаузов в качестве символа героизации своей истории, национального самосознания и бренда на знамени самопровозглашенной Гагаузской Республики. Однако некоторые источники, вводимые в науку Е.Н. Квилинковой, оставлены ею без комментариев. Это, в частности, относится к сообщению ее анонимного респондента, считающего, что выбор волка вместо петуха в качестве символа на знамени гагаузской государственности был сделан под влиянием публикации научных статей о кочевом прошлом гагаузов.

Е.Н. Квилинкова дословно приводит записанную ею аргументацию респондента об идеологических истоках появления волка на национальном флаге гагаузов. «По-видимому, флаг с изображением волка, – рассуждает респондент, – это была идея М.Н. Губогло... Меня, правда, удивило, – что взяли символ волка, а не петуха. Мне кажется, что это была общая, а не научно-аргументированная позиция. Я все-таки думаю, что они символом волка хотели подчеркнуть тюркскость гагаузов. Эта идея очень глубоко сидит у Губогло, и, видимо, она идет от него» (с. 365).

Одной из задач этнографа-полевика является не только сбор первичной информации, но и ее интерпретация, объяснение фактов, их глубокий анализ, и делать это надо весьма осторожно. В первую очередь это касается обрядовой практики, в которой существует классическое отправление того или иного обряда и вольные его варианты, внедренные не всей этнической общностью, а всего лишь отдельными носителями культуры. Это касается и ответов представителей политической и творческой элиты Гагаузии по поводу причин появления волка в геральдике.

Отсутствие комментариев в некоторых трудах Е.Н. Квилинковой создает ощущение незавершенности самого исследования. Ответы респондентов «повисают» в воздухе и могут быть восприняты читателями, не имеющими отношения к науке, как непреложная истина. Но, повторяю, не исключено, как считает Д.Е. Никогло, что именно моя статья могла вызвать интерес у творческой элиты из гагаузской среды, которая в дальнейшем продолжала интересоваться культурой тюркоязычных народов, в частности, их верованиями.

Ряд суждений и декларируемых аксиом в книге отличаются внутренней противоречивостью или неосведомленностью автора. В самом деле, с одной стороны, культ волка отрицается в качестве этноспецифической особенности гагаузов, а с другой, утверждает, что образ волка служит «этнокультурным маркером» наряду с конем и петухом (с. 12).

Подозревая современных гагаузоведов в неспособности объяснить причины «повышенной значимости данного образа (волка – М.Г.) у гагаузов и почему образ волка был взят для гагаузской национальной геральдики, <...> а не образ петуха, как символ христианства», автор «Культа волка» выставляет напоказ свою неосведомленность. Культ петуха, ошибочно приписанный одним из респондентов, а вслед за ним и самой Е.Н. Квилинковой христианству, на самом деле зарождался в древних дохристианских земледельческих культурах в Индии, Персии и Китае и был связан с почитанием солнца и олицетворением плодородия. Специальных свидетельств о том, что предки гагаузов, да и сами гагаузы были осведомлены о том, что петух – символ христианства не зафиксировано, а по наблюдениям В. Сырфа особо значимой сакральной функции в гагаузском фольклоре петух не несет (*Сырф*).

Несмотря на известную избыточность материалов, придающих композиции книги изрядную рыхлость, для начинающих исследователей опыт Е.Н. Квилинковой будет полезен в качестве урока того, как не надо нарушать логику анализа эмпирического материала в полусыром виде без рефлексий, анализа и осмысления.

Для поэтического мира гения русской литературы И.А.Булнина пение петуха представляет собой *гимн времени*, мост над бездной эпох, мелодия бесконечного круговращения, сохранившегося до наших дней с далеких дохристианских времен, неустанно вращающийся мир вещей, идей, людей в природе. Не могу отказать себе снова и снова процитировать этот шедевр, в котором образ петуха скорее являет собой символ язычества, чем христианства.

«Поет о том, что мы живем,
Что мы умрем, что день за днем
Идут года, текут века –
Вот как река, как облака.
Поет о том, что все обман,
Что лишь на миг судьбою дан
И отчий дом, и милый друг,
И круг детей, и внуков круг»

Петух не просто поет, он «кличет песню надзвездную мне», как писал Н.А.Заболоцкий.

«Пел петух караванам Колумба,
Магеллану средь моря кричал,
Не сбиваясь с железного румба,
Корабли приводил на причал.
Сообщает он кучу известий,
Непонятных, как вымерший стих,
Но таинственный разум созвездий
Несомненно присутствует в них»

Образ петуха «с темной душой», «с циферблатом древних часов» (Н. Заболоцкий) отсчитывает время, символизирует утренний рассвет и тем самым служит соединительным звеном между природой и историей, между язычеством и современностью.

Нет. Не бьют эти птицы баклуши,
Начиная торжественный зов.
Я сравнил бы их темные души
С циферблатами древних часов.

Одним из наиболее почитаемых тотемов у древних славян был петух, с изумительной точностью отмечающий время и признанный вещей птицей, и конь, сливавшийся в представлениях древних славян то с богом солнца, то с образом конного воина. Образы и петуха, и коня с дохристианских времен вплоть до наших дней появлялись на коньках русских домов, на наличниках, деревянных, вязанных и иных украшениях. Культы язычества имплантировались в христианскую догматику. В 17-й лекции «Курса русской истории» великий русский историк В.О. Ключевский таким образом толковал первоприроду языческих культов в христианстве: «...народные христианские верования, не вытесняя языческих, строились над ними, образуя верхний слой религиозных представлений, ложившийся на языческую основу. Для мешавшегося русско-чудского населения христианство и язычество - не противоположные, одна другую отрицающие религии, а только восполняющие друг друга одной и той же веры, относящиеся к различным порядкам жизни, к двум мирам, одна к миру горнему, небесному, другая к преисподней, к «бездне» (Ключевский; 307).

Сравнивая символы волка и петуха на знамени гагаузов, Е.Н. Квилинкова имплицитно отдает предпочтение петуху, как персонажу христианской мифологии, не принимая в расчет его исконно языческое дохристианское происхождение. Такой подход согласуется с ее пониманием Балкан, как основного географического ареала формирования гагаузского этноса в окружении гораздо более многочисленного болгарского народа. На рубеже 1980–1990-х годов., когда шли интенсивные поиски символов, брендов и доктринальных идеологем обоснования гагаузской государственности, культ петуха, по сравнению с более древним культом волка мало кем воспринимался всерьез. Специальное внимание к культу петуха впервые привлек известный гагаузский ученый, политик и дипломат Ф. Ангели в капитальной монографии «Очерки истории гагаузов – потомков огузов (середина VIII – начало XXI века)», в которой он привел некоторые аргументы в пользу существования Добруджанского княжества с петухами на его знамени.

Можно предположить, что позитивным отношением к образу петуха, как христианскому культу, Е.Н. Квилинкова, автор книги «Православие – стержень гагаузской идентичности» обязана пониманием высокого значения религиозности в идентичности гагаузов. Невероятно трудно ей, как адепту православия занимать позицию между Сциллой ВЕРЫ и Харибдой ЗНАНИЯ.

У гагаузов петух ассоциируется с маскулинностью, воинственностью, плодородием, агрессивностью, с тем, кто изгоняет тьму и возвещает свет. Христианство действительно заимствовало культ петуха из язычества. Об этом, в частности, известно с тех пор как по специальному указу Папы римского изображением этой птицы стали венчать шпиль каждого церковного храма. Вознесение на шпиль означало: «церковь божья бдит над душами и помыслами верующих».

«В исследованиях некоторых гагаузоведов элементы Культа волка, – пишет Е.Н. Квилинкова – необоснованно гиперболизируется». Без конкретного примера этот пассаж выглядит не более чем пустой звук. Откуда, например, автору известно, что «Образ волка по-прежнему будоражит сознание гагаузской общественности»? Кто измерял уровень ее сознания? О какой общественности идет речь? В некоторых главах

своей книги Е.Н. Квилинкова, как и ее земляк, известный поэт Федор Занет, противопоставляет себя гагаузской «творческой интеллигенции», упрекая авторов публикаций о культе волка в том, что «придание значимости Культы волка у гагаузов совершается путем акцента на форме, содержания и мифологии данного образа у других народов».

Общепринято в гуманитарных дисциплинах, особенно в социологии и этносоциологии, считать источниковую базу не только достаточной по количеству, но и надежной, критически выверенной по качеству.

Г.Ф. Габдрафикова высоко оценивает «богатышский полевой материал, который Елизавета Николаевна собирала в течение 20 лет», охватив этнологическими экспедициями 17 гагаузских населенных пунктов юга Республики Молдова, 7 населенных пунктов Северо-Восточной Болгарии, а также 3 села Одесской области Украины, но умалчивает о содержании собранной информации, о ее качестве и о необходимости критического анализа источниковой базы. Магия обширной географии путешествий Е.Н. Квилинковой позволяет рецензенту скрыть трудности, и вопросы, возникающие при интерпретации и теоретическом осмыслении собранной информации.

Экспедиционно-полевое подвижничество Елизаветы Николаевны могло бы заслужить добрые слова благодарности со стороны ее коллег, если бы собранные ею материалы хранились в доступном архивохранилище или могли быть подвергнуты квалифицированной экспертизе. Между тем, ее крупномасштабные труды, как правило, издаются в частном порядке, без официального благословения, института, в котором она работает.

Ответственность за достоверность, качество и валидность научной продукции в книге «Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов» взяли на себя своими грифами Государственный институт международных отношений Молдовы и Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Однако о соответствующих решениях Ученых советов указанных институтов сведений в книге не приводится. Поэтому возникает вопрос о возможном недоверии автору не только со стороны ее коллег молдавского Института культурного наследия, но и со стороны экспертного содружества других институтов, к которым Е.Н. Квилинкова, по-видимому, вынуждена была обратиться за помощью в научной апробации своего сочинения.

Один из лидеров гагаузского национального движения, активист создания гагаузской государственности, известный писатель, журналист, С.С. Булгар, рассказывал мне как в 1960-е годы студенты Кишиневского университета переписывали от руки мою статью о гагаузах из журнала «Наука и жизнь» (Губогло 1969). В той статье в осторожной форме были перечислены некоторые элементы традиционной культуры гагаузов. Вместе с культом волка они давали основание считать предков оседлых гагаузов, исповедующих православие, степным народом с кочевым образом жизни. Е.Н. Квилинкова энергично и неустанно рекламирует собранные ею материалы в своих трудах, устраивая торопливые презентации, опережая порой выход очередной книги в свет, не задумываясь о том, что «ничто не ново под луной».

Е.Н. Квилинкова пишет, что «первые работы, посвященные непосредственно изучению формы и содержания «Волчьих праздников», а также особенности проявления Кulta волка у гагаузов Молдовы, были опубликованы Е.Н. Квилинковой» (с. 1) и перечисляет свои публикации, увидевшие свет в 2000 г. и позднее.

Можно допустить, что у нее под рукой не оказались материалы далеких 1960-х годов о культе волка, рассмотренных в комплексе с другими элементами кочевого быта, поверьями и в контексте этнокультурных параллелей у гагаузов и древних тюрок, следами волка в топонимии Балкан и в антропонимии гагаузов и тюрок. Однако как можно

было делать заявление о первенстве своих работ, если до нее уже были изданы научные труды и художественные произведения о культе волка С.С. Булгара, С.С. Курогло, Е.С. Сорочану, Д.Е. Никогло, В.И. Сырфа и ряда других ученых, писателей и поэтов?

Похвально стремление творческих деятелей, озабоченных своей профессиональной карьерой, заявить о себе, как об основоположниках в исследовании той или иной проблемы, например, проблемы голодомора или ужаса принудительных депортаций (Ф. Занет), трактовки православия как стержня гагаузской идентичности (Е.Н. Квилинкова) и культа волка, как символа этнополитической зрелости в государственной символике Гагаузии.

Однако карьерный рост остепененных представителей молодой нации не всегда адекватен научным достижениям того или иного соискателя популярности и общепризнанной признательности. Можно, например, десятилетиями собирать полевые материалы по календарной обрядности в рамках традиционной культуры гагаузов, накапливать данные о культе волка, почитании лошади и петуха, и укладывать эти материалы в многостраничные тома, но при этом не выдвигать ни одной свежей мысли или гипотезы.

В гагаузском социуме складывается парадоксальная ситуация, когда значимость и важность оригинальных идей и творческих способностей не всегда соотносятся с качеством и количеством научной или художественной продукции, несмотря на более чем сверххляльное и целеустремленное отношение законодательной и исполнительной власти Гагаузии и, прежде всего, башкана Гагаузии М.М. Формузала к продвижению в свет трудов профессиональных ученых, поэтов и писателей. Радует издательский бум. Авторы ряда новейших публикаций, работающие вне академических структур, не хуже других, а порой и лучше, чем представители «чистой науки», создают и издают свои труды. Отсутствие обсуждений и экспертиз научных трудов наносит урон авторитету научного знания.

Амбиции молодых профессиональных исследователей, имеющих возможности собирать полевой материал в значительных количествах, но не желающих осваивать накопленный до них опыт и не умеющих осмысливать собранный материал, не способствуют развитию науки, дискредитируют этику ученого. Стало едва ли не правилом в научных изданиях не упоминать своих учителей. Например, в ряде книг упоминается, что автор окончила Московский государственный университет, но мало кто слышал отзыв о лекциях или имя хотя бы одного профессора, у которого она училась. Стоит ли обижаться, что после невнимательного отношения к своим предшественникам, коллегам и учителям, к работам самого такого автора складывается отношение как публикациям невысокого уровня.

Маргинальное состояние Республики Молдова с ее переходной экономикой и турбулентной ситуацией, когда одна часть ее элиты и населения стремится на Запад, а другая ориентируется на Восток, отражается и в ее научной продукции, когда количество научных публикаций не всегда переходит в новое качество.

В заключение, хотелось бы, несколько перефразируя Фридриха Ницше, сказать: «Народ характеризуется не столько своими великими людьми, сколько тем, как их признают, уважают и ценят», а не тем, как они устраивают самиздат и самопрезентации.

Литература

Ангели 2006 – Ангели Ф.А. Гагаузская автономия. Люди и факты (1989-2005 гг.). Кишинев: Universul, 2006.

- Габдрахманова 2014 – Габдрахманова Г.Ф. Рец. на: Е.Н. Квилинкова. Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов // Вести Гагаузии, 2014. № 84–85, 14 ноября. С. 2–3.
- Губогло 1969 – Губогло М.Н. Гагаузы // Наука и жизнь. 1969. № 10. С. 99–103.
- Гагаузы 2011 – Гагаузы / отв. ред. М.Н. Губогло, Е.Н. Квилинкова. ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Ин-т культурного наследия АН Молдовы. М. : Наука, 2011.
- Гагаузы 2012 – Гагаузы в мире и мир гагаузов. Т. 1. Гагаузы в мире / ред. М.Н. Губогло. Комрат; Кишинев, 2012.
- Губогло 1973 – Губогло М.Н. Гагаузская антропонимия как этногенетический источник // Советская тюркология, 1973. № 2. С. 84–92.
- Губогло 1970 – Губогло М.Н. Гагаузская терминология по скотоводству / Тюркская лексикография и лексикология. М., 1970. С. 217–236.
- Губогло 1982 – Губогло М.Н. К изучению тюркоязычного населения Юго-Восточной Европы в свете современных задач балканистики / Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982.
- Губогло 1982 – Губогло М.Н. Культ волка у гагаузов. Этнокультурные параллели в тюркском мире / Русский язык в тюркославянских этнокультурных взаимодействиях. М., 2005.
- Губогло 1967а – Губогло М.Н. Малые тюркские народы Балканского полуострова. М., 1967.
- Губогло 1967б – Губогло М.Н. Этническая принадлежность гагаузов // СЭ, 1967. № 3. С. 159–167.
- Губогло 1968 – Губогло М.Н. Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов / Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968. С. 51–60.
- Кендигелян 2009 – Кендигелян М. Гагаузская республика. Борьба гагаузов за национальное самоопределение. 1989–1995 гг. Воспоминания. Документы. Комрат, 2009.
- Квилинкова 2013 – Квилинкова Е.Н. Православие – стержень гагаузской идентичности. Комрат, 2013.
- Ключевский 1987 – Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. Т. 1. Ч. 1. Курс русской истории. М., 1987.
- Курдогло 2009 – Курдогло К. Репрессии и массовые депортации жителей с. Баурчи Чадыр-Лунгского р-на Республики Молдова. 194–1951 гг. Баурчи; Кишинев, 2009.
- Русский язык 2005 – Русский язык в тюркославянских этнокультурных взаимодействиях. М., 2005.
- Семенов 2002 – Семенов Ю.И. Как возникло человечество. Изд. 2-е, М.: Наука, 2002.
- Сырф 2013 – Сырф В.И. Гагаузская народная волшебная сказка. СПб, 2013.
- Токарев 1990 – Токарев С.А. Ранние формы религии. М.; Наука, 1990.
- Толстов 1935 – Толстов С.П. Пережитки тотемизма и дуальная организация у туркмен // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935, № 9–10. С. 5–41.
- Электронный ресурс 2015 – Электронный ресурс: <http://s58.radikal.ru/i161/1104/bd/96c6754c470b.jpg>. Дата обращения: март 2015.

References

- Angeli F.A. Gagauzskaa avtonomiia. Liudi i fakty (1989-2005 gg.). Kishinev: Universul, 2006.
- Gabdrakhmanova G.F. Rets. na: E.N. Kvilinkova. Kul't volka u gagauzov skvoz' prizmu etnokul'turnykh simbolov // Vesti Gagauzii, 2014. No. 84–85, 14 november. Pp. 2–3.
- Guboglo M.N. Gagauzy // Nauka i zhizn'. 1969. No. 10. Pp. 99–103.
- Gagauzy / отв. ред. М.Н. Губогло, Е.Н. Квилинкова. ; In-t etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaia RAN ; In-t kul'turnogo nasledia AN Moldovy. Moscow : Nauka, 2011.
- Gagauzy v mire i mir gagauzov. Vol. 1. Gagauzy v mire / ред. М.Н. Губогло. Comrat; Kishnev, 2012.
- Guboglo M.N. Gagauzskaa antroponimiia kak etnogeneticheskii istochnik // Sovetskaia tiurkologiia, 1973. No. 2. Pp. 84–92.
- Guboglo M.N. Gagauzskaa terminologiia po skotovodstvu / Tiurkskaia leksikografiia i leksikologiia. Moscow, 1970. Pp. 217–236.
- Guboglo M.N. K izucheniiu tiurkoiazynogo naseleniia Iugo-Vostochnoi Evropy v svete sovremennykh

- zadach balkanistiki / Istoricheskie i istoriko-kul'turnye protsessy na Balkanakh. Moscow, 1982.
- Guboglo M.N.* Kul't volka u gagauzov. Etnokul'turnye paralleli v tiurkskom mire / Russkii iazyk v tiurkoslavianskikh etnokul'turnykh vzaimodeistviiakh. Moscow, 2005.
- Guboglo M.N.* Malye tiurkskie narody Balkanskogo poluostrova. Moscow, 1967.
- Guboglo M.N.* Etnicheskaia prinadlezhnost' gagauzov // SE, 1967. No. 3. Pp. 159–167.
- Guboglo M.N.* Etnokul'turnye dannye o kochevom proshlom gagauzov / Arkheologiya, etnografiia i iskusstvovedenie Moldavii. Kishinev, 1968. Pp. 51–60.
- Kendigelian M.* Gagauzskaya respublika. Bor'ba gagauzov za natsional'noe samoopredelenie. 1989–1995 gg. Vospominaniia. Dokumenty. Comrat, 2009.
- Kvilinkova E.N.* Pravoslavie – sterzhen' gagauzskoi identichnosti. Komrat, 2013.
- Kliuchevskii V.O.* Sochineniia v 9 tomakh. Vol. 1. Part 1. Kurs russkoi istorii. Moscow, 1987.
- Kurdoglo K.* Repressii i massovye deportatsii zhitelei s. Baurchi Chadyr-Lungskogo r-na Respubliki Moldova. 194–1951 years. Baurchi; Kishinev, 2009.
- Russkii iazyk v tiurkoslavianskikh etnokul'turnykh vzaimodeistviiakh. Moscow, 2005.
- Semenov Iu.I.* Kak vzniklo chelovechestvo. Izd. 2-e, Moscow: Nauka, 2002.
- Syrf V.I.* Gagauzskaya narodnaia volshebnaia skazka. Saint Petersburg, 2013.
- Tokarev S.A.* Rannie formy religii. Moscow; Nauka, 1990.
- Tolstov S.P.* Perezhitki totemizma i dual'naya organizatsiia u turkmen // Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv, 1935. No. 9–10. Pp. 5–41.

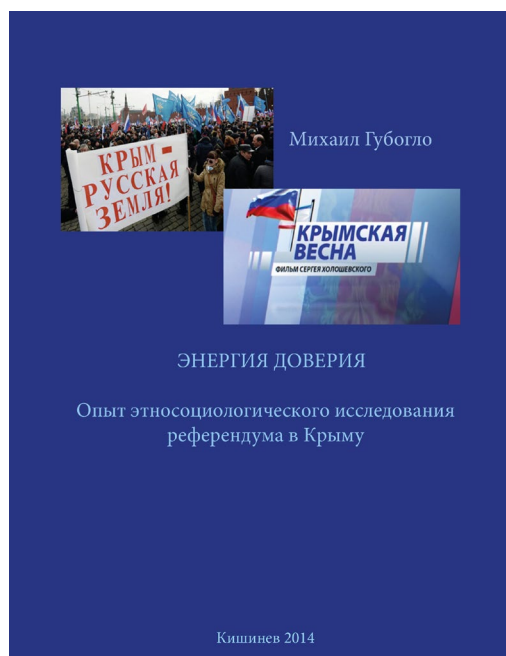
**РЕЦ. НА: ГУБОГЛО М.Н. ЭНЕРГИЯ ДОВЕРИЯ. ОПЫТ
ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
РЕФЕРЕНДУМА В КРЫМУ 16 МАРТА 2014. КИШИНЕВ:
Н.Е. – Р. «TIPOGRAFIA CENTRALĂ», 2014. – 222 с.**

М.Н. Губогло в очередной раз удивил своей способностью быстро реагировать на важные этнополитические события. В прошлом году вышла его книга, посвященная состоявшемуся в том же году референдуму в Гагаузии¹. Через полгода после Крымского референдума вышла рецензируемая книга М.Н. Губогло.

Такая оперативность сопряжена с большими трудностями и большой ответственностью. Трудности заключаются в том, чтобы суметь собрать необходимый материал, осмыслить его, структурировать и превратить в полноценный научный текст. Ответственность заключается в том, исследователь «на броне» рискует попасть под влияние эмоционального фона описываемых событий, сделать скоропалительные выводы, что, конечно, не может не повредить его научному авторитету.

Думаю, автору вполне удалось, как и в случае с гагаузским референдумом, справиться с первой задачей и избежать искуса эффектных умозаключений. Работа основана на результатах исследований, проводившихся в течение ряда лет Центром по изучению межэтнических отношений ИЭА РАН, возглавляемым М.Н. Губогло. Особую ценность имеют материалы, собранные в ходе экспедиций 2013–2014 гг. под руководством Р.А. Старченко (с. 17). Привлекались также Интернет-ресурсы для выявления экспертных оценок. Что касается выводов, то при всей экспрессивности, свойственной стилю автора, они выглядят взвешенными, убедительными и не претендующими на окончательность в анализе исследуемых в книге сюжетов.

Рассматриваемые в книге проблемы в значительной степени увязываются с темой *доверия*, которая в последнее время активно разрабатывается М.Н. Губогло – об этом говорит и само название работы. «Одна из задач этнологического исследования Крымского референдума, пишет автор, – состоит в выявлении меры доверия в треугольнике между Симферополем – Киевом и Москвой» (с. 12). Кроме того, доверие

Чешко Сергей Викторович – доктор исторических наук, гл. научный сотрудник ИЭА РАН. Эл. почта: ieamoscow@mail.ru.

рассматривается как важный фактор отношений внутри крымского сообщества, повлиявший на результаты голосования, а также в связи с рядом других тем. Доверию целиком посвящена третья глава – «Доктринальные основы и практики личностного, группового, государственного доверия».

Не могу сказать, что мне очень нравится уклон в сторону какого-либо одного аспекта в политике и жизни общества. Однако, во-первых, автор книги вовсе не страдает «доверительным детерминизмом»: он анализирует проблематику исследования в контексте всей совокупности исторических, политических, социально-экономических, этнокультурных процессов. А во-вторых, доверие/недоверие, на мой взгляд, действительно обычно оказывается определяющим в любых выборах и плебисцитах, концентрируя эти факторы и создавая зачастую неосознаваемую людьми мотивацию их электорального поведения.

Суммируя изложенное в книге, можно вкратце выразить причины подлинно народного воодушевления, которым сопровождалась подготовка крымского референдума, и его результатов – в духе парадигмы доверия: вера в себя, недоверие официальному Киеву и доверие Москве и лично В.В. Путину. Попутно замечу от себя, что референдум о независимости, как я думаю, с самого начала подразумевался как промежуточный шаг к воссоединению с Россией.

М.Н. Губогло исследует крымский референдум отнюдь не в качестве чего-то уникального и ненормального явления – именно о «ненормальности» (и инспирированности Москвой) говорят критики референдума. Книга и начинается с заявления об определенной тенденции: «XX век ушел в историю под знаком неразрешимости квадратуры круга. В сфере этногосударственных отношений за редким исключением не удалось найти рациональные способы, как реализовать право на этническое самоопределение путем создания собственного государственного образования, одновременно совместив эту стратегию с сохранением территориальной целостности покидаемого государства» (с.5).

Здесь можно бы добавить, что в документах ООН вообще отсутствует норма «этнического» самоопределения, а тем более, в форме отделения и создания собственного государства: есть самоопределение наций, народов и пр. без разъяснения того, что имеется в виду под этими терминами. Да и сама «самоопределенческая» тема появилась в международных правовых актах конкретно в связи с необходимостью как-то регулировать процесс деколонизации, развернувшийся после Второй мировой войны. Время показало, что сформулированные в то время нормы не могут служить универсальной правовой основой для всех случаев «самоопределения».

Я специально закавычил этот термин, поскольку и он сам фактически утратил однозначный смысл. Для одних самоопределение – это самоопределение, для других – сепаратизм (в книге об этом – на с. 6). По своему правы и те, и другие, если абстрагироваться от нравственных оценок, невольно напрашивающихся, например, при виде того, что творят украинские власти в Донбассе и как реагируют на это событие западные страны. По сути, события второй половины прошлого столетия выбили из фундамента международного права один из краеугольных камней. В результате и в худшем случае может завалиться вся система мирового порядка, выстроенная после войны. М.Н. Губогло не совсем, на мой взгляд, прав, когда укоряет ученых в неспособности поспевать за «парадом референдумов» (с. 6). Поспевай не поспевай, а это вряд ли что-то изменит, поскольку определяющую роль играют политические интересы, под которые основные игроки на международной арене стараются подогнать правовые нормы².

В книге крымский референдум о независимости рассмотрен в череде аналогичных событий на протяжении XX – начала XXI вв.: с 1944 г. по 2014 г. в Европе их состоялось больше трех десятков. А самому мартовскому 2014 г. референдуму в Крыму предшествовали референдум 20 января 1991 г. об автономии полуострова, многолетняя и безуспешная борьба крымчан за свои экономические и этнокультурные права в рамках украинской государственности. Кстати, М.Н. Губогло приводит интересные данные и о референдуме в Донецкой обл. в марте 1994 г. (таковой проводился и в Луганской обл.). Подавляющее большинство проголосовавших выступили тогда за федерализацию Украины и придания русскому языку соответствующего чаяниям населения статуса (с. 45). В обоих случаях – Крым и Донбасс – киевские власти проспали или проигнорировали тлеющие конфликты, пренебрегли настроениями и требованиями людей и, в итоге, получили в 2014 г. то, что получили.

В том, что касается значения референдума о независимости в Крыму, М.Н. Губогло высказывает, как мне кажется, небесспорную мысль: «При этом независимо от исхода голосования, итоги референдума не означают поражение Киева или победу Москвы. Они выражают волю народа, оказавшегося на стыке тысячелетий между двумя нацистроительствами, каждое из которых хотело бы иметь полуостров и его население в своем составе» (с. 94).

Полагаю, нет оснований сомневаться в том, что победила именно воля народа (как и в случае с гагаузским референдумом) – правда, такое заявление может показаться какой-то слащавой утопией в наш циничный век или реминисценцией большевистских лозунгов о правах трудящихся и народов. Возможно, мы наблюдаем действительно нечто новое или основательно забытое, проявившееся как отложенная реакция на развал СССР (в книге об этом – на с. 98–99)³. Но итоги референдума одновременно стали, безусловно, и разгромным поражением Киева и Запада, и блистательной победой Москвы. Собственно, и сам автор в конце книги пишет об «огромной внешнеполитической победе России» (с. 196). Впрочем, и тут не могу удержаться от доли полемики. Присоединение когда-то незаконно отторгнутого от России – это, прежде всего, факт реанимации исторического, политико-территориального облика страны, это факт новейшей истории России, а уж потом международных отношений. Хорошо понимаю, что после этого заявления я могу попасть в какой-то очередной «черный список», но это было бы, по мне, лишь комплиментом.

Еще одна интересная тема, поднятая автором, касается того, как, собственно, следует квалифицировать референдумы «наиновейшего времени». «Поскольку инициаторы, организаторы и участники референдумов – пишет М.Н. Губогло, – в большинстве случаев ставят во главу угла по крайней мере сохранение двух важнейших идентичностей – этнокультурной и этнорегиональной, сами эти движения целесообразно было бы именовать этнорегионалистскими...» (с. 6). И в самом деле, прошедшие в 2014 г. референдумы в Гагаузии, Крыму, Донецкой и Луганской обл. показали, что речь должна идти не о каком-то чистом «этницизме», а о движениях, основанных на историко-территориальной общности, обладающей и этнокультурной спецификой.

В девятой главе («Этнорегиональная идентичность как вызовы федерализации») автор как раз и пишет о региональной неоднородности Украины. А в начале книги, определенно имея в виду эту неоднородность, М.Н. Губогло отмечает: «Создается впечатление, что без официального двуязычия многорегиональную Украину вряд ли может ожидать целостность, гармонизация и оптимизация межэтнических, межконфессиональных и межрегиональных отношений» (с. 16). Позволю себе сделать некоторые замечания.

Эту мысль неоднократно высказывали официальные представители РФ, имея в виду, что без федерализации трудно сохранить украинское государство как таковое, обеспечить бюджетные, налоговые и другие экономические права регионов, этнокультурные права граждан. Об этом же время от времени доносится и из западных столиц. Во-первых, однако, возникает вопрос, а что именно надо и можно «федерализовать». Такая перспектива явно не относится к Новороссии, которую, по моему разумению, уже следует считать «отрезанным ломтем» для Украины. Видимо, Новороссию можно только физически уничтожить, а ее остатки загнать в концлагеря и резервации.

Во-вторых, федерализация отнюдь не есть признак и условие демократии. Характер политического режима имеет гораздо большее значение. В современной Украине федерализация с большой вероятностью чревата опасностью разделения страны на «удельные княжества» во главе с олигархами, что отчасти уже и происходит.

Меня особенно заинтересовали четвертая глава – «Переменчивые смыслы, формы и основные этапы политики украинизации», а также размышления о политике «неоукраинизации», проводившейся после распада СССР и резко усилившейся после свержения П. Януковича (эта тема разбросана по нескольким главам).

Подчеркивается принципиальная разница между украинизацией 1920–1930-х гг. и украинизацией постсоветского периода. Автор пишет, что «... в довоенный период и первые послевоенные годы украинизация имела позитивный характер, т.к. решала прогрессивные по характеру задачи по ликвидации безграмотности, ... по обогащению вокабуляра и совершенствованию украинского языка, служило расширению его функциональной нагрузки...». Такая политика не предусматривала ассимиляцию неукраинского населения (с. 79). А вторая редакция политики украинизации «... имела целью не только не только расширение функциональной нагрузки украинского языка во всех сферах официальной жизни, но и дополнение языковой украинизации такими этнокультурными ценностями, с помощью которых обеспечивался бы переход неукраинского населения в состав украинского этноса» (с. 79).

Можно только уточнить, что и в 1920–1930-е годы были перегибы в сторону дискриминации русского языка, но именно «перегибы» из-за чрезмерного чиновничьего рвения, что вообще было характерно для политики «коренизации» тех лет⁴.

В не очень большую по объему книгу автор сумел поместить и много других интересных сюжетов. Но в рецензии невозможно сказать обо всем, и мне только остается посоветовать заинтересованным читателем ознакомиться с книгой М.Н. Губогло. А от автора хотелось бы ожидать нового исследования, посвященного уже Новороссии.

Примечания

¹ О ней см.: *Чешко С.В.* Рец. на: Губогло М.Н. Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М.: ИЭА РАН, 2014. // Вестник антропологии. Новая серия. 2014, № 1. С. 199–202.

² Кстати, во втором номере «Вестника антропологии» за прошлый год помещено приглашение редколлегии принять участие в дискуссии по проблемам самоопределения.

³ Я всегда предпочитаю употреблять конструкцию «распад СССР», имея в виду всю совокупность факторов, приведших к этому драматичному событию, и возражая против прямолинейной «конспирологической» теории (См. *Чешко С.В.* Распад Советского Союза: этнополитический анализ. 2-е изд. М.: ИЭА РАН, 2000). Но в данном случае приходится говорить о бездарной политике одних государственных мужей и своекорыстности других.

- ⁴ Так, например, Постановление Всеукраинского ЦИК и СНК УССР от 6 июля 1927 г. регламентировало внедрение украинского языка в сферы образования, науки, делопроизводства, разделения его функций с русским языком и языками других народов Украины. За действия, противоречащие этому постановлению, предусматривалась, ни много, ни мало, уголовная ответственность. В Постановлении, в частности, указывалось: «Сотрудники, не принимающие необходимых мер к изучению украинского языка или языка соответствующего местного национального большинства, а также те из них, которые проявляют отрицательное отношение к украинизации, увольняются в административном порядке руководителями соответствующих учреждений и организаций без выдачи выходного пособия и без предупреждения» (*Постановление* Всеукраинского ЦИК и СНК УССР от 6 июля 1927 г. // Вісти ВУЦИК. 1927, № 165).

Contents

Physical (biological) Anthropology

<i>Gerasimova M.M.</i> Gerasimids	5
<i>Zubov A.A., Yablonsky L.T.</i> The problem of race and racial studies in the modern ethnopolitical situation.	23
<i>Kolbina A.V.</i> Craniological characteristics of a man from Sargary-Alekseyevka grave	26
<i>Yampolskaya Yu.A.</i> Morphofunctional development of a woman during school years (second half of the XX century, Moscow)	32

Religion Studies

<i>Kazmina O.Ye.</i> The missionary and proselytism as the categories of religious discourse and academic analysis	48
--	----

Anthropological Mosaic

<i>Kauganov E.L.</i> The «Walser-Bubis Debate» about the significance of Holocaust for the Germany national identity	66
--	----

Field Researches

<i>Tumarkin D.D.</i> Condominium or pandemonium? Soviet Ethnographers on the Efate Island	73
---	----

In Memoriam

<i>Heet G.L.</i> Remembering M.S. Akimova	96
---	----

For students and graduate students

<i>Gromov G.G.</i> The Procedure of the ethnographic Expeditions	105
--	-----

A Propos

<i>Cheshko S.V.</i> Is it necessary to translate Sopromat into the Ainu language?	136
---	-----

Reviews

<i>Anchabadze Yu.D.</i> Review to: <i>Власова И.В.</i> Экспедиционные были. Путевые воспоминания. М.: ИЭА РАН, 2014. 164 с.	141
<i>Guboglo M.N.</i> Review to: <i>Квиленкова Е.Н.</i> Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов. Кишинев, 2014. 472 с.	145
<i>Cheshko S.V.</i> Review to: <i>Губогло М.Н.</i> Энергия доверия. Опыт этносоциологического исследования референдума в Крыму 16 марта 2014. Кишинев: Tipographia Centrală, 2014. 222 с.	157

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuri Anchabadze – Institute of Ethnology and Anthropology RAS

e-mail: anchabadze@list.ru

Margarita Gerasimova – Institute of Ethnology and Anthropology RAS

e-mail: gerasimova.margarita@gmail.ru

Michael Guboglo – Institute of Ethnology and Anthropology RAS

e-mail: guboglo@yandex.ru

Alexander Zubov – (1934–2013), Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

Olga Kazmina – MSU

e-mail: okazmina@inbox.ru

Eugene Kauganov – Institute of Ethnology and Anthropology RAS,

e-mail: ekauganov@front.ru

Alina Kolbina – Regional History Museum (Kazakhstan)

e-mail: alina_ant@mail.ru

Daniel Tumarkin – Institute of Ethnology and Anthropology RAS

e-mail: e-lands@yandex.ru

Henrietta Khit – Institute of Ethnology and Anthropology RAS

e-mail: heet@bk.ru

Sergei Cheshko – Institute of Ethnology and Anthropology RAS

e-mail: ieamoscow@mail.ru

Leonid Yablonsky – Institute of Archeology RAS

e-mail: yablonsky.leonid@yandex.ru

Julia Yampolsky – FGBNU «Scientific Center of Children's Health»

e-mail: yu.yamp@rambler.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Авторы представляют два распечатанных экземпляра работы и файл, набранный в редакторе MS Word в формате DOC, шрифтом Times New Roman (кегель – 12) через два интервала, с нумерацией страниц. **Рекомендуемый объем статей – до 60 тыс. знаков с пробелами, рецензий – до 15 тыс. знаков с пробелами, обзоров литературы – до 30 тыс. знаков с пробелами, сообщений о научной жизни (конгрессы, конференции и т.п.) – до 10 тыс. знаков с пробелами.**

На титульной странице помещаются Ф.И.О. автора, название статьи, сведения об авторе (место работы, должность, ученая степень, домашний адрес, контактные телефоны, адрес эл. почты), подпись автора. Прилагаются краткое резюме (до 300 слов) и ключевые слова (5–7) на русском и английском языках. Название статьи указывается также на первой странице текста – фамилия автора здесь не указывается, чтобы обеспечить чистоту рецензирования.

Примечания помещаются в конце основного текста статьи, перед списком использованной литературы. Примечания должны иметь сквозную нумерацию арабскими цифрами по всей работе. В выходных данных книг следует указывать город, год и издательство.

Ссылки на литературу следует давать не с помощью номерных сносок, а посредством указания фамилии автора, года работы и страницы в скобках (например: Иванов 2014: 45). Если дается ссылка на сборник статей, вместо фамилии автора можно указывать либо фамилию ответственного редактора (или составителя сборника), либо одно или два слова из названия сборника. Если дается ссылка на материал, автор которого неизвестен (газетная заметка и т.д.), указывается также одно или два слова из начала заголовка материала (Наши будни 1999). Названия, удобные для сокращения, могут сокращаться: например, «Акты археографической комиссии» – в «ААК» (ААК 1962: 40–44); в этих случаях прилагается список сокращений. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать: «и др.» (Смирнов и др. 1985); в случае зарубежных изданий – «et al.» (Smith et al. 1970). При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a*, *b*, *c* (в случае зарубежных изданий – латинские буквы *a*, *b*, *c*) к году издания (Чернов 1987а: 22; Brown 1964b: 35).

При ссылках на личные полевые материалы автора в списке литературы отдельно указывается не каждый информант, но конкретная экспедиция либо работа в конкретном районе, при этом в скобках указываются все информанты, рабочие тетради автора, картотеки либо другие единицы, на которые даются ссылки в статье. Например: ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Н-ский р-н Н-ский обл. Август 2002 г. (информанты – А.Б. Иванова, 1928 г.р.; К.А. Петрова, 1932 г.р. и т.д.). В тексте статьи ссылки даются следующим образом (ПМА 1: Иванова).

Правильно:

Санин 2004 – Санин Г. Ингушский трамплин // Итоги. 2004. № 32 (www.itogi.ru)
Дятлова – Дятлова В.А. Немецкие поселения Енисейской губернии // История и культура немцев Сибири (http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib)

Неправильно:

Ингушский трамплин – http://www.itogi.ru/Paper2003.nsf/Article/Itogi_2003_8_Дятлова – http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib/BOOK/germ_posel.htm

ЭТО ВАЖНО!

Вводится новый подраздел References, представляющий собой латинизированный вариант подраздела «Научная литература». Транслитерация с кириллицы производится согласно системе Библиотеки Конгресса США (примеры и инструкции по транслитерации приведены в правилах оформления статей).

References (латинизированный список)

Список «References» содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Транслитерация производится согласно системе Библиотеки Конгресса США. Порядок оформления публикаций в этом списке несколько отличается от оформления основных списков литературы в Вашей статье.

Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных, и делается по требованиям РИНЦ, Scopus и Web of Science.

Инструкции:

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx

В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» – скорее всего, это будет: Unicode [Русский язык]

В правом столбике (CONVERT TO) выберите второй вариант: ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]

Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку Convert посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей. Основная работа проделана: теперь Вам нужно исправить типичные мелкие ошибки и оформить список согласно правилам Web of Science.

2) Оформление литературы:**Шапка оформления ссылки на книгу:**

Familia I.O. Nazvanie knigi ili monografii. Gorod: Izdatel'stvo, 1988.

Шапка оформления ссылки на сборник научных статей:

Familia I.O. (ed.) Nazvanie sbornika statei. Gorod: Izdatel'stvo, 1988 (впереди указывается фамилия отв. редактора или составителя сборника)

Шапка оформления ссылки на статью в научном журнале:

Familia I.O. Nazvanie stat'i. Nazvanie zhurnala, 1988, no. 2, pp. 64–74.

Шапка оформления ссылки на статью в научном сборнике:

Familia I.O. Nazvanie stat'i. Nazvanie sbornika, ed. I.O. Sostavitel. Gorod: Izdatel'stvo, 1988, pp. 4–24 (где I.O. Sostavitel – это И.О. Фамилия отв. редактора или составителя сборника)

3) Типичные ошибки, которые следует поправить после автоматического транслитератора:

а) указания на «Том», «№», «С.» (страницы) издания должны быть переведены на англ. «vol.», «no.» и «pp.»

б) все сокращения городов должны быть развернуты: М. – в Moscow; СПб. – в St. Petersburg; Л. – в Leningrad; N.Y. – в New York; и т.д.

в) проверьте и поправьте цифры веков (XX, XIX и пр.) – в случае если Вы их набирали с помощью русских букв «Х», то транслитератор автоматически переведет их в «Kh» (т.е. Вы увидите «KhKh в.» вместо «XX в.» «KhIKh в.» вместо «XIX в.» и т.д.)

г) имена зарубежных авторов не должны транслитерироваться, но должны даваться в оригинале.

Если Вы цитируете какие-либо работы по их русскоязычному переводу, то автоматический транслитератор превратит фамилию Маркс в Marks (необходимо поправить на Marx); Мосс в Moss (необх. поправить на Mauss); Леви-Строс в Levi-Stros (надо: Lévi-Strauss) и т.п.

д) курсивом в латинизированном списке выделяются только названия журналов (или др. периодических научных изданий), названия книг и сборников статей.

4) Примеры:

В итоге публикации из Вашего списка «Научная литература» должны выглядеть следующим образом в списке «References»:

Мосс 1996 – Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996.

Mauss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii. Moscow: Vostochnaia literatura 1996.

Бернштам 1983 – Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л.: Наука, 1983.

Bernshtam 1983 – Bernshtam T.A. Russkaia narodnaia kul'tura Pomor'ia v XIX – nachale XX v. Leningrad: Nauka, 1983.

При оформлении материалов по физической антропологии следует соблюдать следующие дополнительные условия.

В начале статьи необходимо указать *код универсальной десятичной классификации* (УДК). Рекомендуемая структура текста: **Введение, Постановка проблемы, Материалы и методы, результаты и их обсуждение, Заключение, Литература.**

Стилевое оформление:

При наборе текста не следует делать жесткий перенос слов с проставлением знака переноса, а просто автоматический перенос. Не допускать перенос одного слога в конце абзаца (можно не менее 4 знаков).

Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть раскрыты при первом появлении их в тексте.

Дефисы, где этого требует правила орфографии, исправить на тире (- → – [Ctrl “–” самая правая верхняя кнопка на клавиатуре]). Тире ставится во всех случаях кроме «дефиса» по правилам русского языка, например,

Правильно: красно-коричневый, но 1990–1991 гг.

Неправильно: 1990-1991 гг.

В датах тире ставится без пробела (1990–1991)

После десятилетий полностью пишется слово «годы», например 1990-х годов, после даты, коротко г. , например, 1970 г.

Кавычки в основном тексте «», в тексте уже внутри цитаты “”.

Правила оформления литературы

Литература

Бутинов 1975 – Бутинов Н.А. Путь к Берегу Маклая. Хабаровск, 1975.

Иванова 2010а – Иванова Л.А. Н.Н. Мишутушкин и выставка «Этнография и искусство Океании» (к 80-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение, 2010. № 2. С. 97–106.

Иванова 2010б – Иванова Л.А. Николай Николаевич Мишутушкин (05.10.1929 – 02.05.2010) // Этнографическое обозрение, 2010. № 5. С. 189–191.

Филатов 2002 – Филатов С.Б. Послесловие. Религия в постсоветской России // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России. М.; СПб.: Летний сад, 2002. С. 470–484.

References

Butinov N.A. Put' k Beregu Maklaia. Khabarovsk, 1975.

Ivanova L.A. N.N. Mishutushkin i vystavka "Etnografiia i iskusstvo Okeanii" (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia) // Etnograficheskoe obozrenie, 2010. No. 2. Pp. 97–106.

Meliksetova I.M. Vstrecha s Okeaniei 70-kh godov. Moscow, 1976.

Filatov S.B. Posleslovie. Religiia v postsovetsoi Rossii // Religiia i obshchestvo: Ocherki religioznoi zhizni sovremennoi Rossii. Moscow; Saint Petersburg: Letnii sad, 2002. Pp. 470–484.

ФОТО, ГРАФИКИ, ДИАГРАММЫ и РИСУНКИ

Размер файла в формате jpeg – 600 dpi. Файл подается отдельно от статьи (в текст не вставляются), в тексте указывается ссылка на рисунок (например, рис. 1).

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ
2015. № 2 (30)

Сайт нашего журнала: antromercury.ru.

**На сайте в открытом доступе размещается полная версия номеров.
Будем признательны за предложения по совершенствованию сайта.**

Выпускающий редактор – Н.А. Белова

Компьютерная верстка – Н.А. Белова

Художественное оформление обложки – Е.В. Орлова

Подписано к печати 28.05.2015
Формат 70 x 108/16. Усл. печ. 10
Тираж 500 экз. Заказ № 65
Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Начальник участка – *В.М. Маршанов*
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А